Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
Professor Luckyj

LIBRARY
OCT
1983
UNIVERSITY OF TORONTO

Povesti

ПОВѢСТИ

П. А. КУЛИША

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАЙОРЪ. ПОТОМКИ ЗАДНѢПРОВСКИХЪ ГАЙДАМАКЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1860

LIBRARY
OCT
1983
UNIVERSITY OF TORONTO

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25-го марта 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина
75644-46

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

LIBRARY
OCT 13 1983
UNIVERSITY OF TORONTO
PG 3948 K856 A15 1860a t.4

МАЙОРЪ

МАЙОРЪ.

(Посвящается Николаю Васильевичу Бѣлозерскому.)

ГЛАВА I.

На концѣ одного изъ тѣхъ городковъ, которые наши путешественники обыкновенно называютъ *дрянными городишками*, стояла почтовая станція. Городокъ былъ, однакожъ, дрянымъ только въ глазахъ путешественниковъ, которые у насъ очень характеристически называются *проѣзжающими*. Эти господа, естественно, видятъ въ городахъ только казенныя улицы, въ украшеніи которыхъ природа играетъ послѣднюю роль. Что́ касается до мѣстныхъ жителей, то для нихъ въ городкѣ NN росли тѣнистые, полные всякой благодати сады; для нихъ протекала вдоль окраины городка камышчатая, лепеховатая рѣчка, оглашаемая громкими криками гусиныхъ стадъ; для нихъ

кругомъ городка разстилались плодородныя поля, пересѣкаемыя небольшими лѣсами, между которыхъ, надъ прудами и озерами, стояли помѣщичьи хутора, съ низкими, крытыми соломою постройками и торчащими въ воздухѣ крыльями мельницъ....

Читатель видитъ съ первыхъ строкъ, что дѣло идетъ о нашей Украинѣ, передѣланной въ Малороссію. Да, намъ пріятно писать о ней, живя на сѣверѣ, что́ бы въ ней ни происходило. Мы находимъ странное, необъяснимое удовольствіе вспоминать здѣсь даже о томъ, что́ насъ вовсе не восхищаетъ на родинѣ, на-примѣръ, о почтовой станціи городка NN, съ ея тусклыми окнами, съ ея движущимися полами, съ ея жесткою и пыльною мебелью, или о содержателѣ этой станціи, отставномъ корнетѣ Иволгинѣ.... Правда, корнетъ Иволгинъ (а по документамъ Иволга) въ своемъ околоткѣ у многихъ, если не у всѣхъ, слыветъ человѣкомъ очень любезнымъ, обязательнымъ и даже просвѣщеннымъ. Правда и то, что онъ во многихъ домахъ перебывалъ *на примѣтѣ*, какъ хорошій женихъ, да и теперь еще, не смотря на его степенныя лѣта, нашлись бы въ уѣздѣ барышни, которыя не отказались бы отъ его фамильнаго имени, облагороженнаго съ нѣкотораго времени Великорусскимъ окончаніемъ. Но намъ онъ почему-то не нравится. Трудно, впрочемъ, сказать, почему можетъ не нравиться кому бы то ни было такой человѣкъ,

какъ г. Иволгинъ, помѣщикъ такого-то уѣзда и содержатель такой-то станціи. Наружность его, конечно, не изъ самыхъ счастливыхъ, но и не изъ самыхъ несчастныхъ. Вотъ онъ расхаживаетъ по своей станціи взадъ и впередъ, съ трубкою въ рукахъ. Каждый можетъ подойдти и разсмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ. Ростъ Каниτона Павловича средній; всѣ части тѣла, за исключеніемъ нѣсколько толстаго живота, пропорціональны; лицо рябоватое, одутловатое, но, можно сказать, дворянское, выразительное, ибо не даромъ его въ дѣтствѣ неразумные мальчишки-сверстники прозвали *пыкатымъ* (1); ротъ умѣренный; носъ умѣренный; глаза обыкновенные: это написалъ бы о нихъ въ паспортѣ каждый, потому что въ нихъ нельзя опредѣлить ни цвѣта, ни выраженія. Ко всему этому прибавьте солидные, опущенные къ низу усы и густыя черныя бакенбарды. Чего же вамъ еще хочется отъ дворянина? Каниτонъ Павловичъ Иволгинъ былъ прежде очень богатъ, потому что происходилъ изъ «старинной и коренной Малороссійской фамиліи». Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые, по словамъ Гоголя (2), выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ по-

(1) Отъ Украинскаго слова *пи́ка*, морда.
(2) См. *Старосвѣтскіе Помѣщики*.

слѣдующую конѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*«. Нѣтъ, предки Иволгина обогатились иными, простосердечными и такъ-сказать домашними способами. На-примѣръ, дѣдъ его служилъ въ Малороссіи военнымъ коммиссаромъ во время Потемкинскихъ походовъ. Отъ времени до времени онъ приготовлялъ пакетъ, припечатывалъ къ нему перо, въ знакъ того, что пакетъ долженъ летѣть, какъ птица, и, призвавъ къ себѣ богатаго козака въ самую рабочую пору, или передъ годовымъ праздникомъ говорилъ ему ласковымъ голосомъ: »Голубчикъ, Иванъ, садись ты на коня и лети птицею съ этою бумагою къ свѣтлѣйшему подъ Очаковъ.« Козакъ, разумѣется, просилъ миновать его съ этою бѣдой, или предлагалъ нанять на свой счетъ гонца. »Нѣтъ, голубчикъ«, отвѣчалъ простосердечно коммиссаръ Иволга, »такой важной бумаги нельзя поручить никому другому.« Но, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, старинное дворянское простосердечіе дѣлало уступку, а козакъ съ своей стороны уступалъ коммиссару за безцѣнокъ нивку, лѣсокъ, сѣнокосъ и тому подобную бездѣлицу, и такимъ образомъ кротко, мирно, и не компрометируя себя, какъ оные дегтяри и торгаши, увеличивалъ старый Иволга свое благосостояніе и оставилъ внуку своему триста душъ и три

тысячи десятинъ земли. Поэтому Капитонъ Павловичъ, въ началѣ своей жизни, не имѣлъ никакой надобности содержать станцію и сидѣть на ней по цѣлымъ днямъ, какъ это онъ дѣлаетъ нынче. Но, къ несчастью, воспитываясь въ пансіонѣ у одного строгаго и глубоко-нравственнаго Нѣмца, онъ получилъ непреодолимую страсть къ разгульной жизни и, вырвавшись изъ пансіона въ уланскій полкъ, надѣлалъ столько долговъ, что долженъ былъ выйдти въ отставку и заложить наслѣдственное имѣніе. Эта печальная необходимость не умѣрила нисколько въ немъ страсти къ нарушкамъ. Въ нѣсколько лѣтъ, изъ вертляваго офицерика, красы хуторскихъ вечеринокъ, онъ сдѣлался обрюзглымъ и насиртованнымъ флегматикомъ... Въ нѣсколько лѣтъ, изъ владѣльца трехъ сотъ душъ онъ сдѣлался владѣльцемъ тридцати душъ, и ничего не было въ томъ невѣроятнаго, что его состояніе дойдетъ наконецъ до нуля. Но сосѣди-аристократы, помогавшіе ему промотаться, слишкомъ неосторожно дали ему почувствовать свое пренебреженіе къ обѣднѣвшему собрату. Тутъ оказалось, что Иволгинъ человѣкъ не безъ энергіи. Остановясь, такъ сказать, на краю пропасти, онъ взялся содержать почтовую станцію, и не только поддержалъ этимъ свои разстроенные финансы, но и самое значеніе свое въ уѣздѣ. Черезъ городокъ NN проѣзжали разные генералы, князья, графы. Иволгинъ, обладая счастливою способностью

постигать склонности и вкусы знатныхъ людей, предлагалъ имъ къ-стати свои услуги, въ качествѣ добродушнаго Малороссійскаго помѣщика, — смѣшилъ ихъ своими анекдотами, въ качествѣ Малороссійскаго юмориста, и, составляя такимъ образомъ кругъ знакомствъ внѣ уѣздной сферы, возвышалъ себя во мнѣніи самыхъ гордыхъ сосѣдей-аристократовъ. Къ чести его характера, надобно прибавить, что, кромѣ благосклонности, онъ ничего не домогался отъ своихъ знатныхъ знакомыхъ. Онъ имъ служилъ, чѣмъ только могъ, отъ всей души, безъ всякихъ корыстныхъ побужденій, служилъ, благоговѣя передъ ихъ знатностью и желая возвысить въ глазахъ уѣзднаго общества то, что́ онъ въ себѣ чтилъ выше всего, — дворянское имя Иволгина.

Капитонъ Павловичъ давно уже расхаживаетъ взадъ и впередъ по своей почтовой станціи. Кто привыкъ встрѣчать Капитона Павловича въ обыденномъ костюмѣ, тотъ удивился бы не мало, видя на немъ новый сюртукъ, который надѣвалъ онъ только по праздникамъ. Капитонъ Павловичъ чисто выбритъ, что́ случается съ нимъ довольно рѣдко. Бѣлья не видать изъ-подъ его чернаго галстука и изъ-подъ пестраго жилета; но въ городкѣ NN немногіе показываютъ наружу свое бѣлье, если же и показываютъ, то это манишки, которыя Капитонъ Павловичъ презираетъ по всей справедливости. Онъ одѣтъ, что́ называется, солидно.

Онъ до того чуждъ страстишки казать себя людямъ снаружи, что даже серебряный крестикъ pro virtute militari носитъ подъ лацканомъ, и только въ важныхъ случаяхъ, гдѣ требуется произвести эффектъ, вдругъ застегивается на всѣ пуговицы и изъ штатскаго человѣка является изумленному взору военнымъ кавалеромъ. При всемъ томъ въ его костюмѣ, въ поступи и осанкѣ замѣтна сегодня какая-то торжественность.

Двѣ тройки лучшихъ почтовыхъ лошадей съ самого утра стояли въ хомутахъ. Единственный на станціи бородастый ямщикъ и его молодой сынъ въ Русской рубашкѣ пропустили свои очереди, оставаясь въ бездѣйствіи. Жалобная книга дважды была потребована обиженными проѣзжающими, и въ ней выражено сильное и угрожающее негодованіе, надъ которымъ могъ смѣяться одинъ только Капитонъ Павловичъ, очень хорошо знакомый съ губернскимъ почтмейстеромъ, а еще лучше съ его письмоводителемъ. Обыкновенно Капитонъ Павловичъ обѣдаетъ у своихъ родныхъ и знакомыхъ, которыхъ у него въ самомъ городѣ и въ его окрестностяхъ множество, но на этотъ разъ обѣдъ готовили ему на станціи. Онъ помѣстился за столомъ противъ отвореннаго, обращеннаго къ полю окна и безпрестанно въ него посматриваетъ. Очевидно, что онъ кого-то поджидаетъ.

Въ городѣ давно всѣ знали обо всемъ этомъ, и уже человѣка два изъ чиновнаго люду навѣды-

вались на станцію съ вопросами: кого онъ ждетъ? не будетъ ли проѣзжать губернаторъ? и тому подобными. Но Капитонъ Павловичъ сдѣлался необыкновенно молчаливъ и торжествененъ. Онъ отвѣчалъ короткими фразами: что какъ дескать ему знать о такихъ важныхъ лицахъ и ихъ проѣздахъ, что объ этомъ было бы сообщено городскимъ властямъ по законному порядку, и, кашлянувъ съ таинственною миною, которую онъ любилъ на себя принимать, прибавлялъ: »Что́ мы? гдѣ намъ? мы такъ-себѣ, хуторяне, захолустники«, и прочее въ этомъ тонѣ.

Лѣтній день склонялся уже къ вечеру. Съ полей потянуло свѣжимъ запахомъ молодыхъ хлѣбовъ. Но на дорогѣ, далеко видѣющейся на степномъ бугрѣ, не показывался тотъ, кого ожидалъ Капитонъ Павловичъ. Уже соломенная крыша почтовой станціи, съ двумя трубами, бросила отъ себя тѣнь по зеленому городскому выгону, на-подобіе Готической башни. Въ жалобной книгѣ прибавилась ещо одна жалоба, отъ молодого офицера, проѣзжавшаго по казенной надобности. На большой дорогѣ замычала сотнею голосовъ *череда* (1), возвращаясь домой въ облакахъ пыли. Солнце прекрасно освѣщало рыжіе бока коровъ, которыя издали подавали своимъ дѣтенышамъ материнскій

(1) Общественное стадо. Слово *череда* пошло въ ходъ отъ общественныхъ пастуховъ, чредою смѣнявшихъ одинъ другого.

голосъ. Самая пыль въ ея золотистыхъ лучахъ живописно переходила изъ густого сѣраго въ розоватый прозрачный тонъ. Степной однообразный пейзажъ, видный въ обращенное къ полю окно станціи, вдругъ оживился и сдѣлался достойнымъ кисти художника. Но Капитону Павловичу было не до пейзажей. Онъ досадовалъ, что облака поднятой чередою пыли закрыли отъ него дальній бугоръ на горизонтѣ, по которому тонкою, темною чертой шли столбовая дорога.

Медленно двигалось нестройное стадо, состоявшее на половину изъ рогатаго скота, на половину изъ овецъ, а частію изъ Еврейскихъ козъ и анти-Еврейскихъ свиней, которыя наровили попасть въ сосѣдніе огороды и задавали много лишней работы пастухамъ и ихъ длиннымъ, громко хлопающимъ *пугамъ* (1). Разнообразные ихъ крики — одни къ коровамъ, другіе къ овцамъ, третьи къ козамъ, прыгавшимъ на увитые зеленью плетни, четвертые къ непокорнымъ свиньямъ — смѣшивались съ разнообразными голосами самой череды и производили кутерьму звуковъ, которая, при всей своей нестройности, какъ-то попадала въ тонъ съ раскинутымъ широко пейзажемъ полей и разбросанными въ дикомъ безпорядкѣ предмѣстьями городка NN. А солнце между тѣмъ торжественно заходило, и тонкая, стелющаяся туманомъ пыль

(1) Кнутамъ.

проникалась освѣжительнымъ запахомъ полей, и соловьи громко щелкали тутъ же въ дикой заросли, позади почтовой станціи.

Медленно двигалось впередъ нестройное стадо. Вдругъ произошло въ немъ какое-то смятеніе. Захлопали громче прежняго длинными кнутами пастухи и выразительнѣе прежняго закричали на череду всѣми своими зовами. Череда разступилась, и изъ облака пыли вырѣзалась освѣщенная заходящимъ солнцемъ шестерня лошадей, съ форрейторомъ, кучеромъ и сверкающими стеклами фонарей дорожной тяжелой коляски.

Въ одно мгновенье Каинтонъ Павловичъ очутился у подъѣзда и съ низкими поклонами привѣтствовалъ подкатившаго къ станціи проѣзжающаго. Въ коляскѣ сидѣлъ, съ своимъ камердинеромъ, тучный старикъ, съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ лица, какое только можно себѣ представить. Каинтонъ Павловичъ назвалъ его вашимъ сіятельствомъ и, по-видимому, жалѣлъ, что дворянская честь не позволяетъ ему поцѣловать жирную и изнѣженную руку, протянутую къ нему изъ коляски очень благосклонно. Онъ прикоснулся къ ней, какъ къ святынѣ, своею тоже довольно жирною, но смуглою и огрубѣлою рукой, и еще ниже поклонился его сіятельству.

Спрошено было у его сіятельства о здоровьи, съ самымъ нѣжнымъ участіемъ. Выражена была радость всего уѣзда, по случаю разнесшагося слу-

ха, что его сіятельство благоволили посѣтить свои владѣнія (находившіяся, какъ видно, тутъ же въ окрестностяхъ). Сообщено было его сіятельству о здравіи и благоденствіи нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ его ближайшій кругъ во время сельскаго отдыха отъ столичныхъ трудовъ.

Его сіятельство принялъ все это съ дивною благосклонностью, и значительно расширилъ пріятною улыбкою свою и безъ того обширную физіономію; но на вопросы Каинтона Павловича отвѣчать не могъ по причинѣ пыли, причинившей ему першоту. Каинтонъ Павловичъ свирѣпо взглянулъ раза два на городскую череду, двигавшуюся мимо, въ живописномъ безпорядкѣ; но устранить сего непредвидѣннаго казуса было рѣшительно невозможно.

Сидѣвшій рядомъ съ княземъ камердинеръ, зная нужды и желанія своего сіятельнаго спутника, обратился къ Каинтону Павловичу и прервалъ его плавныя и сладкія рѣчи словами:

»Каинтонъ Павловичъ, велите-ка заложить лошадей.«

Хотя эти слова излетѣли и не изъ сіятельныхъ устъ, но, такъ какъ Каинтонъ Павловичъ хорошо зналъ интимныя отношенія камердинера къ его господину, то это было для него всё равно, какъ еслибы самъ князь произнесъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ не обратилъ на нихъ вниманія и продолжалъ всенокорнѣйше доносить князю о

жизни и дѣяніяхъ разныхъ лицъ, которыя — зналъ онъ — наиболѣе интересовали его сіятельство въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такое невниманіе противорѣчило всѣмъ чувствамъ, которыя онъ доселѣ выразилъ передъ княземъ; но у Каинтона Павловича былъ свой разсчетъ.

Откашлявшись и получивъ употребленіе языка, князь сказалъ лично, въ отвѣтъ на его разсказы:

»Очень хорошо, любезнѣйшій; все это вы мнѣ потомъ перескажете, а теперь велите заложить лошадей.«

»Сію минуту, ваше сіятельство!« отвѣчалъ Каинтонъ Павловичъ, однакожъ съ мѣста не трогался и продолжалъ юлить передъ коляской по-прежнему.

Князь былъ очень деликатенъ и прослушалъ его еще съ минуту, не измѣняя ласковаго и благосклоннаго выраженія лица. Череда прошла мимо и причинила ему новую перхоту. Откашлявшись, онъ опять напомнилъ о лошадяхъ.

»Лошади для вашего сіятельства съ утра готовы«, отвѣчалъ Каинтонъ Павловичъ; »сію минуту выведутъ!« и опять понесъ свои исторіи. Наконецъ, видя, что сіятельный путешественникъ началъ морщить брови, не смотря на привычную свою благосклонную улыбку, — онъ бросился на станціонный дворъ и поднялъ страшную тревогу.

Лошади дѣйствительно стояли у самыхъ воротъ; но бородастому ямщику и его сыну сообщено было съ утра конфиденціяльно, чтобъ они не выводили со двора лошадей, пока Каинтонъ Павловичъ не явится на дворъ и лично не выбранитъ ихъ за медленность.

Въ одну минуту нацѣплены были постромки на крючья и вальки княжеской коляски. Ямщикъ молодцемъ вскочилъ на козлы, форрейторъ очутился мигомъ на сѣдлѣ. Каинтонъ Павловичъ вскрикнулъ: »Готово!« и въ то же время раскланялся передъ княземъ. Застоявшіеся кони подхватили тяжелую коляску точно на крылья, и облако пыли занесло Каинтона Павловича, довольнаго собой и всѣмъ истекшимъ днемъ.

ГЛАВА II.

Солнце сѣло на противоположномъ концѣ города. Тонкая пыль перерѣзала пополамъ дома и растущіе возлѣ нихъ тополи узкою сѣрой полоскою. Городской шумъ умолкалъ съ каждой минутой замѣтно больше и больше. Громче запѣли соловьи въ дикой заросли позади станціи и въ городскихъ садахъ. На мѣсто дневной мелочной суматохи и шуму, на землѣ и въ воздухѣ водворялось что-то спокойно-величавое. Дома съ своею пестротой, сады съ своими торчащими не всегда къ-стати деревьями, сливались въ крупныя сѣрыя и темныя массы. Небо какъ-будто опустилось ниже къ землѣ, и каждому созданію Божію сдѣлалось какъ-то уютнѣе. Запоздалые пахари, накинувъ на себя *кобеняки* (1), поспѣшали домой. Вездѣ по городу притворялись ставни. По домамъ все усаживалось

(1) Плащи съ капишонами (*відлогами*).

за ужинъ, или располагалось на ночлегъ, кто въ охлажденной вечернимъ воздухомъ комнаткѣ, кто въ сѣняхъ, на крыльцѣ, подъ навѣсомъ у амбара, а иные и просто подъ открытымъ благодатнымъ Украинскимъ небомъ.

Одинъ только Капитонъ Павловичъ не помышлялъ о ночлегѣ. Онъ мчался по полю верхомъ на сѣрой лошадкѣ, заналенной почтовою гоньбой, хрипящей, но тѣмъ не менѣе быстрой. Мчался онъ не къ собственному хуторскому дому, въ которомъ никогда не отворялись днемъ всѣ ставни, въ которомъ ночью рѣдко бывало освѣщено больше двухъ оконъ, исключая торжественныхъ случаевъ, когда хозяинъ ни съ сего, ни съ того напрашивалъ къ себѣ гостей, чаще всего переходящихъ офицеровъ, и задавалъ имъ шумную пирушку. Вѣрный конь его, надорванный безтолковою гоньбой, скакалъ по направленію къ хутору Майоровщинѣ, который основалъ нѣкій майоръ, въ память своего майорскаго существованія. Въ ночной тишинѣ, среди благоухающихъ полей, тяжело раздается конскій топотъ и храпъ. Не дастъ всадникъ своему буцефалу перевести дыханіе. Можно подумать, что онъ везетъ кому-то вѣсти, отъ скораго, или медленнаго полученія которыхъ зависитъ жизнь, или смерть человѣческая. Но Капитонъ Павловичъ везъ сосѣду майору, въ основанный имъ хуторъ Майоровщину, не болѣе, какъ простое извѣстіе, что нежданно, негаданно пріѣхалъ въ свое помѣстье

князь Великданъ, вельможа, играющій важную роль въ столицѣ, и гостепріимный сосѣдъ для всѣхъ помѣщиковъ, которые посѣщаютъ его въ сельскомъ уединеніи. Самъ князь Великданъ не бывалъ ни у кого, желая воспользоваться полнымъ досугомъ Малороссійской помѣщичьей жизни, которую онъ очень любилъ. Но еще больше любилъ онъ столицу съ ея Англійскимъ клубомъ и тому подобными принадлежностями, почему и проживалъ все время тамъ, а въ Малороссію навѣдывался ежегодно на одинъ, на два мѣсяца.

Со времени послѣдняго посѣщенія имъ наслѣдственнаго имѣнія, майоръ Лушнинъ неожиданно возвысился во мнѣніи всего уѣзда: князю Великдану очень понравилось мѣстоположеніе его усадьбы; онъ дважды пріѣзжалъ любоваться ея широкими прудами и лѣсистыми горами, сравнивалъ эту мѣстность съ окрестностями Женевскаго озера и одинъ разъ удостоилъ даже напиться чаю у майора на балконѣ, съ котораго открывался живописный видъ. Съ того времени Капитонъ Павловичъ почувствовалъ особенное расположеніе къ майору, началъ бывать у него очень часто, привозилъ ему молодыхъ дрофъ, или журавлей въ подарокъ и вообще оказывалъ ему всяческое вниманіе, даже и не по чину. Сіятельный князь какъ-будто пролилъ свои лучи на отставного майора, очень обыкновеннаго хуторянина, и, въ отсутствіе князя, майоръ какъ-будто замѣнялъ его для Капитона Павловича, подобно тому, какъ луна замѣняетъ ночью солнце для прочихъ смертныхъ. Съ своей стороны и майоръ не могъ быть равнодушенъ къ столь обязательному сосѣду. Рано ли, поздно ли онъ пожалуетъ въ хуторъ Майоровщину, — закуска на столѣ, съ перепечью водокъ и наливокъ, всегда пилялась къ его услугамъ. Это послѣднее обстоятельство, маловажное для иного посѣтителя, было весьма важно въ глазахъ Капитона Павловича, у котораго въ домѣ часто господствовала совершенная пустота, относительно съѣстныхъ припасовъ. Что же касается до настоекъ, запеканокъ и наливокъ, то онъ, по собственному его разсказу, никакимъ образомъ не могъ завести ихъ: лишь только начинали онѣ настаиваться, онъ ихъ сливалъ и сливалъ, что называется, до *опенекъ*. Этакъ по необходимости долженъ былъ онъ довольствоваться простымъ нѣпиикомъ. А была у него губа не дура, любила выпить всего, что есть наилучшаго въ мірѣ по предмету винодѣлія. Такимъ образомъ, будучи влекомъ къ майору высшими и низшими своими чувствами, Капитонъ Павловичъ жилъ съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ, или по крайней мѣрѣ посѣщалъ его чаще, нежели кого-либо изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Иной подумалъ бы, что это люди одного характера, однихъ привычекъ, однихъ склонностей. Вовсе нѣтъ: майоръ Лушнинъ расходился во всемъ

съ корнетомъ Иволгинымъ, начиная съ происхожденія и первоначальнаго воспитанія. Капитонъ Павловичъ былъ по происхожденію аристократъ; майоръ Лушнинъ — демократъ. Странно, однакожъ, что о родѣ Иволгиныхъ сохранилось въ народѣ очень мало преданій: былое ихъ погребено было въ бумагахъ, которыхъ никто не читалъ, тогда какъ демократическій родъ Лушнина восходилъ, по изустнымъ преданіямъ старожиловъ, ко временамъ Хмѣльницкаго. Сѣдоусые пасичники-козаки, знающіе всякую всячину, не упоминали въ своихъ разсказахъ о Хмѣльницкомъ, но сохранили воспоминаніе о *займанщинѣ*, то-есть о вольномъ займѣ земель громадами и отдѣльными лицами, который совершался въ то время, когда въ Украинѣ произошелъ великій переворотъ подъ именемъ *руины* и »всѣ земли стали козакамъ спольны и общи«, какъ гласитъ старинная лѣтопись. Въ описываемое время процвѣталъ на Украинѣ нѣкоторый Лушня́ (1), »знатный козакъ«, или *ду́ка*, какъ называли его сѣдоусые старожилы-пасичники. Сей Лушня́, по ихъ разсказамъ, занялъ себѣ большую займанщину въ урочищѣ *Урвй-Хвістъ*, гдѣ нынѣ хуторъ Майоровщина. Неизвѣстно, отъ кого онъ получилъ право на займанщину, отъ самого гетмана, отъ полковника, или

(1) *Лушня* значитъ подпорка въ Украинскомъ возу, между осью и облучкомъ, имѣющая луковидную форму.

отъ сотенной грома́ды, владѣвшей съ-обща неизмѣримыми землями, но получилъ на условіи, чтобы владѣть ему землею на такомъ разстояніи, какое пробѣжитъ онъ, не останавливаясь и не переводя духу. А былъ толстъ и тученъ знатный козакъ Лушня, называемый дукою. Не смотря, однакожъ, на свою тучность, побѣжалъ онъ, какъ быкъ, черезъ лѣсъ и поле, въ присутствіи конныхъ свидѣтелей займанщины. Уже выбился изъ силъ, уже у него захватываетъ дыханіе; но, видно, предчувствовалъ онъ, какъ издорожаетъ когда-то земля, и желалъ обезпечить будущность своего роду. Бѣжалъ онъ до тѣхъ поръ, пока упалъ въ изнеможеніи, но, падая, протянулъ впередъ обѣ руки и вскричалъ: »И се моя!« Это были послѣднія слова его. Такъ гласитъ преданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ жадный духъ старосвѣтскаго козака-дуки отлетѣлъ въ вѣчность, до сихъ поръ указываютъ половину мельничнаго жернова, которымъ обозначилъ свою границу его наслѣдникъ.

Такъ ли оно было, или иначе, но только козаки сидѣли хуторомъ съ давнихъ поръ въ урочищѣ Урвй-Хвістъ. Черезъ него въ старину пролегала тонкая дорога; на ней вязли возы, ломались въ возахъ, какъ это часто бываетъ, деревянные шкворни; кони, или волы отрывались съ передкомъ: это-то и дало урочищу его названіе. Козаки Лушни изъ рода въ родъ были дуками и исправляли разныя войсковыя должности. Когда

Екатерина II *всемилостивѣйше* повелѣла козакамъ переименоваться въ соотвѣтствующіе ихъ войсковымъ званіямъ Россійскіе чины, прадѣдъ майора Лушицца, по простотѣ своей, не понялъ монаршей милости, не принялъ предложеннаго ему чина корнета и просилъ записать его просто козакомъ. Или онъ воображалъ, что это званіе сохранитъ свое значеніе изъ рода въ родъ, или желалъ умереть козакомъ, не извѣстно; только дѣти его и внуки начали платить подушной окладъ и, сохранивъ одно воспоминаніе, что предки ихъ были луками, вели простую пахарскую жизнь. Тѣмъ не менѣе предковская займанщина, урочище Урви-Хвістъ, съ окрестными лѣсами, полями и сѣнокосами, принадлежала имъ по всѣмъ правамъ, и были они люди богатые. Случилось такъ, что всѣ эти земли, раздробленныя наслѣдниками на мелкіе участки, очутились, по смерти бездѣтныхъ братьевъ, въ рукахъ одного майорова отца, козака Родіона Лушни. У Родіона было трое взрослыхъ сыновей, славныхъ молодцевъ, когда, во время Польскаго возстанія, послѣдовалъ вызовъ въ козаки на время кампаніи. Это была проба: охладѣла ли козацкая кровь, въ теченіе полувѣка иного быта? Оказалось, что она не охладѣла нисколько. Одно слово: *на Ляхівъ!* вооружило въ двѣ недѣли пятнадцать тысячъ конныхъ волонтеровъ. Такое рвеніе къ боевой жизни было оцѣнено по достоинству. По окончаніи Польской кампаніи, козаковъ-волонтеровъ оставили на службѣ и перевели на Кавказъ.

Въ эти-то козаки вступилъ волонтеромъ и нынѣшній пріятель Иволгина, Иванъ Родіоновичъ Лушня, записанный въ реестръ, для благозвучія, подъ именемъ Лушнина. Онъ побывалъ въ Польшѣ, побывалъ на Кавказѣ, дрался съ Поляками и Черкесами одинаково храбро, нѣсколько разъ отличился въ отважныхъ экспедиціяхъ, и наконецъ *вышелъ въ люди*, какъ обыкновенно выражаются у насъ о выслужившихся козакахъ и вообще о простолюдинахъ. Потолкавшись по свѣту, украсивъ свой мундиръ множествомъ крестиковъ, поубавивъ себѣ здоровья ранами и трудными походами, воротился онъ наконецъ со славою домой, въ урочище Урви-Хвістъ, гдѣ надъ самою водой стоялъ предковскій его хуторъ. Пока онъ геройствовалъ и пожиналъ лавры, смерть пожала его отца и мать, и не только ихъ однихъ, но и двоихъ братьевъ его съ женами и дѣтьми, ибо это была холерная смерть, истребившая въ Украинѣ цѣлыя хуторскія поселенія. Майоръ засталъ одинъ развалины отцевскаго, нѣкогда благоустроеннаго, хутора, засталъ то, что по-Украински называется *пустка*. Нашлись добрые люди, которые расхитили пасику, распродали рогатый скотъ и лошадей, а на поминовеніе усопшихъ душъ употребили всю домашнюю движимость. Земли отданы были въ опеку, до вызова наслѣдниковъ, изъ кото-

рыхъ онъ былъ ближайшимъ. Заплакалъ майоръ, глядя на запустѣніе отцевскаго жилища, и, такъ какъ мѣсто оказалось, очевидно, несчастнымъ, то онъ не захотѣлъ на немъ строиться, а основалъ себѣ хуторъ повыше, въ дубовомъ лѣсу, и нарекъ его Майоровщиной.

Къ этому-то хутору мчался черезъ поля Капитонъ Павловичъ, почтенный членъ уѣзднаго общества, содержатель почтовой станціи, ревностный слуга знатныхъ людей, каковъ былъ князь Великданъ, и пріятель майора Лушнина. Въ такую позднюю пору было бы странно пріѣхать во всякій иной хуторъ безъ особой надобности. Но майоръ жилъ старымъ холостякомъ и во всякое время дня и ночи радъ былъ видѣть говорливаго сосѣда. У него въ домѣ жила, правда, вдова-сестра съ дочерью, но онѣ были простыя козачки, и потому Иволгинъ съ ними не церемонился. Майоръ повелъ свою племянницу, какъ выражался самъ онъ, *по-господски;* носила она платья, шитыя вынисною шевсю; ѣздила она въ церковь въ рессорной бричкѣ-истечанкѣ, и было весьма вѣроятно, что къ ней перейдетъ все наслѣдство майорское. Но всё-таки, въ глазахъ Иволгина, она была простая козачка, и потому онъ съ нею не церемонился.

Занятый мыслью о пріятномъ разсказѣ, который онъ везъ майору, проскакалъ онъ верстъ пять, или шесть по полямъ. Небо между тѣмъ потем-

нѣло; на горизонтѣ вырѣзался большимъ золотымъ кругомъ мѣсяцъ. Дорога повернула вправо, спустилась въ глубокій оврагъ; внизу стояла неподвижная плоскость воды; за ней поднимался на гору старый дубовый лѣсъ, не истребленный со временъ памятной народу займанщины. Это не была рытвина среди ровныхъ полей; это была широкая котловина исчезнувшей въ незапамятныя времена рѣки, отъ которой остался только узкій протокъ, питавшій полунатуральные, полуискусственные пруды. Когда опустился въ долину Иволгинъ, онъ очутился точно въ какомъ-то иномъ мірѣ. Полевой запахъ уступилъ мѣсто влажнымъ испареніямъ водяныхъ растеній, къ которому примѣшивался ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ. Воздухъ въ долинѣ стоялъ неподвижно, и въ немъ тонкое обоняніе могло распознавать разнообразныя струи благоуханій; но Иволгинъ не отличался тонкостію чувствъ и находилъ, что въ темную ночь къ майору пускаться не безопасно. Водяное царство отзывалось къ нему тысячами голосовъ своихъ, — эти голоса для него значили только, что здѣсь въ осеннее время очень тонко. Лѣсные нагорные соловьи перекликались съ низовыми, — онъ, подъ ихъ свистъ, въ разсѣянности, началъ насвистывать комариицкую. Изъ лѣсу неслись голоса дівчатъ, собравшихся на лѣтнія нерабочія вечеринцы, — онъ подумалъ, что майоръ вовсе не такъ глупъ, какъ слѣдовало бы ему быть, но

его происхожденію, и что къ женитьбѣ его и калачемъ не приманишь. И при всемъ томъ какъ-то хорошо сдѣлалось на душѣ Иволгина, когда онъ проѣзжалъ черезъ неподвижную, полумрачную долину, засѣянную легкимъ туманомъ, наполненную благоуханными теплыми парами и оглашаемую со всѣхъ сторонъ голосами, которые не напоминали тяжкихъ условій жизни, а составляли ея роскошь. Хоть въ головѣ его мелькнула только одна осенняя тонкость, хоть его душа отозвалась на соловьиныя пѣсни только пѣсней про Комарицкаго мужика, заронennою въ него когда-то старымъ сопливымъ лакеемъ, хоть онъ съ голосами сельскихъ дѣвчатъ не могъ связать иной идеи, кромѣ холостой жизни майора; но, самъ не зная почему, онъ позволилъ своему надорванному коню идти шагомъ.

Проѣхалъ онъ шагомъ всю долину и поднялся въ нагорный дубовый лѣсъ. Тутъ онъ очутился совсѣмъ въ потемкахъ, но потемки отъ времени до времени смѣнялись яркимъ лунnымъ освѣщеніемъ. Это занало Иволгина, какъ ребенка. А голоса дѣвчатъ раздавались между тѣмъ ближе и ближе. Ему захотѣлось подсмотрѣть ихъ игры. Онъ своротилъ въ сторону отъ дороги и скоро очутился на урочищѣ *Гойдалки*. То была поляна посреди лѣсу, уставленная одинокими и парными дубами, которые раскидывались на просторѣ шатромъ и служили натуральными бесѣдками для

сельской молодежи. Въ одномъ мѣстѣ, между двухъ дубовъ, поцѣплены были качели, на которыхъ *гойдались* (колыхались) паробки съ дівчатами, можетъ-быть, со временъ Хмѣльницкаго. Отъ этого и произошло названіе урочища. Ярко-прозрачными полосами ложился по травѣ свѣтъ мѣсяца рядомъ съ тѣнями, падавшими отъ дубовъ и наполнявшими ихъ раскидистые наметы. Хохотъ перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто дівчатъ и пѣсни, несшіяся изъ таинственной тьмы, придавали Гойдалкамъ что-то непобѣдимо-увлекательное. Иволгинъ, самъ не зная отъ чего, вздохнулъ и призадумался. Даже свиданіе съ княземъ Великданомъ и вѣсти, которыя онъ везъ майору, на время вылетѣли у него изъ головы. Вдругъ конь его вздрогнулъ и отпрянулъ въ-сторону. Его испугала чета молодыхъ людей, испуганная тоже внезапнымъ появленіемъ Иволгина. Двѣ стройныя фигуры мелькнули въ лунномъ свѣтѣ и скрылись въ темнотѣ. Но Иволгинъ успѣлъ разсмотрѣть ихъ и—точно вдругъ проснулся отъ пріятной дремоты. Съ досадой проворчалъ онъ что-то себѣ подъ носъ и пустилъ коня во весь опоръ, прямо къ майорскому хутору, который стоялъ на крутой высотѣ, не позволявшей подняться къ нему прямо отъ пруда.

Еслибы взглянуть въ эту минуту на Капитона Павловича при дневномъ свѣтѣ, то багровое, одутловатое лицо его оказалось бы поблѣднѣвшимъ въ значительной мѣрѣ, потому что кровь прилила ему

къ сердцу. Трудно сказать, что́ произошло въ этомъ сердцѣ: тамъ отозвалась и печаль, какая-то старая печаль, современная поступленію его въ Нѣмецкій пансіонъ, и зависть, самому ему непонятная, та зависть, съ которою голодный смотритъ на роскошную трапезу своего ближняго, и ревность, на которую онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, и сознаніе своего нравственнаго и всяческаго ничтожества, чувство, самое убійственное изъ всѣхъ, какія только заползаютъ въ пустое и тщеславное сердце. А что сердце Ивлгина было пусто, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Съ самого дѣтства онъ никого не любилъ и не увлекался ни одною высокою мыслію. Онъ любилъ свою мать, но не больше того, какъ любитъ корову теленокъ, а пожалуй и меньше; ибо корова кормитъ своего теленка собственнымъ молокомъ, а его, бѣднаго, вскормила чужая, крѣпостная мать. Онъ любилъ сопливаго лакея, который былъ первымъ другомъ его дѣтства, первымъ его воспитателемъ по предмету понятій о вещахъ и людяхъ, такъ какъ матери некогда было имъ заняться; но та любовь была еще слабѣе. Онъ благоговѣлъ вмѣстѣ съ лакеемъ-дядькою, передъ богатствомъ и знатностію своего отца, который всю жизнь угощалъ губернаторовъ и генераловъ; но это благоговѣніе не возвысило его характера и сдѣлало его на всю жизнь добровольнымъ холопомъ знатныхъ людей. Онъ пробовалъ любить товарищей, но ихъ не связывало ничто, кромѣ бутылки и еще кой-чего похуже. Онъ слыхалъ отъ нихъ про такую любовь, какая описана въ повѣстяхъ Марлинскаго; онъ самъ читывалъ эти повѣсти и пробовалъ сдѣлаться эффектнымъ героемъ романа, на походѣ, на балѣ, на бивакахъ. Но его пробы выходили какъ-то неудачными, или онъ чувствовалъ, послѣ случайнаго успѣха, какую-то глупую скуку и не зналъ, какъ ему быть потомъ съ предметомъ искусственнаго обожанія. Женитьбы онъ боялся инстинктивно: иначе его бы сто разъ уже женили и товарищи во время службы, и родные послѣ отставки. Поэтому сердце его было холодное и пустое дупло, въ которомъ гнѣздилась только змѣя дворянской гордости, господствуя надъ всѣми иными чувствами. Странная связь существовала между влюбленною четой, вынутою изъ-подъ развѣсистаго дуба, и этимъ пустымъ нелюбящимъ сердцемъ, однакожъ существовала: иначе не взволновался бы успокоенный и какъ-бы очарованный почною природой ѣздокъ и не погналъ бы вдругъ коня своего къ майорскому дому, и не прихлынула бы ему къ сердцу кровь, пропитанная спиртовыми атомами.

Но вотъ онъ у воротъ. Вотъ онъ встрѣченъ громкимъ ласмъ собакъ, которыя вдругъ пріутихли, узнавъ въ немъ частаго и ласковаго къ нимъ посѣтителя.

ГЛАВА III.

Каждое человѣческое жилище имѣетъ свою исторію и поэзію; надобно только взглянуть на него повнимательнѣе и сочувственнѣе. Даже солдатскія казармы, въ которыхъ каждая личность должна быть возможно болѣе похожа одна на другую, даже военныя поселенія, развернувшія въ прямую линію, на голомъ просторѣ, предковскія, произвольно раскинутыя жилища поселянъ, съ ихъ вѣковыми садами, или съ одинокими старыми деревьями, оплаканными во время срубки и потомъ воспѣтыми въ пѣсняхъ, — полны историческихъ воспоминаній и трогательной поэзіи. Подгулявшій военный пахарь, не попадающій въ свою нумерованную избу, во всемъ похожую на сотню другихъ избъ, такой же поэтическій типъ своего времени, какъ и его предокъ-*нетяга* (1), который говорилъ, сидя въ корчмѣ:

(1) Неработящій и неимущій.

Знáти, знáти козáцьку хáту
Скрізь десяту!... (1)

И майоръ, основавшій хуторъ Майоровщину въ память своего майорскаго существованія, никакъ не долженъ уступать въ поэтичности тому козаку-дукѣ, который испустилъ духъ, увеличивая свою займанщину одною саженью. Впрочемъ, еслибы въ хуторѣ Майоровщинѣ поселить самое прозаическое, пошлое, безцвѣтное существо, то оно сдѣлалось бы высоко интереснымъ по одному контрасту его съ живописною мѣстностію, безпрестанно что-то говорящею душѣ. Днемъ ли, ночью ли, при восходѣ, или при захожденіи солнца, всегда жива и краснорѣчива здѣсь природа. Самое имя *Майоровщина*, совершенно противоположное общему впечатлѣнію мѣстности, какъ-будто возвышало ея достоинство въ глазахъ цѣнителя природы, творящей свои чудеса свободно, безъ вмѣшательства неумѣлаго человѣка, — природы, до того здѣсь могущественной, что идущая по лѣсистымъ взгорьямъ и широкой долинѣ узкая проселочная дорога терялась, какъ царапина, въ крупныхъ и смѣлыхъ линіяхъ оврагонъ, песчаныхъ береговъ и вадымающагося гордыми массами дубоваго лѣса, а хуторъ майора, съ сосѣдними бѣлыми хатками, казался, съ противоположныхъ высотъ, птицами, усѣвшимися отдыхать между зеленью.

(1) См. *Думу о козацкой жизни*, въ I томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 215 — 220.

Отъ майора, основавшаго хуторъ въ память своего чина, надобно было бы ожидать воспроизведенія тѣхъ домовъ, на которые онъ насмотрѣлся во время своихъ воинскихъ странствованій и которые, будучи поставлены между простыми хуторскими строеніями, напоминаютъ какое-нибудь официальное лицо, посреди широко-разступившейся толпы смиренныхъ поселянъ. Хотя въ подобныхъ явленіяхъ есть своего рода поэзія, но живопись, эта вдохновенная скиталица по-пустынямъ и лишеннымъ позолоты захолустьямъ, ищетъ иныхъ контрастовъ, и тогда только плѣняется гордыми зданіями посреди убогихъ селъ, когда разрушеніе смягчитъ ихъ жесткія, прямолинейныя черты. Эта полудикая странница, любящая на архитектурныхъ чудесахъ пустынный плющъ и предпочитающая въ пейзажѣ лохмотья нищаго шитому золотомъ мундиру, охотно забрела бы въ хуторъ Майоровщину, и первый взглядъ на майорскій дворъ успокоилъ бы ее на-счетъ необходимости бѣжать отсюда въ поселенія чиновнаго люда.

Это было что-то слишкомъ простое и потому чуждое подражанія чему бы то ни было. Передовую линію двора противъ воротъ, занималъ рядъ амбаровъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ. Влѣво, надъ крутымъ скатомъ къ пруду, стоялъ небольшой бѣлый домикъ подъ соломенною крышею, почти хата; вправо, къ лѣсу, такой же домикъ, еще ближе подходившій простотою построй-

ки къ сельской хатѣ. У самихъ воротъ, по обѣ стороны ихъ, стояло по настоящей Украинской хатѣ, съ сѣнями, коморою и повітками. Вся внѣшняя роскошь майорскаго жилища заключалась въ окруженномъ бѣлою березовою рѣшеткою палисадничкѣ передъ окнами, изъ котораго высоко торчали усыпанныя цвѣтами Украинскія мальвы. Такой же палисадничекъ виднѣлъ былъ и подлѣ другаго домика, къ лѣсу. Въ устройствѣ незатѣйливыхъ цвѣтниковъ замѣтенъ былъ простой Украинскій вкусъ. Мальвы, при лунѣ, очень красиво рисовались на бѣлыхъ стѣнахъ своими натуральными фигурами и тѣневыми силуэтами.

Съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ Иволгинъ на простую обстановку майорскаго двора и внутренно упрекнулъ хозяина въ мужичьемъ происхожденіи. Въ его воображеніи мелькнулъ видъ его собственнаго дома, съ мезонинами и высокими тополями, симметрически, посаженными попарно съ обѣихъ сторонъ широкаго подъѣзда, мелькнули отцевскія конюшни, кладовыя, амбары, построенные съ притязаніемъ на великолѣпіе, и не зналъ онъ, что истинною и разумною прелестью всего этого зодчества было именно то, что онъ охотно прогналъ бы, но не могъ прогнать, изъ своего воображенія. Я разумѣю проступившую вездѣ ветхость, мохъ и дикіе цвѣты, занесенные вѣтромъ на гніющія крыши; я разумѣю обвалившіеся деревянные рѣзные косяки и карнизы, которые очень

краснорѣчиво говорили, что не могъ продолжаться изъ рода въ родъ старый порядокъ вещей, что прочно стоятъ и поддерживаются только тѣ зданія, которыя вызваны разумными потребностями общества, а не капризомъ повелительной единицы.

Иволгинъ никогда не могъ забыть, что онъ сынъ знатнаго барина, но, по странному противорѣчію его характера, это не мѣшало ему прискакать ночнымъ гонцемъ къ сыну простого козака, отличеннаго случайною благосклонностію вельможи. Устройство майорскаго хутора, какъ-будто въ упрекъ ему, носило на себѣ печать простонароднаго вкуса, не искорененнаго въ хозяинѣ даже и высокоблагороднымъ чиномъ. Не привыкнувъ отдавать себѣ отчета въ своихъ душевныхъ движеніяхъ и поступкахъ, онъ легко подавилъ въ себѣ какое-то отвращеніе къ собственной роли, тѣмъ болѣе, что въ немъ заговорило иное, новое чувство, похожее на ревность, на зависть и на смертельную обиду. Онъ дико посмотрѣлъ на безмолвный домикъ, стоявшій съ правой стороны двора и, отдавъ своего коня вышедшему изъ хаты хлопчику въ накинутой на плеча свиткѣ, направилъ влѣво шатающіяся послѣ ѣзды ноги, немного пораженныя подагрою.

Онъ зналъ, что майоръ еще не спитъ; зналъ, что онъ сидитъ у себя на балконѣ, въ старой походной шинели, и куритъ сотую трубку. Майоръ

остался въ отставкѣ вѣренъ усвоеннымъ на службѣ привычкамъ, въ числѣ которыхъ было и поздное сидѣнье по ночамъ. Трудно въ нѣсколькихъ словахъ дать понятіе о характерѣ майора Лушина. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые высказываются очень мало, отдѣлываются отъ вопросовъ ничего незначащими фразами, а между тѣмъ какъ-будто вѣчно что-то обдумываютъ. Наружность его принадлежала къ самымъ красивымъ, къ тѣмъ наружностямъ, которыя и въ глубокой старости сохраняютъ привлекательныя черты свои. Это былъ человѣкъ средняго роста, очень хорошо сложенъ, нѣсколько медлителенъ, но вмѣстѣ и легокъ въ своихъ движеніяхъ, особенно если что-нибудь оживило его. Завитые отъ природы, посѣдѣлые волосы, бакенбарды съ просѣдью, полукругомъ, и едва тронутые сѣдиною черные закрученные къ-верху усы, вмѣстѣ съ правильными и задумчивыми чертами лица его, дѣлали такое впечатлѣніе, что Иволгинъ не разъ, глядя на него, думалъ: »Былъ вѣдь простой козакъ, пахарь, а вотъ какъ служба облагородила: смотритъ генераломъ!«

Но тотъ же Иволгинъ строго осуждалъ его простой образъ жизни, его воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ и отвращеніе къ разнымъ соусамъ и другимъ утонченнымъ выдумкамъ Французской кухни. Все это онъ приписывалъ его необразованности и закоснѣлости мужицкаго вкуса. Внутрен-

нее убранство майорскаго жилища тоже нравилось Иволгину. Онъ предлагалъ ему часть отцевской мягкой мебели, которой не доставало только свѣжей покрышки; но майоръ Лушнинъ довольствовался простыми деревянными стульями и софами, которыя обтянулъ клѣтчатою шерстяною тканью, или, просто сказать, сельскими *плáхтами* (1) Столъ въ его спальнѣ былъ покрытъ шелковою плахтой его покойной матери, добытою имъ изъ другихъ рукъ, по разспросамъ. Все это Иволгинъ находилъ очень страннымъ и облекалъ въ анекдоты, которые любилъ разсказывать по сосѣднимъ хуторамъ и на которые былъ великій мастеръ. Но особенно былъ онъ недоволенъ тѣмъ, что майоръ всѣ свои ордена повѣсилъ подъ образами, которые покрыты были сверху расшитымъ красною бумагой полотенцемъ, по обычаю простолюдиновъ, и безпрестанно украшались свѣжими цвѣтами, а въ зимнее время зеленымъ барвінкомъ. Это была забота племянницы, которая жила съ матерью въ противоположномъ домикѣ, но, точно невидимою рукою, поддерживала доведенную донельзя чистоту въ домикѣ дяди и украшала по своему вкусу эту *квартиру*, какъ называлъ онъ свое жилище. Ордена не хуже, чѣмъ и на мундирѣ, сіяли золотомъ и разноцвѣтными лентами въ углу простой

(1) *Плáхта* — большой двойной кусокъ пестротой ткани, которою обвертываются наши поселянки вмѣсто юбки, и вѣшаютъ спереди *запáску*, то есть передникъ.

майорской гостиной, которую племянница звала свѣтлицею, но съ ними соперничали ярко-оранжевые чернобривцы, пунцовый королевъ цвѣтъ и пышныя душистыя гвоздики. Это казалось Иволгину профанаціею святыни, и, посматривая на нихъ, онъ съ невольнымъ вздохомъ помышлялъ о своемъ серебряномъ крестикѣ, спрятанномъ подъ отворотомъ сюртука.

Украинская обстановка майорской жизни могла бы навести свѣжаго наблюдателя на мысль, что здѣсь живетъ *панъ-Украинецъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣются у насъ люди, старающіеся возвратиться, сколько возможно, къ національнымъ обычаямъ и устраивающіе себѣ усадьбы во вкусѣ родной старины. Но майоръ нашъ вовсе не принадлежалъ къ *панамъ-Украинцамъ*, въ объясненномъ мною смыслѣ этого термина; не принадлежалъ онъ къ нимъ уже по одному тому, что не имѣлъ ихъ образованности. Украинская обстановка его домашняго быта устроилась у него, можно сказать, мимо его вѣдома. Когда онъ воротился изъ службы и нашелъ отцевскій хуторъ въ запустѣніи, онъ перенесъ изъ него двѣ хаты на то мѣсто у воротъ, гдѣ онѣ стоятъ нынѣ, и поселился въ нихъ съ своею прислугой на время. Зимою сосѣдніе козаки, по его указанію, повалили въ лѣсу нѣсколько десятковъ строевыхъ деревьевъ, а весною срубили разныя постройки въ собственномъ вкусѣ. Онъ опредѣлилъ только размѣры и

далъ общій планъ хутора, но и тутъ практическія сельскія головы обязательно указали ему многое, какъ чему слѣдуетъ быть, и майоръ добродушно ихъ послушался. Отъ этого и вышелъ его хуторъ вполнѣ Украинскимъ, и сосѣдніе козаки находили, что лучшаго хутора *мабуть нема й на світі*, въ чемъ не совсѣмъ и ошибались. Князь Великданъ сравнивалъ Майоровщину и ея окрестности съ мѣстностями у Женевскаго озера. Но тамошняя каменистая почва не могла образовать такихъ мягкихъ очертаній пейзажа и брала только своею грандіозностію. Нельзя равнодушно видѣть сіяющихъ вверху, надъ орѣховыми рощами, снѣговъ и льдинъ Альпійскихъ; но за-то и уроженецъ береговъ поэтическаго Лемана заглядѣлся бы на равнину полей, которая, наклоняясь то справа, то слѣва, видѣлась изъ оконъ майорскаго домика тонкими, прозрачно уходящими вдаль планами, по ту сторону рѣчного широкаго корыта.

Надобно замѣтить, что раны, полученныя майоромъ въ сраженіяхъ, были не шуточныя и что онъ вышелъ въ отставку именно для того, чтобы дожить вѣкъ на родинѣ. Онъ часто говорилъ, что ему »не долго коротать на свѣтѣ«, хотя съ-виду казался еще довольно крѣпкимъ человѣкомъ. Только меланхолическое выраженіе лица и любовь къ неподвижности обнаруживали въ немъ упадокъ силъ и, можетъ быть, физическія страданія, на которыя онъ никогда не жаловался.

Жизнь его протекала однообразно. Поутру онъ пилъ долго чай съ трубкою, накинувъ на себя шинель вмѣсто халата, потомъ одѣвался въ военную униформу и обходилъ свой хуторъ. Прогулка эта, какъ видно, соотвѣтствовала привычнымъ выходамъ на ученье и не имѣла никакой хозяйственной цѣли. Хозяйствомъ занималась у него сестра его на простой сельскій ладъ. Онъ не входилъ въ ея распоряженія и велъ себя, какъ постоялецъ, называя свой домъ *квартирой*, а сестру и племянницу *хозяюшками*. Въ опредѣленное время онъ заходилъ къ нимъ обѣдать, и это, кажется, была самая веселая часть его дня. Тутъ иногда онъ оживлялся и увлекалъ сестру и племянницу разсказами о своихъ похожденіяхъ въ Польшѣ и на Кавказѣ. Посидѣвъ немного послѣ обѣда, онъ закуривалъ трубку и уходилъ къ себѣ на квартиру, гдѣ, почти не сходя съ мѣста, сидѣлъ зимою у окна, а лѣтомъ на балконѣ; сидѣлъ, курилъ и всё о чемъ-то размышлялъ: по крайней мѣрѣ такъ казалось со стороны.

Съ сосѣдями-помѣщиками онъ не сошелся: ему было тягостно и скучно въ ихъ кругу. Онъ былъ чуждъ ихъ экономическихъ и родственныхъ интересовъ, и притомъ они невольно давали ему чувствовать, что онъ — homo novus. Сперва онъ кое-гдѣ появлялся на сельскихъ вечеринкахъ, потомъ начали видать его рѣже, рѣже, и наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать, отговариваясь

нездоровьемъ. Но къ нему ѣзжали многіе, и именно *на пульку*, такъ какъ деньги у него водились и онъ довольно часто проигрывалъ.

Другого рода его посѣтители были сосѣди-козаки. Эти приходили къ нему по праздникамъ послѣ обѣда и, находя у него щедрое угощеніе, очень были имъ довольны, а объ его визитахъ заботились еще меньше любителей пульки. То были большею частію знакомые отца его и дальніе его родственники, которые смотрѣли на него, какъ на своего патрона, гордились его возвышеніемъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривали его ордена подъ образами и считали за честь посидѣть на его стульяхъ и софахъ, обтянутыхъ плахтами.

Но майору, по-видимому, ничто не доставляло особеннаго удовольствія. И съ дворянами, и съ козаками онъ былъ одинаково малорѣчивъ, на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ по большей части ходячими фразами, или офицерскими, не очень глубокомысленными прибаутками, и всё какъ-будто что-то обдумывалъ. Но, судя по его болѣзненному бездѣйствію и по тому, что онъ не заглядывалъ ни въ какія книги, кромѣ святцевъ, никакъ не слѣдовало допускать, чтобъ его умъ былъ занятъ какими-нибудь головоломными мыслями. Конечно въ его жизни была пора, когда онъ раскидывалъ умомъ во всѣ стороны, напрягая всю силу природнаго дара соображать многоразличныя

обстоятельства, и, вѣроятно, съ того времени осталось у него обдумывающее выраженіе лица, хотя теперь ему, выбитому изъ служебной колеи недугомъ, нечего было ни соображать, ни обдумывать. Жизнь его, обезпеченная пенсіей, наслѣдственными землями и нѣжными заботами сестры и племянницы, текла въ такой тишинѣ, о какой только можетъ мечтать избитый походами и сраженіями служака. Майоровщина каждому казалась безмятежнымъ раемъ, и не нравилась одному только Иволгину своимъ простонароднымъ устройствомъ.

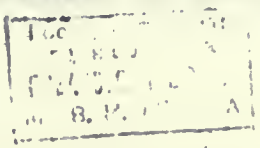
Я описалъ майора Лупинина, кажется, со всѣхъ сторонъ, и при всемъ томъ не могу сказать, чтобъ это былъ портретъ конченный и вѣрный съ оригиналомъ. Самыя характерныя черты этой личности, если можно такъ выразиться, были обращены внутрь и скрыты отъ наблюдателя ея спокойною, меланхолическою внѣшностью, очень привлекательною, но и очень обыкновенною. Если-бы предположить, что въ этомъ человѣкѣ замерли живыя сочувствія и порывы какой-нибудь господствующей страсти, уступивъ дѣйствію неизбѣжныхъ вліяній среды, въ которую онъ попалъ, будучи еще очень молодъ; то не заплакалъ бы онъ при видѣ запустѣлаго отеческаго дома, не разыскивалъ бы, въ чьихъ рукахъ находятся вещи, принадлежавшія его матери, не выкупалъ бы ихъ удвоенною цѣною и не хранилъ бы, какъ святыню. Еслибы онъ былъ *майоръ* и больше ни-

чего, — не пригласилъ бы онъ къ себѣ изъ дальняго села вдовы-сестры съ ея дочкою, не предоставилъ бы своихъ земель въ ея полное распоряженіе и не ограничился бы въ своихъ издержкахъ одною пенсіей. Еслибъ онъ весь ушелъ въ свои чины, — не прилагалъ бы онъ стараній о племянницѣ, которую изъ бѣдной сельской дѣвочки желалъ по-своему вывести въ люди и не пропускалъ праздника, именинъ или другого случая, чтобъ не увеличить добра, которымъ наполнилась, по Украинскому обычаю, ея скрыня (1). Еслибы, наконецъ, въ немъ совершенно было подавлено все, что̀ составляетъ нравственное наслѣдство его рода и племени, — онъ бы не собиралъ у себя стариковъ и старухъ сосѣдей, не сажалъ бы ихъ на свою обтянутую плахтами мебель, не угощалъ бы ихъ наливками, заготовляемыми сестрою, не вслушивался бы въ ихъ простыя рѣчи и въ воспоминанія о старинѣ; ибо мы очень хорошо знаемъ, какъ все это кажется скучнымъ для людей необразованныхъ, убившихъ на службѣ всю внутреннюю жизнь свою, и какъ оно кажется тривіальнымъ для людей высшаго полета, улетѣвшихъ въ какіе-то пустыя сферы жизни отъ родныхъ преданій и обычаевъ. Мы знаемъ мелкомѣстныхъ *Малороссіянъ*, которые находятъ бездну интереса въ бесѣдѣ о вчерашнемъ префе-

(1) Большой сундукъ.

рансѣ и не находятъ никакого интереса въ повѣстяхъ Квітки. Мы знаемъ вельможъ Малороссіянъ, которые съ умиленіемъ любуются народными иноземными сценами въ искусственныхъ представленіяхъ и, пріѣзжая на родину для хозяйственныхъ распоряженій, отдаютъ приказъ, чтобы національныя *обжйнки* (1) были простымъ угощеніемъ рабочихъ, безъ свободнаго говору, безъ пѣсень и танцевъ. Майоръ нашъ далеко стоялъ впереди тѣхъ и другихъ, и хоть онъ мало говорилъ съ своими нечиновными посѣтителями, но слушалъ ихъ внимательно, и ни одинъ разъ не пришло ему на мысль отказаться отъ подобнаго общества, какъ это сдѣлали бы многіе въ его положеніи. Я думаю даже, что еслибъ онъ вмѣстѣ съ орденами могъ повѣсить подъ иконами и все прочее, чѣмъ наградила его долгая служба, то языкъ его развязался бы въ свободную, живописную рѣчь его гостей, и весело было бы ему между ними, какъ и послѣднему изъ ихъ общества. Но майоръ, въ видѣ орденовъ, принесъ Богу только благодареніе за спасеніе его жизни посреди невѣроятныхъ опасностей, которымъ онъ подвергалъ себя, не колеблясь ни одной минуты въ упованіи на Его промыслъ, а военную униформу очевидно послалъ съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ во времена оны покрывались мертвыя тѣла

(1) Праздникъ по окончаніи жатвы.



Черво́ною китайкою,
Заслу́гою коза́цькою....

Всему, что́ я сказалъ въ пользу поэтичности его натуры, нѣсколько противорѣчила его дружба съ Иволгинымъ, основанная единственно на благоволеніи къ нему любителя красивыхъ мѣстоположеній, заѣзжаго въ провинцію вельможи. Но это основаніе лежало только въ характерѣ Иволгина. Что́ касается до майора Лушина, то онъ не могъ оттолкнуть отъ себя и ласкающуюся собаку, не только человѣка, который привозилъ ему, какъ живая газета, новости цѣлаго уѣзда и слухи объ отдаленныхъ мѣстахъ, собираемые на станціи отъ проѣзжающихъ. То правда, что льстивый языкъ Иволгина чаще всего избиралъ темою своихъ бесѣдъ личность хозяина; но майоръ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ героямъ, которые умѣютъ защищаться отъ тончайшаго изъ всѣхъ ядовъ — лести. Такимъ образомъ онъ не только сносилъ присутствіе Иволгина, но даже и любилъ частыя его посѣщенія. И при всемъ томъ, однакожъ, дружбы между ними не было, потому что даже и Иволгинъ не могъ видѣть въ майорѣ другого себя, а тѣмъ болѣе майоръ въ Иволгинѣ.

Теперь мы достаточно, кажется, познакомились съ хозяиномъ домика, освѣщеннаго луною и украшеннаго мальвами, чтобы ввести въ него знакомаго уже намъ гостя.

ГЛАВА IV.

На балконъ, обращенный къ прудамъ, можно было пройдти не иначе, какъ черезъ сѣни и черезъ гостиную, которую племянница майора называла свѣтлицею. На стукъ частаго посѣтителя, сѣни отворила безъ оклика босая дѣвочка, полузаспанная, но тѣмъ не менѣе бодрствующая до отхода майора ко сну. Майоръ не держалъ при себѣ больше никакой прислуги. Онъ сохранилъ нѣкоторыя привычки первоначальнаго быта и между прочимъ не любилъ лакейскихъ услугъ, что́ крайне скандализировало Иволгина, воспитаннаго съ дѣтства среди лакеевъ. Свѣтлица была тускло освѣщена висѣвшею передъ образами лампадкой. Слабые лучи ея падали на майорскіе ордена, перемѣшанные съ чернобривцами и другими цвѣтами. Иволгинъ машинально поправилъ подъ отворотомъ pro virtute militari. Въ отворенную на

балконъ дверь и въ окна падали сіяющія полосы лунnаго свѣта.

Майоръ допивалъ послѣдній, давно простывшій стакамъ чаю, и любовался табачнымъ дымомъ, сквозившимъ при лунѣ. Въ военной фуражкѣ и старой походной шинели, онъ казался не хозяиномъ Украинскаго хутора, а постояльцемъ, котораго судьба, или воли начальства, бросила въ эту глушь на неопредѣленное время. Военная фуражка и шинель дѣлали его чѣмъ-то до такой степени чуждымъ этой природѣ, звучащей свободными голосами разгулявшейся при лунѣ сельской молодежи, что не возможно было безъ грусти видѣть его одинокую фигуру, отличавшуюся, посреди живописной природы, столь неживописнымъ нарядомъ.

Но это чувство не было чувствомъ Иволгина. Иволгинъ принялъ на себя веселый видъ и расшаркался передъ майоромъ, копируя одного господина, для котораго необходима была большая зала, чтобы раскланяться отъ всей души. Майоръ хорошо зналъ его продѣлки, имѣвшія цѣлью разсмѣшить хозяина, и слегка улыбался, не трогаясь съ мѣста. Иволгинъ подскочилъ къ нему съ ловкостью записнаго танцера, и, пожимая ему руку, въ то же время громко стукнулъ каблукомъ о каблукъ. Этимъ окончилась мимическая часть его игры. Ноги Иволгина, пораженныя въ нѣкоторой степени подагрою, не вполнѣ согласовались съ его

ухорствомъ. Оказалась настоятельная надобность въ отдыхѣ. Онъ схватилъ стулъ и сѣлъ противъ майора у столика, упершись обѣ руки въ свои довольно тучныя ляжки. Въ этомъ положеніи онъ былъ очень молодцеватъ, или по крайней мѣрѣ такъ казалось ему самому.

Между тѣмъ майоръ спросилъ его тихимъ и протяжнымъ своимъ голосомъ:

»Что это васъ такъ давно не видать, Капитонъ Павловичъ?«

»Да всѣ мои знакомства, Иванъ Родіоновичъ«, отвѣчалъ Иволгинъ. »Я, право, ужъ и не радъ имъ.«

»Какія же это знакомства?«

Иволгину не понравился спокойный вопросъ майора: въ его медлительномъ тонѣ слышалось что-то насмѣшливое.

»Конечно!... да!« отвѣчалъ онъ: »съ кѣмъ намъ знакомиться?... Но, кромѣ шутокъ, майоръ, ей-Богу, не понимаю, что имъ во мнѣ, этимъ важнымъ лицамъ, этимъ богачамъ, этимъ аристократамъ! Я себѣ человѣкъ смиренный, хуторянинъ, а они люди большого свѣта; но непремѣнно имъ нужно знать, что въ такомъ-то уѣздѣ существуетъ такой-то Иволгинъ, — нужно видѣться съ нимъ, нужно болтать съ нимъ о всякихъ пустякахъ.... Ей-Богу, не понимаю!«

Майоръ слушалъ его спокойно и потомъ спросилъ:

»Вѣрно, опять задали пирушку офицерамъ?«

»Офицерамъ!« повторилъ обидѣясь Иволгинъ. »Невидаль для меня офицеры! Есть у меня и генералы сослуживцы. Еслибъ я послужилъ съ ваше, майоръ, я самъ былъ бы теперь генераломъ.«

Этими послѣдними словами онъ хотѣлъ отплатить майору за его насмѣшливость. Но майоръ отвѣчалъ съ неизмѣннымъ спокойствіемъ:

»Я не сомнѣваюсь. Съ вашими способностями, на службѣ вы ушли бы дальше, чѣмъ въ отставкѣ.«

Тутъ Иволгинъ обидѣлся ужъ окончательно, однакожъ рѣшился не понять намека и продолжалъ:

»Но что́ толку въ генеральствѣ, когда оно получается не на полѣ чести? У иного генерала на груди пустыня Аравійская.... всего какихъ-нибудь два крестика.... а генералъ! Что́ это за генералъ? Такое генеральство я отдалъ бы съ придачею своего хутора за ваше майорство. Только я бы не повѣсилъ своихъ орденовъ подъ образами. На что́ Богу ваши ордена? Ему пріятнѣе, можетъ быть, иной цвѣтокъ, чѣмъ Владиміръ, или Георгій (Иволгинъ любилъ повольнодумствовать). Нѣтъ я бы украсилъ ими геройскую грудь свою. Пускай бы всѣ видѣли памятники подвиговъ, о которыхъ печатано было въ *Инвалидѣ!* Вѣдь о вашихъ подвигахъ, Иванъ Родіоновичъ, слава трубила въ огромнѣйшую трубу. Вѣдь до сихъ поръ вспоминаютъ о нихъ офицеры; а недавно я познакомился съ генераломъ Перелыгинымъ. Чуть я напомнилъ....

»А!« говоритъ, »Гушининъ! это нашъ Кавказскій »герой!« Всѣ васъ подъ этимъ именемъ знаютъ.«

»Даже и ваши хуторскіе мальчишки«, сказалъ майоръ, »если только вы у себя въ хуторѣ говорите то самое, что́ у меня.«

Иволгинъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и продолжалъ ораторствовать съ прямодушіемъ тѣхъ людей, которые говорятъ: »Я не умѣю хитрить, и въ глаза скажу вамъ, что вы — великій человѣкъ!«

Майоръ слушалъ его съ улыбкою и думалъ: »Знаю, братъ, я тебя! знаю, какъ ты разглагольствуешь о моемъ мужицкомъ вкусѣ у Мазницына!« (Мазницынъ былъ сосѣдъ-помѣщикъ съ аристократическими претензіями.) И, не смотря на то, что зналъ Иволгина, какъ двоедушнаго пустомелю, чувствовалъ въ сердцѣ какое-то услажденіе отъ его льстивыхъ рѣчей.

»Каинтонъ Назаровичъ«, сказалъ онъ ласковѣе обыкновеннаго, »не хотите ли закусить чего-нибудь? Сестра устроила мнѣ сегодня какую-то *бабу* изъ лапши. Я велю подогрѣть, а между тѣмъ подадутъ поросенка подъ хрѣномъ да водочки.«

Не успѣлъ онъ сказать, а ужъ дѣвочка, въ вышитой красными нитками сорочкѣ, несла и водку, и поросенка подъ хрѣномъ. Сестра майора изучила его обычай и предупреждала его желанія. Въ противоположномъ домикѣ свѣтились окна, и, безъ

сомнѣнія, въ печи стояла уже баба, понравившаяся майору за обѣдомъ.

Съ удовольствіемъ окинулъ Иволгинъ взоромъ поднось, принесенный черноокою Марьянкой. Онъ высоко цѣнилъ кушанья, наливки и запеканки майорской сестры, хоть и называлъ ее мужичкою у Мазницына и вездѣ, гдѣ случалось.

»Еслибы не ваши раны, Иванъ Родіоновичъ, быть бы вамъ генераломъ!«

Эти слова произнесъ онъ, наливая себѣ душистой запеканки.

»Какой цвѣтъ!« сказалъ онъ, поставивъ полную рюмку между лу́ной и своими оживившимися глазами.

»А вкусъ еще лучше«, сказалъ хозяинъ, приглашая выпить.

»Дивная женщина ваша сестра!«

Засвидѣтельствовавъ этими словами достоинство выпитой запеканки, Иволгинъ дѣятельно занялся закускою. Аппетитъ его доставлялъ майору видимое удовольствіе. Вскорѣ, однакожъ, понадобилось поощреніе аппетита изъ другого графинчика.

»Ей Богу, быть бы вамъ генераломъ!« сказалъ Иволгинъ, наливая рюмку. »Да что́ за запахъ! Откуда она беретъ эти ароматы?«

Но ароматы были только предлогомъ, чтобы поближе поднести рюмку къ усамъ. Рюмка опрокинулась въ горло плавнымъ, вѣрнымъ движеніемъ. Въ знакъ удовольствія, Иволгинъ поднялъ ее надъ

головою съ торжественнымъ жестомъ. Слезистыя грани хрусталя засверкали въ лунномъ сіяніи.

»Ужъ признаюсь, послѣ трехдневнаго дежурства, и очутиться въ этакомъ раю.... просто, мое почтеніе!«

Съ этими словами Иволгинъ обратился къ поросенку, который потерялъ уже за обѣдомъ нѣкоторыя свои части.

»А поди сюда, голубчикъ!« сказалъ онъ, втыкая вилку въ затылокъ поросенку, и, замѣтивъ, что майоръ съ удовольствіемъ слѣдитъ за его движеніями, продолжалъ разговаривать съ поросенкомъ, какъ съ живымъ существомъ. »Ты думаешь, голубчикъ, что я не знаю, гдѣ у тебя замо́къ въ затылкѣ? Я отыщу его и въ потемкахъ, а не только при этакой благодатной лунѣ!... Поверинька вотъ этакъ! Дай мнѣ отвѣдать твоего нѣжнаго ушка!... Чортъ возьми, какъ вкусно! да хрѣнъ какой! въ глазахъ двоится!... Теперь позволь приподнять эту жирную, прозрачную кожицу.... Хрупъ! замочекъ отскочилъ.... вотъ и таинственная скважинка въ твоемъ черепочкѣ. Я, голубчикъ, проходилъ анатомію на практикѣ.... Пролесть прелестей мозги! Майоръ, позвольте предложить вамъ половинку! Просто — сюперфлю!«

Майоръ находилъ, что ужинъ для него вреденъ, и отказался отъ сюперфлю.

»Ужъ признаюсь, послѣ трехдневнаго дежурства....« началъ опять Иволгинъ.

»О какомъ дежурствѣ вы говорите?« спросилъ майоръ: »вѣрно, на станціи?«

»А что́ бы вы думали, ваше превосходительство?« Иволгинъ часто величалъ этакъ майора.

»Ничего бы я не думалъ.«

»Гмъ, ничего!... Конечно.... гдѣ намъ? куда намъ? что́ мы значимъ? До насъ никому дѣла нѣтъ.... Мы такъ-себѣ, хуторяне!«

Иволгинъ замолчалъ и началъ ѣсть очень дѣятельно; только его брови, глаза, морщины на лбу и движеніи плечъ говорили: »Гдѣ намъ? куда намъ? что́ мы значимъ?« и такъ далѣе.

Майоръ окончательно убѣдился, что онъ пріѣхалъ съ какою-то интересною новостью, но, чтобъ его помучить, молчалъ и равнодушно пускалъ изъ дыму кольца въ лунный кругъ.

»Такъ хотите знать, зачѣмъ я трои сутки дежурилъ?« сказалъ наконецъ Иволгинъ, потерявъ терпѣніе.

»Скажите«, отвѣчалъ равнодушно майоръ.

»Ужъ вы на меня смотрите какъ хотите спокойно, ваше превосходительство, а я вамъ объявлю такое, что отпрыгнете вонъ куда! (Иволгинъ указалъ на противоположный берегъ пруда.) Знаете ли, кто пріѣхалъ?... Но нѣтъ, слушайте все по порядку.... Дежурю я одинѣ сутки; подъ вечеръ возвращается вице-губернаторъ изъ Петербурга и воображаетъ, что я для него сижу на станціи. »А, Каинтонъ Павловичъ! любезнѣйшій!« обрадовался ужасно и ну ко мнѣ ласкаться. »Разскажите-ка мнѣ, какъ вы вступали »съ распущенными знаменами въ Дубно. Мнѣ пе»ресказывали вашъ анекдотъ въ Петербургѣ....« Что́, вы не вѣрите, майоръ? ей Богу! »Мнѣ«, говоритъ, »въ Петербургѣ пересказывалъ сенаторъ »Козолуповъ.... я помиралъ со смѣху. Разскажи»те, разскажите!« А я ужъ и не помню, о чемъ я говорилъ съ сенаторомъ Козолуповымъ. Нечего дѣлать, долженъ былъ я представить ему въ лицахъ пару телятъ передъ знаменами. Вообразите себѣ картину: мы идемъ торжественно подъ Суворовскій маршъ, а телята, задравши хвосты, впереди, бэ-э! отъ самой заставы черезъ весь городъ.«

И Иволгинъ, вскочивъ со стула, представилъ въ лицахъ майору испуганныхъ телятъ, подражая ихъ реву и движеніямъ въ совершенствѣ. Мимическій талантъ развилъ онъ еще въ пансіонѣ, представляя товарищамъ ненавистнаго Нѣмца въ тысячѣ карикатуръ.

Майоръ былъ человѣкъ не смѣшливый, но искусство актера побѣдило его, и онъ, схватись за грудь, какъ дѣлаютъ больные, закачался на стулѣ, издавая легкіе звуки хохота.

»Я, право, не знаю, что́ тутъ смѣшного«, скромно продолжалъ Иволгинъ, возвратясь на свое мѣсто. Но лишь только замѣтилъ, что майоръ перестаетъ смѣяться, опять заговорилъ о телятахъ

о трубахъ, о распущенныхъ знаменахъ, и, сидя, представлялъ движеньемъ рукъ и фалдъ, какъ телята бѣжали по городу, а голосомъ очень искусно подражалъ ихъ реву.

»А вѣдь не посчастливилось ихъ высокородію въ столицѣ!« повелъ онъ рѣчь далѣе: »ужъ я вижу, что не посчастливилось! Знаете ли, чего ихъ высокородію хочется?... Бездѣлицы — губернаторства! А тамъ эти мѣста въ цѣнѣ; это мы знаемъ. Такъ они и воротились ни съ чѣмъ. У меня тонкое чутье: не въ духѣ ихъ будущее превосходительство. Даромъ пропалъ посѣвъ!«

»Да почемъ же вы все это знаете?«

»Почемъ знаю? конечно! намъ ли проникать въ тайны сановниковъ? мы только про телятъ способны разсказывать; а то намъ и не въ домекъ, что ямщика велѣли высѣчь.«

»Какъ высѣчь? за что?«

»Такъ высѣчь, просто, какъ обыкновенно сѣкутъ розгами. А за что? за то, что ямщикъ надѣлъ шапку. Ихъ будущее превосходительство сѣли ужъ въ экипажъ, да какъ-то оглянулись и замѣтили, что ямщикъ, стоя въ воротахъ, надѣлъ шапку. Воротились, и, для порядку, велѣли ямщика высѣчь.... Ну, вотъ вамъ смѣшно, а мнѣ вовсе не смѣшно: ямщикъ у меня очередной, — какъ прикажете посадить его на козла?«

И Иволгинъ вздохнулъ, чтобы придать больше комизма своему разсказу.

»Ужъ моимъ ямщикамъ такое счастье въ эту недѣлю«, продолжалъ онъ. »Вчера и опять дежурю. Къ вечеру ѣдетъ какой-то Нѣмецкій князекъ съ отвислою губой, и воображаетъ, что Иволгинъ поджидаетъ на станціи его Нѣмецкой свѣтлости. Какъ бы не такъ! Послѣ короткаго знакомства съ Генрихомъ Христофоровичемъ, я охотнѣе встрѣчаюсь съ Жидовскою козою, чѣмъ съ самымъ знатнымъ Нѣмцемъ. И что же? какъ на зло! ямщика угораздило попросить на водку Отвислая губа пошарила въ карманѣ и дала собственноручно.... что бы вы думали?.. мѣдный пятакъ! Ей Богу! Ямщикъ что-то сказалъ въ родѣ дьявола, или шельмы. Вѣдь понялъ же нѣмой языкъ и велѣлъ высѣчь ямщика! Высѣкли, а тутъ очередь. Просто, разоряютъ станцію!«

»А вы всё дежурите?« спросилъ майоръ.

»А я всё дежурю. Но не для кандидатовъ въ превосходительные и не для Нѣмецкихъ князьковъ дежурю. Это замѣтьте. Есть у насъ иные кой-какіе знакомства.... Ничего!... мы такъ-себѣ, хуторяне, только знаемъ за три дня, кто будетъ проѣзжать.... До насъ никому дѣла нѣтъ; только насъ хватаютъ за полу графы и князья....«

»Теперь я догадываюсь, въ чемъ дѣло«, сказалъ майоръ съ замѣтнымъ удовольствіемъ: »князь Великданъ пріѣхалъ?«

Вмѣсто отвѣта, Иволгинъ послалъ ему только поцѣлуй рукою, и, упершись руками въ ляжки,

а локти разставивъ врозь, смотрѣлъ на майора съ минуту неподвижно; наконецъ сказалъ:

»Ей Богу, я и не знаю, что́ во мнѣ этимъ великимъ людямъ! Непремѣнно вотъ будь на станціи, чтобъ съ первымъ со мною повидаться! Я хлопочу, чтобы скорѣе лошадей, — куда тебѣ! Схватилъ за пуговицу, не отпускаетъ отъ коляски, и этакъ съ полчаса продержалъ. Обо всемъ разспрашивалъ.... Освѣдомлялся и о васъ. Велѣлъ передать вамъ поклонъ. »Скажите«, говоритъ »любезнѣйшій, майору, что я дружески ему кланяюсь.« Именно этими словами: *дружески кланяюсь!*«

Майоръ выслушалъ Иволгина съ умиленіемъ и сказалъ:

»Добродѣтельный вельможа!«

»А по-моему«, возразилъ Иволгинъ, »такъ со стороны князя нѣтъ въ этомъ никакой добродѣтели. Что́ тутъ за добродѣтель? Просто, долгъ, вотъ и все! Ну, посудите сами: какой бы онъ былъ государственный мужъ, еслибъ не обратилъ вниманія на воина, прославленнаго столькими сраженіями?«

»Ну, ужъ полно, Каинтонъ Павловичъ!« говорилъ майоръ; »ужъ вы запустите свою философію!«

»Да тутъ и философіи не надо: тутъ дѣло ясно само собою. Вѣдь посмотрите: есть у насъ пятисотные помѣщики, есть и тысячники, а вѣдь князь никого изъ нихъ не почтилъ визитомъ. Всѣ придите поклонитесь сами, — и то считаютъ за счастье, а вы сидите себѣ въ хуторѣ и не думаете о высокихъ порогахъ, глядь — къ вамъ на дворъ сіятельные гости!«

»Ужъ вы съумѣете представить!« говорилъ майоръ, скрывая свое удовольствіе: »разскажете не хуже, какъ и про телятъ.«

»Да́, я былъ бы теленокъ, когдабы не понялъ, въ чемъ тутъ дѣло!« сказалъ Иволгинъ, любившій въ свою ложь простодушно ввертывать истину. »Я вамъ скажу, что Мазницынъ отдалъ бы мнѣ свою нетечанку, за которую безсовѣстно проситъ 200 цѣлковыхъ.... Да что́ объ этомъ и говорить! Князь Великданъ пріѣхалъ; я съ княземъ видѣлся; князь вамъ дружески кланялся: вотъ и все. Ура!«

Съ этимъ словомъ Иволгинъ налилъ и осушилъ залпомъ рюмку.

»А что́ же баба?« сказалъ майоръ, ища глазами своей прислуги.

Но баба какъ тутъ была. Горячая, жирная, вся движущаяся отъ печной нѣги, она была поставлена передъ Иволгинымъ и вполнѣ вознаградила его за привезенныя новости. Онъ не любилъ сладкаго, и отвергъ предложенный ему майоромъ сахаръ; за-то сычалъ и шипѣлъ на всѣ лады, прохлаждая у себя во рту лакомое кушанье.

»Надолго князь пожаловалъ въ свое владѣніе?« спросилъ майоръ.

»По секрету онъ мнѣ сказалъ, что важныя государственныя дѣла должны вызвать его отсюда вскорѣ, но вы этого не разглашайте. Знаете что, ваше превосходительство? вамъ бы не мѣшало сдѣлать ему визитъ.«

»Почему же?« отвѣчалъ майоръ. »Я охотно....«

»Ато, посудите«, продолжалъ Иволгинъ: »вельможа, государственное лице, и долженъ ѣздить къ вамъ на поклонъ.... Этакъ вы прослывете гордецемъ. Мнѣ было бъ очень больно, когдабы ваше имя поставили на ряду съ вашимъ сосѣдомъ Сагайдачнымъ.«

»Дался вамъ этотъ Сагайдачный!« сказалъ майоръ. »Полно вамъ нападать на него! Я очень его уважаю, хоть и незнакомъ съ нимъ.«

»Есть за что уважать! Развѣ за то, что онъ не уважаетъ никого?«

»Да съ чего же вы взяли, что онъ никого не уважаетъ?«

»Вотъ вопросъ! Да для него ничего нѣтъ священнаго: это видно всякому, кромѣ васъ, майоръ! Пріѣхалъ изъ Петербурга, и ни къ кому даже черезъ порогъ не плюнулъ. Важная птица — коллежскій ассессоръ!«

»Онъ, говорятъ, вѣчно занятъ«, сказалъ майоръ. »Работаетъ съ утра до вечера. Это человѣкъ необыкновенный, — не то, что мы съ вами: онъ и механикъ, и агрономъ, и все, что вамъ угодно.«

»Гордецъ и больше ничего!« сказалъ съ досадой Иволгинъ. »Гордецъ, философъ, вотъ и все!«

»Съ этимъ я не согласенъ. Покойная мать его была чудная женщина, да и отецъ, говоритъ, былъ человѣкъ рѣдкій.«

»А онъ гордецъ!« воскликнулъ Иволгинъ.

»Что это была за женщина! такой доброты поискать во всемъ свѣтѣ.«

»А онъ философъ!«

»Сколько бѣдныхъ она призрѣла!«

»А онъ гордецъ, философъ и въ добавокъ повѣса!«

»Отъ чего жъ повѣса? Всѣ козаки говорятъ, что это человѣкъ непорочный. А козаки вѣдь все берутъ на замѣчаніе.«

»Козаки ваши видятъ не дальше своихъ усовъ. Я вамъ говорю, майоръ, что Сагайдачный, просто, повѣса и Петербургскій развратникъ!«

»Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ! Этимъ вы и меня обижаете.«

»Я знаю, что говорю, майоръ. Со-временемъ узнаете и вы, да будетъ, можетъ быть, поздно.«

»Что же вы этимъ хотите сказать?«

»То, что слышите!« отвѣчалъ Иволгинъ и, закуривъ трубку, погрузился въ размышленіе.

»Странные вы люди, господа помѣщики!« началъ, помолчавши, майоръ. »Чуть явится межъ вами человѣкъ, непохожій на другихъ, вы тотъчасъ и подхватите его на зубы. Онъ у васъ и

горделъ, и философъ, и еще хуже того. А чѣмъ онъ виноватъ? единственно тѣмъ, что сидитъ дома и дѣлаетъ свое дѣло.«

»Ну, этотъ успѣваетъ работать и на сторонѣ!«

»Какъ же это?«

»Да такъ, по-столичному. И не только днемъ, да и ночью.«

»Что́ же *это* еще такое?«

»Такъ, ничего; замѣтка въ скобкахъ.«

Майоръ посмотрѣлъ на графинчикъ съ закускою и покачалъ головою.

»Я думаю, поздній пріѣздъ мой обезпокоилъ у васъ кого-нибудь?« сказалъ Иволгинъ.

»Нимало. Сестрѣ никогда не спится: она всё думаетъ о своемъ хозяйствѣ. Этакой хлопотуньи я не встрѣчалъ и въ Польшѣ. А племянница не обратила бы на васъ вниманія, хоть бы вы взъѣхали на дворъ съ трубачами, какъ въ Дубно.«

»Да́«, сказалъ Иволгинъ, и, помолчавъ, повторилъ: »Да́.... да!«

Потомъ выпилъ еще одну рюмку чего-то и еще тверже сказалъ: »Дда!«

»Однакожъ«, прибавилъ онъ, прохаживаясь по балкону, »у васъ въ хуторѣ не всѣ спятъ. Какъ весело поютъ въ лѣсу дівча́та!... Одинъ голосъ какъ-будто знакомый. Вы не узнаёте его, майоръ?«

»У меня не такой тонкій слухъ«, отвѣчалъ майоръ.

»А у меня«, сказалъ Иволгинъ, »слухъ очень

хорошъ, а зрѣніе еще лучше, и я многое слышу и вижу, чего другіе не слышатъ, или не хотятъ слышать, не видятъ, или не хотятъ видѣть.«

»Что́ это у васъ за загадки сегодня, Капитонъ Павловичъ?«

»Такъ, ничего-съ,. ваше превосходительство.«

»Куда же вы?« сказалъ майоръ, замѣтивъ фуражку въ рукахъ у гости.

»Прощайте, до свиданія! прощайте, до свиданія!« проговорилъ гость и быстро вышелъ черезъ гостиную, въ которой дремала дѣвочка, склонясь на столъ.

Все это было въ его манерѣ, и потому майоръ ни мало не удивился ни его таинственнымъ полусловамъ, ни странному прощанію. Иволгинъ всегда привозилъ ему какой-нибудь секретъ и уѣзжалъ, давъ понять, что у него въ запасѣ много еще другихъ секретовъ.

Съ отъѣздомъ Иволгина замолкли пѣсни въ лѣсу. Настала глубокая тишина, которою наша южная природа любитъ перемежать свои многоголосыя рѣчи. Мѣсяцъ поднялся высоко. Майоръ видѣлъ внизу, на дорогѣ, неясную фигуру всадника, мчавшагося во весь опоръ, слышалъ топотъ конытъ и даже болѣзненный храпъ его коня. Потомъ умолкло все. Майоръ поставилъ къ столику докуренную трубку и прошелъ въ свою спальню, разбудивъ мимоходомъ разоспавшуюся дѣвочку и велѣвъ ей убрать съ балкона закуску. Запершись

въ своей спальнѣ, онъ сталъ на колѣни и началъ читать молитвы, которымъ научила его въ дѣтствѣ мать и которыя засіяли въ его сердцѣ огненными буквами, когда онъ очутился на чужой сторонѣ, среди опасностей войны. Эти молитвы казались ему тогда спасительнымъ, всеотвращающимъ материнскимъ предстательствомъ у Бога, и привыкъ онъ съ того времени произносить ихъ не иначе, какъ на колѣняхъ.

Кончилъ майоръ молитву и подошелъ къ отворенному окну, чтобы затворить его на ночь. Лунный свѣтъ обливалъ весь дворъ. Мурава отъ росы немного посѣдѣла, и въ ея сѣдинахъ кой-гдѣ сверкали серебряныя, чуть замѣтныя искры. Тѣнь отъ построекъ казалась на ней черною, и тѣмъ чернѣе, чѣмъ ярче сіяли противъ мѣсяца бѣлыя стѣны противоположнаго домика. Подлѣ домика, въ мохнатомъ, увитомъ темною зеленью плетнѣ, виднѣлся перелазъ. Знакомая майору ступенька у перелаза казалась издали свѣтлымъ пятномъ въ тѣни. Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло по ту сторону, въ саду.... То были бѣлые женскіе рукава. На перелазъ поднялась дѣвушка, въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ. Стройная, увѣнчанная фигура ея выказалась вдали главными своими линіями, но черты лица и подробности наряда терялись въ общихъ массахъ, обрисованныхъ надавшимъ съ-боку лунным свѣтомъ. Вотъ она перешагнула на ступеньку... мелькнула бѣлая полоса обыкновенно *мережен-*

го (1) на-показъ подола... Ночная нимфа, обернулась назадъ, и звонкій поцѣлуй раздался въ тишинѣ. Съ легкостью молодости выпрыгнула она изъ саду на дворъ, а въ саду мелькнула высокая мужская фигура въ соломенномъ брилѣ (2) и исчезла за деревьями....

Что-то странно толкнуло майора въ сердце, когда женская фигура проскользнула, какъ тѣнь, подъ навѣсъ домика, въ которомъ жила его сестра съ дочкою. Непольно вспомнилъ онъ загадочныя слова и ужимки Иволгина.

---

(1) Вышитаго узоромъ.

(2) Бриль — шляпа съ полями.

ГЛАВА У.

Слѣдующій день былъ — воскресенье. Майоръ по воскресеньямъ не пилъ чаю до выхода отъ обѣдни. Послѣ обѣдни онъ пилъ чай вмѣстѣ съ сестрой и племянницей, которую такимъ образомъ пріучалъ къ высшему быту. По воскресеньямъ онъ обыкновенно ѣзжалъ съ нею въ ближайшую къ хутору церковь. Стоя съ ней рядомъ и оказывая ей всяческое вниманіе всенародно, онъ этимъ самимъ какъ-бы возводилъ ее въ высшее сословіе и давалъ ей право на выходъ замужъ въ *благородное* семейство. Сестра майора была этимъ очень довольна; племянница была довольна тоже, но, привыкая къ новому положенію съ одиннадцати лѣтъ, она никакъ не могла къ нему привыкнуть. Ей очень нравились наряды, которыми дарилъ ее богатый дядя, но казаться въ нихъ народу было для ней очень тягостно. Ее стѣсняло въ церкви и присутствіе простолюдиновъ, которые завидовали ея счастію простодушно, и присутствіе паниночекъ и барышень, которыя преслѣдовали ее насмѣшливыми взглядами. Дядя, будучи старымъ холостякомъ и уединеннымъ домосѣдомъ, не могъ доставить ей знакомствъ, которыя освоили бы ее съ дворянскимъ обществомъ. Она по-неволѣ ограничивалась знакомствами съ такими личностями, которыхъ все преимущество передъ козачками состояло въ томъ, что онѣ сбросили цвѣточные вѣнки для какой-то странной прически съ узломъ на затылкѣ, и шитые *мережками* (1) рукава, для ситцевыхъ, смѣшно надутыхъ платьевъ. Эти убогія личности, священническія и чиновническія дочери-хуторянки, льнули къ ней, невольно увлекаясь ея богатствомъ, и, можетъ быть, любили ее за щедрость, съ которою она дарила имъ кое-что изъ наскучившихъ вещей своихъ, но вовлечь ее въ свою жизнь не могли: жизнь ихъ была крайне бѣдна и безцвѣтна.

Къ нимъ ѣзжали и хаживали такъ-называемые *судовые паничи*, народъ очень склонный къ закусочкамъ, возбуждающимъ жажду, и къ утоленію оной кой-чѣмъ живительнымъ, но скучный и однообразный до крайности. Отдѣлясь отъ низшаго сельскаго сословія, этотъ классъ людей утратилъ простоту жизни и естественность интересовъ, обратилъ душевныя свои силы къ интере-

(1) Узорами въ Украинскомъ вкусѣ.

самъ искусственнымъ, чиновнымъ и канцелярскимъ, усвоилъ себѣ языкъ, выдѣланный изъ народнаго языка Кіевскими академистами и смѣшанный потомъ съ городскимъ нарѣчіемъ Московскимъ для всероссійскаго офиціяльнаго употребленія. Эти люди потеряли чутье къ живописности оборотовъ, къ поэтичности тѣхъ стереотипныхъ формъ рѣчи, которыми пересыпаетъ свою бесѣду наше простонародье, и, обѣднѣвъ природными дарами ума и сердца, пустили въ ходъ полусолдатскія, полукупеческія фразы и манеры, столь же чуждыя народному естественному вкусу, какъ и далекія отъ изящной простоты высшаго, образованнаго общества.

Не отдавая себѣ отчета, почему эти господа ей не нравились, майорская племянница избѣгала встрѣчи съ ними у своихъ подругъ, а въ послѣднее время, просто, ни у кого не бывала и вела почти такую же уединенную жизнь, какъ и ея дядя.

Майоръ видѣлъ, что дѣло плохо, но какъ помочь горю, не зналъ и предоставилъ матери вести свою дочь, какъ съумѣетъ. Онъ замѣчалъ, что его племянница дичаетъ болѣе и болѣе, что она забросила узкіе лифы своихъ модныхъ платьевъ и носитъ однѣ юбки отъ нихъ, надѣвая сверху безрукавую кофту собственнаго издѣлія и выставляя на-показъ расшитые роскошными мережками бѣлые рукава сорочки. Раза два онъ пожурилъ ее; раза два она, въ угожденіе ему, возстановляла такъ называемый ею *господскій* нарядъ; но потомъ снова вдалась въ свои хуторскія прихоти, и когда однажды онъ сдѣлалъ недовольный видъ, она бросилась къ нему на шею съ рѣзвостію балованнаго ребенка, а потомъ повернулась передъ зеркаломъ, уперши руки въ тонкій природный свой перехватъ, и сказала:

»Чѣмъ же этотъ нарядъ хуже вашего господскаго? Меня душитъ вашъ лифъ, какъ-будто я зашита въ чехолъ; въ немъ нельзя повернуться свободно, нельзя поднять къ-верху руку. А этакъ мнѣ легко дышать; я могу достать ягодъ съ самой высокой вишни; а свѣжій вѣновъ даетъ головѣ прохладу на солнцѣ. И что́ за глупость каждый годъ перемѣнять покрой! *Цуръ имъ сімъ мо́дамъ!* Не хочу быть панночкой! останусь козачкой!«

Майоръ назвалъ племянницу дурочкой, которая не понимаетъ своего счастья. Мать подтвердила его слова и грозила сжечь всѣ ея вышивки для рукавовъ. Но оба, и братъ и сестра, заглядѣлись на своеправную хуторянку и сознались въ душѣ, что ничего краше и выдумать нельзя для цвѣтущей молодости, какъ бѣлыя складки расшитыхъ рукавовъ, сквозящихъ на молодомъ тѣлѣ (¹), и свѣжіе цвѣты, надъ свѣжимъ, беззаботнымъ челомъ и играющими счастіемъ глазами.

(¹) Здѣсь разумѣется не одна тонкость холста: мережки дѣлаются à jour.

Майорская племянница, Парася, какъ называла ее мать, и Параскевія Ѳедоровна, какъ величалъ ее майоръ, была хорошенькая дѣвушка. Сосѣдніе козаки и ихъ жены находили ее несравненною и утверждали, что такой дѣвушки давно уже не видано на хуторахъ; но мать не допускала этихъ отзывовъ до слуха дочери, по инстинкту благоразумія, и всегда противорѣчила излишнимъ похваламъ, чтобы не завидовали люди и не сдѣлали дочери зла лихими языками. Знала, однакожъ, она цѣну своей Парасѣ, знала, что нельзя на нее посмотрѣть и не заглядѣться. Поэтому всякій разъ, какъ отпускала ее въ церковь, тайно втыкала ей въ подолъ, или полу, *про́торь*, то есть иголку безъ ушка. Дѣлалось это для того, чтобы злые люди не сглазили ея цвѣтущей красоты и чтобы каждый завистливый языкъ невидимою силою наткнулся на скрытый въ ея платьѣ заговоренный проторгъ, а дѣлалось тайно для того, чтобы не возмечтала дочь о своей красотѣ и, глядя слишкомъ высоко, не проглядѣла своего счастья. Но никто лучше самой Параси не зналъ цѣны ея каримъ глазамъ, которые, замѣчу, выражали не только то, что́ было, но и то, чего не было у ней въ душѣ; никто не зналъ лучше Параси, на сколько всѣ простыя хуторянки и другія посѣтительницы ихъ приходской церкви ниже ея, по красотѣ лица и стройности тѣла. При всемъ томъ у ней столько было природной скромности,

что она какъ-будто стыдилась преимуществъ своихъ и, будучи рѣзва и говорлива съ домашними, очень была скупа на слова и даже на взгляды съ посторонними. Ея молчаливость, застѣнчивость и удаленіе отъ кружковъ молодежи одного съ нею класса, то есть отъ такъ называемыхъ *полупанко́выхъ*, были причиной, что ее прославили гордою богачкой, которая мѣтитъ попасть въ высшій кругъ уѣзднаго общества и поджидаетъ жениха изъ богатыхъ помѣщиковъ.

Это мнѣніе поповенъ и панночекъ чиновнаго сословія раздѣляли и самыя козачки, съ которыми она обращалась дружески, какъ съ равными, но которыя взирали на нее, какъ на принцессу, завидовали ей простодушно и въ то же время гордились ею, какъ-будто она принадлежала къ ихъ семействамъ и возвышала ихъ достоинство своею красотою. По общему ихъ мнѣнію, едва-ли могъ отыскаться во всемъ околоткѣ даже и изъ помѣщиковъ женихъ, вполнѣ достойный *майоровой Параси*, какъ обыкновенно ее называли. Но въ глазахъ молодыхъ помѣщиковъ, наслѣдство, предстоявшее Парасѣ, значило вовсе не такъ много, какъ въ глазахъ мелкой братіи, то есть судовыхъ паничей, мелкихъ панковъ, ихъ родственницъ и простыхъ козачекъ; здоровая хуторская красота ея была не въ ихъ вкусѣ, и притомъ ей не доставало того, что́ называется въ дѣвицѣ образован-

постію. Она отъ роду не бывала въ »порядочномъ« обществѣ и умѣла читать одинъ молитвы.

Дяди-майоръ, пріютивъ у себя сиротку, передалъ ей всю свою образованность, которая состояла въ чтеніи святцевъ и въ умѣньи написать коскакъ письмо. До вступленія въ службу, онъ пріобрѣлъ было нѣкоторый навыкъ въ каллиграфическомъ искусствѣ, подъ руководствомъ дьячка, жившаго въ такъ называемой *братской хатѣ*, при церкви; но служба рѣшительно не благопріятствовала научному его образованію. У него было слишкомъ много заботъ о своей командѣ и слишкомъ много кровавой работы въ полѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые, подъ покровомъ внѣшней флегмы, или того, что въ Украинцахъ называютъ флегмою, скрываетъ способность къ неугомонной дѣятельности. У нихъ нѣтъ средины: это или ярко пылающій пламень, или едва сверкающая некрою зола. Тотъ майоръ, котораго мы знаемъ, столь же мало похожъ былъ на майора въ службѣ, какъ потухающая зола на живой огонь, но тѣмъ не менѣе былъ онъ человѣкъ всё той же горячей натуры. Побуждаемый наслѣдственною энергіей духа, не озареннаго наукою, онъ положилъ на службѣ здоровье, молодость и пролилъ лучшую часть горячей козацкой крови, безъ размышленія, для кого и для чего сдѣланы эти великія жертвы, а потомъ, измученный и хилый, воротился на родину съ тѣмъ

же литературнымъ образованіемъ, какимъ снабдила его въ отрочествѣ его бѣдная, обнищавшая духомъ родина. Поэтому племянница его, Парася, позаимствовалась отъ него слишкомъ мало. На первыхъ порахъ у майора нѣсколько разъ мелькала мысль о пріисканіи для нея наставницы, но когда онъ перевелъ эту мысль изъ отвлеченнаго міра въ міръ хуторской своей дѣйствительности, онъ испугался собственной выдумки за себя и за свою сестру, которая добровольно сдѣлалась его служанкою, но которую онъ не желалъ видѣть служанкою наемной женщины. Устроить иначе дѣла въ его положеніи онъ не умѣлъ и не хотѣлъ. И вотъ майорская племянница, осыпанная ласками и щедротами выслужившагося дяди, росла да росла, пока изъ хуторской босоножки сдѣлалась роскошною сельскою красавицей. Она изучила однообразныя привычки дяди; она умѣла занять его и угодить ему по-своему; она воздѣлывала собственными руками цвѣтники подъ его окнами, снимала для него по большимъ праздникамъ ордена и потомъ опять развѣшивала ихъ среди свѣжихъ цвѣтовъ, подъ образами. Майорская сестра, имѣя средства нанимать дворовую черноработную прислугу и заведя при хуторѣ, по козачьему обычаю, подсосѣдковъ, вела хозяйство на диво всѣмъ окрестнымъ козакамъ и была очень довольна своимъ положеніемъ. Еслибъ этакъ продлить ихъ бытъ на безконечные годы, то не много

нашлось бы на землѣ уголковъ счастливѣе хутора Майоровщины. Но судьба вѣчно разнообразитъ исторію жизни человѣческой и представляетъ повѣствователю неистощимые матеріалы для описанія.

Майоръ въ послѣднее время началъ дѣлаться молчаливѣе и задумчивѣе прежняго. Глядя на него и догадываясь, въ чемъ дѣло, сестра болѣла сердцемъ, и горевала о немъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ ея разспросы были напрасны и она не могла приложить къ дѣлу народной медицины, бѣдной средствами, но за-то исполненной вѣры въ ихъ дѣйствительность. Все, что́ она могла дѣлать, были частыя подачи священнику во время обѣдни *на часточку*. Майоръ, посѣщая церковь исправно каждое воскресенье, не зналъ, что его имя поминается каждый разъ въ тихой молитвѣ священника, въ тотъ торжественный и таинственный моментъ священнодѣйствія, когда затворяются врата въ алтарь; но сестра его тихо вторила сердцемъ молитвѣ священника въ алтарѣ, которую она почитала болѣе дѣйствительною, чѣмъ свою грѣшную и смиренную молитву въ дальней части церкви, называющейся *бабинцемъ* (1). А порядокъ природы шелъ, между тѣмъ, своимъ ходомъ, и майоръ

(1) Народный обычай установилъ у насъ, чтобы замужнія женщины стояли въ церкви особо — въ *бабинцѣ*. Дѣвушки, напротивъ, и дѣти становятся на-виду, впереди всѣхъ. Пѣшительство панскаго сословія измѣняетъ этотъ порядокъ, становя впереди толпу необычнаго народа разныхъ половъ и возрастовъ.

чаще прежняго находилъ случай сказать, что ему »не долго коротать на свѣтѣ.« Эти слова болѣзненно проникали въ сердце сестры, которая, потерявъ мужа, всю любовь женской души своей перенесла на брата.

Съ другой стороны, ее озабочивала больше и больше будущность ея дочери. Еслибъ онѣ остались въ прежнемъ положеніи, которое воспѣто въ пѣснѣ:

Чи се та́я вдова́ живе́,
Що на рі́жку́ ха́та?
Хоро́шую дочку́ ма́е,
Сама́ не бага́та;

тогда бы ей нечего было обдумывать свои семейныя дѣла: они устроились бы естественнымъ порядкомъ, который воспѣтъ въ той же пѣснѣ:

Хо́дить коза́къ по у́лиці,
Нічим замути́ться.
Ой одчиній, стара́ не́ве,
Дай води́ напи́ться,
Хоро́шую дочку́ ма́ешъ —
Дозво́ль подиви́ться.

Этимъ порядкомъ устроилось бы знакомство, а потомъ и сватовство, послѣ котораго заботы родителей оканчиваются и все передается на волю Божію. Но въ ея нынѣшнемъ, такъ сказать, облагороженномъ положеніи, простой козакъ не смѣлъ втереться въ ея домъ съ своимъ искательствомъ, хоть бы онъ былъ достойнѣйшимъ изъ достойнѣй-

шихъ женіховъ. Майорская сестра смотрѣла повыше, но въ высшемъ слоѣ, надъ уровнемъ пахарскаго свободнаго сословія, она не находила молодого человѣка, котораго ей пріятно было бы включить въ свое семейство. Эти панычи, разъѣзжающіе съ кокардами на обывательскихъ тройкахъ, эти мелкопомѣстные дворянчики, покупающіе лошадей на одной ярмаркѣ, чтобы продать на другой, всѣ эти носители узкихъ панталонъ, натянутыхъ штрипками, всѣ эти курители несносныхъ папиросъ и проповѣдники какихъ-то непонятныхъ законовъ и очень понятныхъ прижимокъ, сильно ей не нравились, при всемъ ея уваженіи къ благородному званію, уваженіи, которое внушилъ ей своею личностью майоръ.

До его возвращенія изъ службы, она, въ своемъ воззрѣніи на вещи, была глубокая демократка. Узнавъ, что братъ, въ чинѣ майора, основываетъ на отцевской землѣ хуторъ Майоровщину, она, въ отдаленномъ своемъ захолустьи, показывала видъ, что ничего о немъ не знаетъ. Она боялась чиновнаго брата; нужды нѣтъ, что это былъ тотъ самый братъ, которому она когда-то вывела на-прощанье козацкаго коня и облила стремя его горячими слезами. На убѣжденія своихъ пріятельницъ-сосѣдокъ, чтобъ она къ нему поѣхала, или откликнулась, она отвѣчала народною пословицею: *Якъ надівъ Москóвську сýмку, то взявъ и Москóвську дýмку*. Майоръ, устроивъ наскоро для себя первое помѣщеніе изъ перенесенныхъ на новое мѣсто отцевскихъ хатъ, самъ отыскалъ ее и, безъ словесныхъ увѣреній, разувѣрилъ ее въ ея предубѣжденіи; но его предложеніе переѣхать къ нему на хозяйство съ неограниченными правами долго было отклоняемо: долго колебалась безпомощная вдова продать наслѣдство послѣ мужа и переѣхать на житье къ богатому брату. Зато потомъ онъ сдѣлался для нея образцемъ людей »благороднаго званія.« Ничего подобнаго ему она, на узкомъ горизонтѣ своихъ наблюденій, не усматривала; если же и предполагала существованіе такихъ людей въ иныхъ, недоступныхъ для нея кругахъ, то очень хорошо понимала, что эти круги не соприкасаются и соприкасаться не могутъ съ ея кругомъ. Такимъ образомъ дочь ея находилась, какъ она это ясно видѣла, въ томъ положеніи, которое выражается народною пословицею: *Одъ одного́ бéрега одстáвъ, а до дрýгого не достáвъ*, или иначе: *Стáла нáша Мотрóна ні пáва, ні воронá*. Эти слова, обидныя для материнскаго чувства, невольно лѣзли ей въ голову, и тосковала она въ своей высшей долѣ гораздо больше, нежели прежде бывало въ низшей.

Одна Парася, счастливая своею молодостью, не знала еще горя. Напротивъ, съ нѣкотораго времени она сдѣлалась необыкновенно весела и почти вѣтрена. Во все время, какъ она сидѣла за

работою, — а любила она вышивать роскошные *рушники* (1) и мережить красною *заполочью* (2) рукава къ сорочкамъ, — пѣсни ея не умолкали; во все время, какъ она копалась въ саду, или работала въ цвѣтникахъ подъ окнами, голосъ ея былъ слышенъ по всему хутору. Мать упивалась ея музыкой, какъ упиваемся мы, люди цивилизованные и бо́льшею частью запертые въ четырехъ стѣнахъ, свѣжимъ дыханіемъ сельской весны, какъ упиваемся мы, люди иного воспитанія, мечтами и думами нашихъ поэтовъ. Это была для нея, темной хуторянки, живая словесность, въ которой изображалась поэтическимъ языкомъ вся жизнь человѣческая и вся видимая природа. То́ воспоминанье былого слышалось ей въ пѣсняхъ дочери, то́ ей казалось, что дочь пророчитъ и заранѣе изображаетъ грядущую судьбу свою. Не возможно всего того пересказать, что́ перечувствуетъ материнское сердце, полное мечтательной жизни, то́ параллельно идущей съ возрастомъ дѣтей, то́ забѣгающей далеко впередъ; но если вамъ случится подмѣтить тайную слезу на глазамъ размечтавшейся матери, отверните въ-сторону свое зрѣніе, не профанируйте этой святой слезы своимъ любопытствомъ и даже участіемъ.

Весь день пѣла свои безконечныя, пестрощи-

(1) Утиральники, полотенца.

(2) Бумагой.

мыя пѣсни Парася, наполняя жизнью и поэзіею хуторъ съ прозаическимъ прозвищемъ; но мало было для нея дня: она вечеромъ выходила на такъ называемую *у́лицу* (1), которой не было въ хуторѣ и которая замѣнялась лужайкою среди лѣсу. Тамъ собирались дівча́та майорскихъ подсосѣдковъ и ближнихъ хуторскихъ козаковъ и совершали весеннія, лѣтнія и осеннія пѣснопѣнія, точно какія-то жрицы языческихъ временъ. Все это усвоила себѣ Парася со временъ дѣтства и никакъ не была между сверстницами послѣднею въ пѣсняхъ, будучи первою по нарядамъ и по своему положенію. Майоръ не зналъ, или не хотѣлъ знать объ этихъ вечернихъ прогулкахъ племянницы, несогласныхъ съ обычными понятіями о благородствѣ. Что́ касается до матери, то хоть она и посвятила дочь свою въ высшее сословіе и первая воздавала ей всяческое уваженіе, но не могла запретить ей невинныхъ простонародныхъ забавъ, или не видѣла отъ нихъ вреда, или не рѣшалась возстать противъ удовольствій, которыя сама когда-то вкушала изъ невозмущеннаго ничѣмъ источника. Такимъ образомъ Парася была *хуторянкою* въ полномъ смыслѣ слова, вела веселую и счастливую жизнь на свой образецъ, а о своей будущности никогда не думала. Молодость и сво-

(1) *Улица*, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, означаетъ у насъ еще вечернюю сходку молодежи.

бода дѣвства представлялись ей чѣмъ-то безконечнымъ и не подпускали къ ней никакихъ мрачныхъ мыслей. Одно только ее печалило — задумчивость дяди, которую мать объясняла ей по-своему, и ни мало не ошибалась; но Парася умѣла молиться такъ же горячо, какъ и ея мать, а молясь вѣровала всею душею, что Богъ слышитъ ея молитву, и вѣра ея спасала ея душу отъ унынія.

ГЛАВА VI.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ до нынѣшняго воскресенья, съ небольшими варіаціями и съ перемежкою разными повседневными случайностями и событіями, которыя, однакожъ, не мутили и не отвращали въ сторону потока жизни въ уединенномъ хуторѣ Майоровщинѣ, всё равно, какъ дождь, выпавшій на равнину, наполя тихо текущій по ней потокъ, не лишаетъ его прежней прозрачности и не даетъ ему иного направленія. Майоръ наканунѣ долго не могъ уснуть: столько мыслей, странныхъ и одна другой противорѣчащихъ, поднялось въ умѣ его. Онъ былъ не въ силахъ прогнать изъ воображенія увѣнчанную цвѣтами дѣвушку, освѣщенную вдали луною, и ея громкій, продолжительный поцѣлуй, данный кому-то отъ всей души и отъ кого-то полученный на-прощанье. Наконецъ онъ уснулъ, но цѣлую ночь грезились ему дикія, романическія и вмѣстѣ досадныя сцены.

Проснулся онъ позже обыкновеннаго, хоть и всегда вставалъ довольно поздно. По заведенному порядку, за дверью у него стояла уже готовая вода для умыванья. Марьинка, двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, которая ему прислуживала, была машинкою, которою безпрестанно управляли сестра и племянница майора, не допуская ее ни до малѣйшей неисправности. Майорскіе сапоги стояли вычищенные, майорское праздничное платье и свѣжее бѣлье лежали тутъ же возлѣ двери. Украинки ухаживали за отставнымъ воиномъ никакъ не хуже Швейцарокъ, которыя расточаютъ путешественнику свои предупредительныя заботы часто съ такою естественностію, что заставляютъ его забывать объ отсутствіи лицъ, преданныхъ ему безкорыстно. Майоръ, напротивъ, не только забывалъ объ отсутствіи деньщика, но каждый день чувствовалъ себя въ новомъ долгу у этихъ женщинъ, которыя съ такою *щірою душею* (какъ бы выразились онѣ сами) лелѣяли болѣзненный и унылый закатъ его жизни.

Умылся майоръ, одѣлся и совершилъ, запершись, утреннюю свою молитву. Вдали раздался мягкій звонъ благовѣста. Взглянулъ майоръ въ окно, какъ-бы опасаясь опоздать въ церковь, хотя зналъ, что лошади не могутъ быть не готовы, при неотступной настойчивости хлопотливой его сестрицы, и дѣйствительно увидѣлъ ихъ запряженными въ петечанку и привязанными къ плетню возлѣ

перелаза. Осталось только дождаться племянницы, которая никогда не заставляла себя дожидаться. Но вотъ и она показалась въ саду, и легкою ногою поднялась на перелазъ. Майоръ остолбенѣлъ на мѣстѣ: Парася, которую онъ ждалъ къ себѣ въ праздничномъ нарядѣ благороднаго сословія, засіяла на солнцѣ садовыми цвѣтами, разноцвѣтными лентами, которыя развѣвались позади ея увѣнчанной головы, бѣлоснѣжными рукавами, алымъ шнурованнымъ корсетомъ и пестрыми красками запаски. Словомъ, она устроила себѣ нарадный Украинскій нарядъ, и этотъ нарядъ надѣла, чтобъ ѣхать съ дядею въ церковь. Точно пышная пава, сказалъ бы нашъ простолюдинъ, выпорхнула она изъ саду и шла по зеленой травѣ; но майору напомнила она ночную нимфу, которой звонкій, отъ всего сердца данный кому-то поцѣлуй всё еще раздавался въ его слухѣ. Парася замѣтила, что на нее смотритъ изъ окна, и шла по двору, наклоня стыдливо голову, но шла прямо къ квартирѣ майора. А между тѣмъ кучеръ Радько́ появился у лошадей и готовился подать ихъ къ подъѣзду.

Надобно коротко знать майора, чтобы понять, что́ происходило въ душѣ его. Но смотря на то, что онъ долго велъ бивачную жизнь и почти не встрѣчался въ домашнемъ быту съ женщинами, этими всемірными смягчительницами нравовъ, онъ былъ деликатнѣйшее въ мірѣ созданіе. Онъ долго съ вечера и поутру ломалъ голову, какимъ

образомъ заговорить съ сестрою о томъ, что́ онъ увидѣлъ при лунѣ. Его останавливало и уваженіе къ чувствамъ матери, и страхъ набросить въ ея глазахъ тѣнь на самую чистую репутацію. Пустить *недобрую славу* о дѣвушкѣ даже такимъ способомъ для него было больно, хотя, съ другой стороны, какъ ему было молчать о столь важномъ событіи? Майоръ на службѣ не останавливался ни передъ какими затрудненіями, если только сознавалъ свой долгъ поступать такъ, а не иначе; но тутъ онъ впалъ въ малодушіе, началъ хитрить передъ самимъ собою и увѣрять себя, что ночная любовная сцена не относится къ его племянницѣ. Онъ изучилъ ея поступь, ея движенія и всѣ ея пріемы, наблюдая ее по цѣлымъ днямъ изъ окна, и довольно было одного жеста ея, чтобъ узнать ее издали; но тутъ онъ, какъ ребенокъ, сворачивалъ все на обманчивый свѣтъ луны и наконецъ почти успокоилъ себя на-счетъ ночного свиданія. Чистая материнская молитва, помышленіе о предстоящей обѣднѣ и наконецъ раздавшійся вдали благовѣстъ, умиротворили еще больше его душу. Но когда Парася появилась изъ саду такъ же увѣнчанная, какъ вчера, въ такомъ же нарядѣ и почти въ той самой позѣ, онъ почувствовалъ, что совершенно подавленъ слишкомъ еще новымъ для него душевнымъ волненіемъ. Къ довершенію его смущенія, она одѣлась къ обѣднѣ, какъ въ маскарадъ, то есть отвергла нарядъ,

приличный ея званію, какъ майорской племянницѣ, и возвратилась къ одеждѣ того званія, изъ котораго онъ поднялъ ее до уровня съ собою. Еслибъ это сдѣлала такая дѣвочка, какъ Марьянка, то, въ его мнѣніи, сдѣлала бы, просто, глупость; но со стороны племянницы, которой природный умъ онъ привыкъ уважать, такой поступокъ показался ему неблагодарностью и оскорбленіемъ его достоинства. Майоръ допускалъ подобныя выходки своей баловницы въ ихъ уединенномъ хуторскомъ быту и даже любовался ея простонародными нарядами; но какъ она могла думать, что онъ дозволитъ ей такія причуды публично? и во что́ цѣнила она его заботы о себѣ, если рѣшилась показать всенародно, что для нея эти заботы ничего не значатъ? Словомъ, онъ былъ разобиженъ, какъ только способенъ разобидѣться человѣкъ съ его затаенными, но нѣжными и глубокими чувствами.

Пока Парася перешла черезъ дворъ, пока она прошла сѣни и гостиную, въ немъ поднялась цѣлая буря выраженныхъ мною чувствъ и другихъ еще, которыхъ я не въ силахъ выразить. Можетъ быть, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ принялъ бы иначе выходку хуторской красавицы, которая, выбиваясь мало-помалу изъ тягостнаго для нея пантства, наконецъ торжественно явилась козачкою. Но вчерашнее явленіе при лунѣ и все, что́ съ нимъ вязалось, представили воображенію майо-

ра ужасную картину послѣдствій и поразили его душу такимъ горемъ, какого, можетъ быть, онъ и не испытывалъ съ той поры, какъ оплакалъ запустѣніе отеческаго жилища. Онъ, избитый и и осиротѣлый служака, создалъ теплый пріютъ для своего сердца въ улучшенномъ и потому счастливомъ быту своей племянницы, и вдругъ увидѣлъ, что ему не возможно здѣсь пріютиться. Онъ, облагороженный подвигами мужества, дѣйствительно рѣдкаго, видѣлъ въ ней что-то высоко облагороженное, что-то выше его майорства, которое онъ носилъ съ почтительною гордостью, и вдругъ оказывается, что его племянница, по сознанію своего достоинства, не выше бѣдной сиротки Марьянки, которая служитъ ему за кусокъ хлѣба. При такомъ состояніи души, появленіе племянницы въ простонародной одеждѣ не было уже въ его глазахъ вѣтреною выходкою: въ этомъ поступкѣ ему послышались какія-то насмѣшливыя и безумныя рѣчи....

Что сдѣлалъ бы, какъ поступилъ бы каждый изъ насъ на его мѣстѣ и въ его положеніи? Одни изъ насъ излили бы свои чувства потокомъ негодованія, другіе холодно отвергли бы недостойную дѣвушку съ ея грубымъ упрямствомъ; третьи поступили бы, можетъ быть, еще иначе, смотря по свойствамъ своего характера. Но не знаю, многіе ли поступили бы такъ, какъ майоръ. Войдемъ къ нему въ квартиру, вслѣдъ за Парасею.

Она, бѣдненькая, храбро перешла черезъ весь дворъ, можно сказать, подъ выстрѣлами устремленныхъ на нее глазъ майора; но когда надобно было вступить въ его квартиру, внезапный стыдъ и боязнь огорчить дядю сильно поколебали ея рѣшимость. Она остановилась въ сѣняхъ, положа руку на *клямку* (1) у двери, ведущей въ майорскую свѣтлицу, и не смѣла войдти. Вдругъ клямка повернулась; она вздрогнула и отступила назадъ. Но это была Марьянка. Увидя передъ собою панночку, какъ называла она Парасю, въ такомъ сіяющемъ нарядѣ, дѣвочка поняла всю его роскошь, которой никакъ не понимала въ нарядахъ иноземныхъ. Она всплеснула руками и смотрѣла на смущенную Парасю, какъ на божество. Ей показалось, что никогда еще ея панночка не была такъ прекрасна, и можетъ быть, это была правда.

»Самъ Господь васъ наставилъ наряднться такъ ради праздника!« сказала она. »Царица небесная, какія ленты! Милосердный Боже, какъ вамъ хорошо въ этой шелковой плахтѣ! *Ой Господи, якъ же то гарно да прегарно!*«

Вмѣсто отвѣта, Парася зажала ей рукою ротъ: ей было страшно, чтобъ дядя не услышалъ этихъ словъ, точно какъ-будтобы увидѣть ее значило для него меньше. Ей казалось, что сцена страш-

(1) Щеколду.

наго свиданія еще далека, и Марьянка ускоритъ ее!

Но дяди не было въ свѣтлицѣ. Дверь въ его спальню была затворена. Это ободрило Парасю. Она вступила въ комнату, и первымъ ея движеніемъ было подойдти къ зеркалу: ей какъ-будто хотѣлось измѣрить, до какой степени велико сдѣланное ею отступленіе отъ благороднаго, господскаго наряда. Оно было неизмѣримо! Она сама себѣ показалась другою въ этомъ зеркалѣ, въ которое бывало осматривала она свои модныя платья и шляпки. Марьянка, прокравшись въ комнату за нею, показывала изъ-за нея въ зеркало свое простодушное личико, осѣненное тоже свѣжими цвѣтами, и шепотомъ говорила:

»Ей Бо́гу, па́нночко, и роди́лась и крести́лась, тако́ї кра́лі не ба́чила!«

Параси съ досадою махнула ей рукой и, чтобы разсѣять свое смущеніе и приготовиться къ предстоящей ей сценѣ, взобралась на угловой столъ подъ образами и поправила цвѣты, которыми она убрала образа еще въ ту пору утра, когда навѣрное знала, что дядя спитъ. Она ежедневно входила въ свѣтлицу неслышными шагами, какъ духъ, и украшала свѣжими цвѣтами образа, точно храмъ, или жертвенникъ. Выйдя изъ спальни, дядя долженъ былъ видѣть вокругъ своихъ орденовъ вѣчную весну, точно само божество весны приняло памятники пролитой имъ кро-

ви въ угодную себѣ жертву. Свѣжая, дѣвственная рука Параси перебирала теперь одинъ за другимъ кресты своего дяди и давала каждому изъ нихъ самое выгодное положеніе среди цвѣтовъ, а между тѣмъ ея слуху чудился звукъ отворяющейся изъ спальни двери, передъ ней стоялъ образъ ея добраго постояльца, какъ онъ себя называлъ, съ укоризною во взорѣ и съ упреками на устахъ. Она помимутно оглядывалась, она желала, чтобъ онъ вошелъ въ свѣтлицу по крайней мѣрѣ въ эту минуту, когда она находится у образовъ; она безсознательно прибѣгала подъ ихъ покровительство, и чѣмъ дольше не являлся дядя, тѣмъ его появленіе казалось для нея ужаснѣе. Марьянка, понимая инстинктивно ея безпокойство, припала къ скважинкѣ, образовавшейся въ двери отъ сучка въ доскѣ, и долго смотрѣла въ спальню. Потомъ приложила къ двери ухо и наконецъ сказала безъ шепоту, выражая слова движеніемъ губъ:

»Ничего не видно и не слышно.«

Парася вышла изъ своего убѣжища и сама подошла къ двери. Въ спальнѣ дяди было совершенно тихо. У подъѣзда простучала поданная нетечанка. Кучеръ тирукалъ на нетерпѣливыхъ, хорошо выкормленныхъ лошадей. Вдали слышался благовѣстъ, точно одинокая струна, издававшая одну и ту же длинную ноту, немного громче и немного слабѣе, въ неравную не-

ремежку. Когда душа бываетъ взволнована опасностію, чувства наши тогда получаютъ всю свою тонкость, точно готовясь воспользоваться малѣйшимъ обстоятельствомъ для сохраненія внутренней своей гармоніи. Не только отдаленный благовѣстъ со всѣми его едва замѣтными переливами, но и каждое жужжанье насѣкомаго, каждый голосъ птичекъ, чирикавшихъ и насвистывавшихъ кругомъ домика, отчетливо, до послѣдней мелочи отдавались въ напряженномъ слухѣ и въ замиравшемъ сердцѣ Параси. Марьянка между тѣмъ ходила вокругъ нея босыми ногами тихо, какъ кошка, и, прикасаясь у нея сзади то къ лентамъ, разбросаннымъ по ея плечамъ, то къ пышнымъ концамъ шелковаго пояса, которые висѣли изъ-подъ коротенькихъ усовъ алаго корсета, качала безмолвно головою, беззвучно смѣялась въ дикомъ своемъ восторгѣ, отступала въ сторону и любовалась издали панночкой, наклоня свою головку въ косматомъ вѣнкѣ, и опять приближалась, и опять разсматривала каждую ниточку пышнаго наряда.

Постоявъ минуты двѣ подъ дверью, Парася рѣшилась постучаться, по заведенному обычаю. Въ спальнѣ послышалось: *можно!* Съ замирающимъ сердцемъ она вошла, но, взглянувъ на дядю, позабыла о своемъ нарядѣ. Онъ лежалъ, блѣдный, на кровати, въ такомъ положеніи, какъ кладутъ покойниковъ. Она бросилась къ нему въ испугѣ, упала на колѣни и схватила за руки, сложенныя

на груди. Руки были теплы, но дрожали, какъ у человѣка, пораженнаго лихорадкою.

»Что съ вами, милый дядя, *моё сóнечко?*« спрашивала она своимъ хуторскимъ, по-своему нѣжнымъ языкомъ.

»Пора уже мнѣ умирать, хозяюшка!« отвѣчалъ дядя.

»Господь съ вами! откуда у васъ такія мысли? Вамъ надобно еще долго жить, вамъ нельзя насъ оставить въ такое время.....«

»Какое же теперь время? Надѣюсь, не самое для меня радостное«; проговорилъ майоръ.

»*Вамъ трéба жити, мій соловéйко, моя зоря небéсная!*« говорила племянница.

»Не для чего мнѣ больше жить, хозяюшка. Пора въ чистую.«

»Я вамъ скажу, для чего вамъ надобно жить!« воскликнула Парася, одушевясь какимъ-то особеннымъ чувствомъ,. и припала ему къ уху, осѣнивъ его лицо благоуханными лиліями и розами. »Но нѣтъ, я не могу вамъ этого сказать! вы сами увидите и узнаете!«

И она скрыла свое лицо у него на груди, и только пышная корона ея изъ цвѣтовъ была видна ему. Грудь его приподнялась тяжелымъ вздохомъ, и онъ проговорилъ огорченнымъ голосомъ:

»Лучше мнѣ не видѣть и не знать!«

Эти слова проникли въ самое сердце племянницы. Она подняла голову и пристально взгли-

налу дядѣ въ лицо. Онъ отвѣчалъ на ея взглядъ, взглядомъ упрека. Изъ мужественныхъ, всегда спокойныхъ и задумчивыхъ его глазъ покатилась слеза и остановилась двумя крупными каплями на блѣдныхъ щекахъ его. Съ природною женскою проницательностію, Параша вдругъ поняла, въ чемъ дѣло. Яркій румянецъ покрылъ ея лице и тотъчасъ уступилъ мѣсто блѣдности, которая на загорѣлыхъ ея щекахъ казалась какимъ-то свѣтомъ, выходившимъ изъ душевной глубины. Быстро поднялась она на ноги и гордою поступью прошлась по комнатѣ. Потомъ остановилась противъ дяди и, какою-то таинственною силою приковавъ къ себѣ его взоръ, сказала:

»Такъ вотъ что́ вы подумали! такъ вотъ какъ вы знаете свою племянницу!«

Потомъ опять упала передъ нимъ на колѣни, схватила его руку и облила слезами.

»Дядюшка, мой соколикъ, мой сизокрылый голубчикъ!« говорила она. »Дайте мнѣ вѣры хоть на нѣсколько дней: вы увидите, что ваша хозяюшка достойна вашей доброты.... Вы все увидите, все разомъ узнаете. Она не унизитъ своего славнаго старосвѣтскаго роду. Вамъ не стыдно будетъ за ея имя передъ людьми!...« Но рыданія подавили ея голосъ.

Майоръ не понималъ, что́ она хочетъ сказать. Ея слова не вязались съ тѣмъ, что́ сидѣло у него въ воображеніи. Но въ ея голосѣ была непобѣ-

димая сила. Онъ вслушивался въ этотъ чистый голосъ, не смѣя сдѣлать ни одного вопроса, хотя вопросы носились въ его умѣ стаею каркающихъ воронóвъ. Ему было стыдно, ему жаль было поразить дѣвственный слухъ племянницы намекомъ на то, что́ самому ему причинило невыразимыя страданія. Онъ терялся въ разнорѣчащихъ своихъ чувствахъ, но сердце его было на сторонѣ его хозяюшки, и рука его безсознательно играла съ ея золотою сережкой, и уже готова была, по старой привычкѣ, теребить ее за ушко. Она почувствовала это и поцѣловала его руку.

»Успокойся, моя хозяюшка!« сказалъ онъ: »видишь, мнѣ что-то не весело (онъ никогда не говорилъ: *я боленъ*, хотя *не весело* у него былъ синонимъ для выраженія физическихъ страданій). Я не поѣду въ церковь.«

Благовѣстъ, по теченію воздуха, раздался громче обыкновеннаго. Майоръ перекрестился, во отпущеніе грѣха своего.

»Позвольте мнѣ одной поѣхать, милый дядя«, сказала Параша, совершенно позабывъ о своемъ нарядѣ. »Я помолюсь о вашемъ здоровьи, и упрошу милосерднаго Господа возвратить вамъ прежнія силы.«

»Поѣзжай«, сказалъ онъ, закрывая глаза, какъ-будто въ дремотѣ.

Параша вскочила и, уходя изъ комнаты, еще разъ взглянула на дядю; потомъ приказала пре-

данной Марьянкѣ неотлучно сидѣть въ свѣтлицѣ и торопливо вышла на крыльце, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ такое время, когда еще не будетъ поздно подать свящ́еннику на часточку. Мать ушла въ церковь, по обыкновенію, еще раньше и уже, вѣрно, стоя въ бабиницѣ, читала шепотомъ утреннія молитвы и просила Бога о здоровьи брата.

Нѣсколько дико показалось Парасѣ появиться вдругъ среди народа въ нарядѣ, отъ котораго давно уже она отказалась, по волѣ и благоволенію дяди. Можетъ быть, въ ней не достало бы ни рѣшимости, ни силы на этотъ подвигъ; но было замѣтно, что она управляется особеннымъ чувствомъ, тѣмъ чувствомъ, которое изъ каждой женщины дѣлаетъ, въ извѣстной степени, героиню....

ГЛАВА VII.

Стоя въ бабиницѣ, сестра майора была далека мыслями отъ всего, подобнаго тому, что́ произошло у нея дома. Она даже не знала о намѣреніи дочери явиться въ церковь, преобразившись изъ господскаго въ простонародный нарядъ. Она замѣтила только, что дочь медлитъ надѣвать приготовленное для нея платье и всё роется въ своихъ лентахъ и разныхъ мелочахъ, но не обратила на это особеннаго вниманія. Церковь уже наполнилась народомъ, но обѣдня еще не начиналась, никого изъ высшаго сословія еще не было: такъ какъ высшее сословіе обыкновенно пріѣзжало послѣ начала обѣдни, и чѣмъ были выше принадлежавшія къ нему личности, тѣмъ позже являлись онѣ къ общественному богослуженію, — точно такъ, какъ и въ другія общественныя собранія, съ тою, впрочемъ, разницею, что, опоздавъ туда слишкомъ, не ѣхали уже совсѣмъ,

изъ уваженія къ хозяину и его гостямъ, а сюда не церемонились явиться даже и *на шапочный разборъ*, какъ говорится въ деревняхъ. До этого, конечно, никому не было бы дѣла въ приходской церкви сосѣднихъ съ Майоровщиною хуторовъ, еслибы священникъ даже и для двухъ, или трехъ прихожанъ, собравшихся во имя главы церкви, начиналъ торжественное священнодѣйствіе. Но онъ поджидалъ къ обѣднѣ такъ называемыхъ имъ *почетнѣйшихъ* прихожанъ, которые покамѣсть оканчивали у себя дома затѣйливый туалетъ, или ранній завтракъ. Церковь полна была легкаго говора, смѣшаннаго съ шепотомъ молитвъ. Все это отъ времени до времени прерывалось извѣстнымъ откашливаніемъ церковнаго причта и громкими однословными воззваніями священника, посреди тихой его молитвы въ алтарѣ. Старыя женщины въ бѣлыхъ *намiткахъ* (¹), стоя большею частію въ томъ бабинцѣ, гдѣ на стѣнѣ намалевано огромное *пéкло* (²), однѣ усердно молились, какъ и сестра майора, другія потихоньку шушукали между собою о житейскихъ дѣлахъ своихъ и сообщали одна другой разныя наблюденія надъ прихожанами. Общій тонъ этого полуговора напоминаетъ лепетъ осеннихъ листьевъ на деревьяхъ и шелестъ ихъ подъ ногами.

(¹) Кисея, которою повязываются головы, съ бантомъ и длинными концами позади.

(²) Адъ.

Вдругъ наступила тишина и заставила майорскую сестру отвести глаза отъ образовъ, къ которымъ она обращалась такъ, какъ-бы это были живыя существа, вознесенныя выше человѣческой немощи. Въ церкви межъ народовъ мелькнуло что-то ярко-радужное. Вошла какая-то дѣвушка въ цвѣтахъ и лентахъ, превышая многихъ женщинъ головою. Каждая видѣла ее только тогда, какъ она уже проходила мимо, и никто не взглянулъ ей въ лице, стыдливо наклоненное къ землѣ, *якъ пóвна квiтка*, сказали бы по-своему наши женщины. Майорская сестра увидѣла ее только сзади, и что-то кольнуло ее въ сердце. Другія женщины съ недоумѣніемъ переглядывались между собою, и это произвело временную тишину въ ихъ смѣшанномъ шепотѣ. Но потомъ заговорили всѣ громче обыкновеннаго, и жужжанье ихъ было — говоръ похвалъ и удивленія. Еслибы мимо ихъ прошумѣла какая-нибудь барыня въ шелковомъ платьѣ на дюжинѣ юбокъ, онѣ бы ограничились нѣсколькими замѣчаніями, какъ на-примѣръ: *Оттó, якъ рознапiрилась!* Или: *нáче копицы проiхала!* и потомъ занялись бы опять молитвою о спасеніи своихъ смиренныхъ душъ. Но дѣвушка въ простонародномъ нарядѣ, возвышенномъ до невиданной въ немъ давно уже роскоши, произвела на хуторское собраніе *бабýсь* и *молодúць* то же самое впечатлѣніе, чтó и на сиротку Марьянку. »*Гóсподи!*« слышалось со всѣхъ сто-

ронъ: »*чия жъ се така́ кра́ля?*« А другія говорили: »*Се жъ на́че со́нце изійшло́!... Да чи ба́чила ти? самѝ шовкѝ, самѝ шовкѝ!... А висо́ка да рівне́нька, якъ топо́ля!... Глянь, на всю це́ркву сия́е! А краса́ жъ, Ма́ти Бо́жа, яка́ краса́!*« и тому подобное.

Майорская сестра стояла, какъ въ огнѣ: она узнала свою Парасю по одному стыдливому наклоненію головы, по одной походкѣ, по одному боковому очерку ея щеки, не говоря уже о нарядахъ, болѣе или менѣе ей знакомыхъ. Но она не хотѣла вѣрить, чтобъ это была дѣйствительно ея Парася, тѣмъ болѣе, что съ нею нѣтъ майора, не пропускавшаго ни одной обѣдни. Не хотѣла вѣрить, и однакожъ видѣла ясно, что это она! Въ то же самое время ее пугала мысль: не заболѣлъ ли братъ? Но, въ такомъ случаѣ, какъ могла оставить его одного Парася? Вслѣдъ за тѣмъ пришло ей въ голову: не обидѣлся ли онъ своенравіемъ племянницы? Но опять она недоумѣвала: какъ бы могла Парася зайдти такъ далеко въ неуваженіи къ его чувствамъ? Бѣдная женщина теряла голову и только въ половину слышала жужжаніе похвалъ, которыми сосѣдки осыпали появившуюся красавицу.

Между тѣмъ Парася, помолясь посреди церкви, тихими шагами подошла къ сѣвернымъ дверямъ алтаря и, приложась къ образу, дожидалась, пока священникъ ее замѣтитъ. Вручивъ ему на-

поминанье о *часточкѣ*, она еще помолилась и повернулась къ народу, чтобы возвратиться на свое мѣсто. Всѣ глаза устремились на нее, и каждому хотѣлось посмотрѣть ей въ лице. Въ это время солнце выступило изъ-за облака и ударило наискось, озаривъ легкія струи кадильнаго дыма и вмѣстѣ съ ними увѣнчанную цвѣтами голову Параси. Полная своей молитвенной мысли о дядѣ, она не наклоняла больше лица и шла въ сіяющихъ лучахъ посреди ѳиміама, точно какое-то неземное видѣніе, точно олицетворенная молитва, восходящая, яко кадило, передъ Богомъ. Нечего и говорить, что такое зрѣлище не могло не сдѣлать впечатлѣнія на сельское общество, но какъ общество выразило свои чувства, не извѣстно, потому что мѣра терпѣнія священника истощилась, и онъ, видя, что высшее сословіе въ этотъ день не намѣрено явиться въ церкви, возгласилъ торжественно: *Благословенно царство....* Эти слова воскрылили и подняли на высоту всѣ души; каждое вѣрующее сердце занѣло вмѣстѣ съ клиромъ: изъ глубины извѣстныхъ одному Богу чувствъ, каждый воззвалъ о себѣ въ общемъ потокѣ молитвословія, и уже не смотрѣли прихожане на дивную красоту земную, явившуюся передъ ними въ случайномъ сіяніи, точно видимое напоминанье о невидимой красотѣ небесной. Только дѣти, не надзираемые старшими, повернулись къ Парасѣ, какъ подсолнечники къ солнцу, и не сводили съ нея

глазъ во всю обѣдню. Только хуторскія дівча́та, улуча благовидную минуту, осматривали восхищенными и жадными взорами каждую малѣйшую часть ея наряда. Только черноусые паробки, возвращаясь отъ высокихъ подсвѣчниковъ, къ которымъ прилѣпляли свои конеечныя свѣчки, и продолжая идучи креститься, поглядывали изъ-подъ руки на диво изо всѣхъ дивъ, какія ни являются на свѣтѣ грѣшнымъ глазамъ мущины.

Степенные козаки, стоявшіе поближе къ алтарю и клиросу, вслушивались въ каждое слово священника и слѣдили за каждымъ изгибомъ голоса пѣвцевъ, которые замѣняли искусство благочестивою ревностью и во весь голосъ выводили неслыханныя въ ученой музыкѣ ноты; а жены ихъ, стоя въ бабинцѣ, не очень безпокоились, если къ нимъ долетали не всѣ слова богослуженія, за плачемъ принесенныхъ въ церковь дѣтей, за кашлемъ старухъ и тихимъ гуломъ поклоновъ (въ которыхъ отличались особенно хло́пчики, въ большихъ отцевскихъ сапогахъ, и дѣвочки, въ длинныхъ материнскихъ кофтахъ): за нихъ отвѣчаютъ передъ Богомъ, какъ и передъ громадою, отцы семействъ, которые въ своихъ премудрыхъ головахъ содержатъ смыслъ всего, что́ ни дѣлается на свѣтѣ, и въ нужномъ случаѣ знаютъ, что́ сказать и ка́къ поступить по Божію и человѣческому закону.

Такимъ образомъ все шло прекрасно. Никто изъ сильныхъ міра сего не пріѣхалъ къ обѣднѣ. Ши-

рокоподолыи барыни, ставши впереди паробковъ и дівча́тъ и съ правой, и съ лѣвой стороны церкви, не закрывали отъ нихъ царскихъ вратъ, въ которыя видно было, какъ священникъ, въ просвѣтленныхъ солнцемъ облакахъ ѳиміама, воздѣвалъ къ небу руки, согласно съ пѣніемъ клира и собственными въ полголоса творимыми молитвами. Паны, съ нахмуренною бровью, не осматривали прихожанъ тѣмъ взглядомъ, какой пастухи и такъ называемые сгонщики бросаютъ на ярмарку. Тонкіе, гибкіе, какъ хлыстикъ, панічи, покручивая усики и переступая съ одной худенькой, обтянутой ножки на другую, не оборачивались назадъ и не заставляли сельскихъ красавицъ потуплять глаза. И было въ церкви какъ-то особенно хорошо и торжественно въ это воскресенье.

По ту сторону клироса помѣстился какой-то новый пѣвецъ, обладавшій хорошимъ баритономъ, и, подпѣвая подъ простую манеру дьячка, двухъ его *школяровъ* и одного взрослаго козака въ синемъ дѣдовскомъ жупанѣ, выручалъ ихъ въ трудныхъ мѣстахъ и увлекалъ за собою. Всѣ козаки замѣтили, что кто-то *до́бре помога́е дяка́мъ*, и тѣ изъ нихъ, у кого шея была подлиннѣе, не почли за грѣхъ бросить любопытный взглядъ черезъ клиросъ; но высокій, плечистый козакъ-дилетантъ, въ дѣдовскомъ синемъ жупанѣ, рѣшительно заслонялъ пѣвца, обратившаго на себя общее вниманіе, и нѣкоторымъ образомъ похищалъ

его славу, обладая также хорошимъ, но необработаннымъ баритономъ. Только когда наступило время читать среди церкви апостольское наставленіе, сельская публика удовлетворила свое любопытство, и не мало была удивлена, когда на мѣсто дважды упомянутаго выше козака, вышелъ, съ апостоломъ въ рукахъ, нѣкто Сагайдачный, котораго Шволгинъ называлъ гордецемъ и философомъ и который былъ извѣстенъ козакамъ, какъ добрый паничъ, не чуждавшійся *добрыхъ людей*, то-есть ихъ простонародной братіи.

Въ первый разъ еще посѣтилъ онъ ихъ церковь, ибо его хуторъ принадлежалъ не къ этому приходу, и рекомендовалъ себя обществу съ самой лучшей стороны. Онъ былъ одѣтъ мѣшковато, но чисто и даже очень щегольски; только никто въ его платьѣ не замѣчалъ искуснаго покроя и шитья, а по сѣрому цвѣту широкаго пальто и всего остальнаго платья козаки судили, что паничъ Сагайдачный не вдается въ *ту́ю дурна́цію, щобъ поцяцькова́тись, на́че яка́ казю́ка* (1). При всемъ томъ, высокій стройный ростъ, здоровый цвѣтъ лица, черные курчавые волосы, черные усы и брови пріобрѣли ему въ ихъ общемъ отзывѣ имя *молодца на диво*. Не мало, впрочемъ, возвышало его во мнѣніи хуторской публики и то обстоятельство, что онъ служилъ въ Петер-

(1) То есть въ ту глупость, чтобъ испестрить себя цацками, точно какое большое насѣкомое.

бургѣ и, какъ это было всѣмъ извѣстно, вышелъ въ отставку съ майорскимъ чиномъ, тѣмъ болѣе, что этотъ чинъ соединялся въ немъ съ богатствомъ. Въ сущности онъ былъ мелкопомѣстный земледѣлецъ, но, по преданію, родъ его обладалъ изъ вѣка въ вѣкъ какимъ-то огромнымъ скарбомъ, зарытымъ посреди свѣтлицы и закляты́мъ такимъ образомъ, что былъ доступенъ только для старшаго въ родѣ. Покойная мать Сагайдачнаго, будучи зажиточною вдовою въ обыкновенномъ смыслѣ, слыла у козаковъ, на основаніи слуха о скарбѣ, страшною богачкою и подтвердила справедливость этого мнѣнія тѣмъ, что въ голодный годъ издержала большія, въ глазахъ сосѣдей, суммы на покупку хлѣба для раздачи голодны́мъ. Слова: *тя́жко грошови́тая па́ні*, которыми козаки обозначали, въ своихъ бесѣдахъ, старушку, замѣнялись теперь словами: *тя́жко грошови́тий паня́чъ*, когда говорили они объ ея наслѣдникѣ. И сей-то наслѣдникъ, стяжавшій уже славную извѣстность во всемъ околоткѣ разнообразными своими преимуществами, оказался, въ добавокъ, дивны́мъ нѣмцемъ и вышелъ на средину церкви читать апостола, чего не дѣлалъ ни одинъ панъ и на что́ не хватало присутствія духа ни у одного козака, кромѣ онаго велегласнаго носителя синяго дѣдовскаго жупана. Нечего и говорить, что въ церкви водворилось мертвое молчаніе, которое поуменьшило бы смѣлости и не у

козака, рѣшившагося всенародно возвысить голосъ вмѣстѣ съ апостоломъ, посреди церкви. Но Сагайдачный, видно, сдѣлалъ привычку къ такому чтенію и съ совершеннымъ спокойствіемъ, благоговѣйнымъ и торжественнымъ голосомъ, прочелъ: *Кая польза, братіе мои, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать? еда можетъ вѣра спасти его? Аще же братъ или сестра наги будутъ и лишени будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, кая польза? Такожде и вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ*, и проч. Съ умиленіемъ слушали козаки его звонкій голосъ, и, вмѣстѣ съ клиромъ, каждая душа воспѣла, по окончаніи чтенія, *аллилуія!*

Парася была очень довольна, что въ церкви не было свидѣтелей ея превращенія, которые привыкли видѣть ее объ руку съ майоромъ, и теперь забросали бы своими насмѣшливыми взглядами еще больше, чѣмъ въ прошлое время, когда майоръ, посредствомъ вышеной швеи, поставилъ ее *на благородную ногу*. По окончаніи обѣдни, она весело раскланялась съ своими хуторскими сверстницами и, взявъ подъ руку мать, поспѣшила сѣсть съ нею въ бричку.

Когда лошади увезли ихъ изъ толпы восхищеннаго и дивующагося народа, мать, осыпала ее вопросами и укорами.

На вопросы она отвѣчала чистосердечно, что огорчила дядю, который, почувствовалъ себя отъ этого нездоровымъ и тѣмъ самымъ заставилъ ее ѣхать молиться о немъ; а упреки заглушила поцѣлуями и какими-то полупризнаніями, которыя мать не смѣла понять въ прямомъ смыслѣ: такъ много въ нихъ было для нея несбыточнаго, и не смѣла разспрашивать ее обстоятельнѣе, боясь сдѣлать убійственныя для себя открытія. Она, нѣжно любимая сестра майора, всё-таки чувствовала себя вдовою и была пуглива на-счетъ необыкновенной будущности, открывшейся передъ ея дочерью. А дѣло было, сколько она поняла, въ томъ, что во время вечернихъ прогулокъ дочери за ворота, съ нею познакомился Сагайдачный, явившійся въ дѣвичій кругъ въ простонародной одеждѣ. Знакомство это дошло до послѣдняго объясненія его намѣреній, которыя были такъ честны, какъ у любаго козацкаго паробка, и въ которыя, однакожъ, не рѣшилась вѣровать недовѣрчивая ко всему панскому старая козачка. Но Парася положительно говорила, что, по условію съ нею, онъ сегодня же изъ церкви заѣдетъ въ Майоровщину, чтобы познакомиться съ ея дядею. Все это вмѣстѣ такъ было неожиданно и странно, что бѣдная женщина была сама не своя; а тутъ еще, на бѣду, у ней сегодня не удались *кáржики* (1) къ

(1) *Кáржъ, коржикъ* — печеная лепешка.

чаю, и эта мелочь въ ея смущенномъ хозяйственномъ умѣ заняла мѣсто на ряду съ важнѣйшими опасеніями на-счетъ дочери.

Парася безпокоилась только объ одномъ: что дядя, по болѣзни, можетъ не принять ея возлюбленнаго и она лишится удовольствія видѣть его при дневномъ свѣтѣ, чего ей до сихъ поръ не удавалось, потому что въ церкви, когда онъ вышелъ читать апостола, она не смѣла взглянуть на него: ей казалось, что за ея взглядами слѣдитъ всѣ прихожане. А слѣдить за нею могли только ея сверстницы, которыя такъ были ей преданы, что возвысились для нея даже надъ женскою натурой и не разболтали до сихъ поръ о ея встрѣчахъ съ Сагайдачнымъ, при лунномъ свѣтѣ и въ таинственномъ полумракѣ при сверканіи звѣздъ. Какъ бы то ни было, но Сагайдачный явится вслѣдъ за ними въ Майоровщину. Оглянувшись назадъ, Парася видѣла даже вдали его лошадей, съ косымъ облакомъ поднимаемой ими пыли. Онъ отставалъ отъ ихъ встечанки съ умысломъ, чтобы дать имъ время предувѣдомить майора объ его посѣщеніи.

ГЛАВА VIII.

Когда начали подъѣзжать къ хутору, безпокойство матери и дочери на-счетъ болѣзни майора увеличилось; но еще издали онѣ замѣтили его стоящимъ на крыльцѣ. Оставшись одинъ, онъ очень соскучился; отсутствіе ихъ показалось ему слишкомъ долгимъ, и онъ дожидался ихъ съ нетерпѣніемъ. Самоваръ у него кипѣлъ уже на балконѣ, который съ утра былъ весь въ тѣни; но онъ не начиналъ пить чаю, не любя измѣнять своихъ привычекъ. Мать и дочь поблагодарили Бога, что молитвы ихъ услышаны. Майоръ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и лице его выражало затаенныя страданія. Слова племянницы успокоили его слишкомъ мало. Они повели его только къ новымъ предположеніямъ, и спасала его отъ крайней горести одна рѣшимость передать ночную сцену на обсужденіе сестрѣ. Отсутствіе ихъ обѣихъ

въ такое смутное для него время показалось ему вѣкомъ.

»Видала ли ты, хозяюшка«, сказалъ онъ, »вѣтреницъ дѣвченку, какъ твоя милая дочка! А я, такъ и между Польками не встрѣчалъ такихъ вѣтрениць (¹). То-то, я думаю, набралась срама отъ народа! изъ барышень сама себя разжаловала въ козачки!«

Но мать и дочь, вмѣсто отвѣта, сообщили майору, что ихъ кучеръ передалъ имъ о намѣреніи Сагайдачнаго заѣхать въ Майоровщину изъ церкви. Самъ онъ узналъ это отъ кучера Сагайдачнаго. Такъ дѣйствительно и было: онѣ не имѣли надобности прибѣгать къ уловкѣ, чтобы скрыть болѣе важныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ ожидаемаго гостя.

»Я радъ съ нимъ познакомиться«, сказалъ майоръ.« Онъ добрый человѣкъ. Но надобно же было ему выбрать такое время!«

Сестра не обратила вниманія на послѣднія слова и подхватила на половинѣ рѣчи:

»Такая была и его мать покойница! Вотъ уже именно жила для одного добра! Въ голодный годъ много спасла она людей отъ смерти. У ней, говоритъ, зарытъ великій скарбъ,—пускай и такъ; но у насъ много богачей-пановъ, а ни одинъ того не дѣлалъ, что́ она. Но, Боже мой, братику! какіе у меня сегодня коржики къ чаю! Это вѣщуетъ что-то нехорошее. Никогда у меня не выходило еще такое печево. Когдабъ вы знали, какъ мнѣ страшно этого гостя!«

»Хлопотунья ты, хозяюшка!« сказалъ майоръ: »ты думаешь, онъ такъ и насядетъ на твои коржики. Онъ, вѣрно, давно напился кофе и чаю, и сдѣлаетъ намъ коротенькій столичный визитъ.«

»Кофе и чаю!« подхватила сестра. »Нѣтъ, братику, онъ не изъ тѣхъ, которые наѣдаются до благовѣсту. Я слышала, что́ это за паничъ! Дай Богъ такихъ побольше паничей на свѣтѣ! Какъ онъ читалъ сегодня апостола среди церкви! ну, духъ такъ и замираетъ! Каждое слово слышно, а голосъ, такъ въ самую душу... да и разсказать невозможно! Всѣ удивились, что такое панское дитя и такъ хорошо читаетъ апостола, точно нашъ покойный поповичъ-богословъ.«

(¹) Майоръ повторяетъ офицерское мнѣніе о *вѣтренности* Полекъ. Офицеры наши рѣдко допускались въ морально высшее Польское общество и; довольствуясь знакомствами съ дочерьми служилой шляхты, которыя были не прочь выдти замужъ za tęgiego Moskala, вывезли на родину мнѣніе, что Польки вообще вѣтренны. На основаніи этого мнѣнія, Гоголь, въ молодости своей, написалъ въ *Тарасъ Бульбѣ* сцену, въ которой дочь воеводы, *вѣтреная Полька*, пустилась ребячиться съ бурсакомъ, пробравшимся къ ней въ спальню черезъ трубу. Въ наше время особенно странно слышать о Польках, что онѣ вѣтреницы, когда мы видимъ, какъ Польки, единодушными усиліями, въ самое тяжкое для нихъ время спасли самостоятельность Польской литературы и народности. У такихъ вѣтрениць могли бы поучиться и наши не вѣтреныя, положительныя женщины....

»Такъ успокойся же, хозяюшка, на-счетъ своихъ коржиковъ.«

»Да́, вамъ легко это говорить, суди по себѣ. Вамъ не порокъ ни булки, ни пирожки, а матери, у которой дочь невѣста....«

»Ахъ, ты проказница!« прервалъ ее майоръ со вздохомъ: »ты и въ Сагайдачномъ видишь чету Парасѣ!«

»А почему же, братику?«

»Какъ почему? шутиха ты, сестра!«

»Да не вижу жъ я, братику, почему бы мнѣ на панича Сагайдачнаго не смотрѣть, какъ и на всякаго другого«, сказала съ нѣкоторымъ огорченіемъ мать Параси. Еще недавно ей самой эта надежда казалась несбыточною; но когда усомнился въ ней братъ, материнская гордость вдругъ подняла цѣну невѣстѣ до уровня съ самымъ блистательнымъ женихомъ, а блистательнѣе Сагайдачна она и придумать не могла.

»Простаки мы съ тобой, хозяюшка, что и этого не понимаемъ!« отвѣчалъ майоръ. »Ты, можетъ быть, за хозяйствомъ не дослышала всего, а я наслушался про него довольно разсказовъ.«

»Чего же вы наслушались, братику? Худого про него никто не скажетъ!«

»Да не о худомъ тутъ рѣчь!«

»Да о чемъ же?«

»А о томъ, что Сагайдачный человѣкъ высшаго полету.«

»Господи! куда жъ это онъ летаетъ высшимъ полетомъ!«

»Куда летаетъ? не къ такимъ, какъ нашъ братъ, полу́панокъ... Я даже не понимаю, какъ это ему вздумалось познакомиться со мною. Вѣрно, по примѣру князя. Слушай, хозяюшка, и намотай себѣ на усъ. Козаки наши слышали отъ такого человѣка, который самъ служитъ на почтѣ въ городѣ, что Сагайдачный каждую недѣлю отправляетъ въ столицу не одно, такъ два письма.«

»Господи!« воскликнула опять сестра, »будто мы уже ничего и не слыхали важнѣе столицы! Велика важность, что онъ служилъ въ столицѣ! Иной прошелъ весь свѣтъ отъ конца до конца и всякихъ страховъ насмотрѣлся: и противъ пушекъ стоялъ не встрепенувшись, и въ огнѣ пылалъ, и въ крови тонулъ, да и такихъ мы видѣли и видимъ!«.

»Эхъ ты, головушка!« сказалъ майоръ. »Ужъ для тебя выше твоего постояльца и человѣка нѣтъ на свѣтѣ! Ты слушай, что́ говоритъ о немъ! Посылаетъ онъ каждую недѣлю письма въ столицу; это еще не штука, а штука въ томъ, что эти письма рѣдко бываютъ надписаны *его высокоблагородію*, а всѣ: *его превосходительству, его сіятельству*. Теперь смекаешь? Смекай также и то, что вотъ онъ живетъ въ уѣздѣ мѣсяца два, и ни съ кѣмъ не свелъ знакомства: все это для него — понимаешь? — олухи. Развѣ у князя вотъ будетъ: вѣрно, они знакомы въ столицѣ.«

»Ни у кого не бываетъ«, сказала сестра, »а у насъ вотъ и будетъ.«

»*У насъ* будетъ!« повторилъ майоръ. »Причудница ты, право! Да поймешь ли ты, какого сорту человѣкъ Сагайдачный? Вѣдь онъ съ каждой почтой получаетъ газеты, да еще иностранныя.... Слышишь? Почтмейстеръ и заголовка на конвертахъ не умѣетъ прочесть, а Сагайдачный ото всѣхъ государствъ читаетъ вѣсти.«

»Такъ что́ же! разумный, значитъ, человѣкъ!«

»То-то и есть, что разумный!«

»Такой-то«, прибавила сестра, »и можетъ знать цѣну моей Парасѣ.«

Эти слова заставили майора горько усмѣхнуться. Онъ взглянулъ на племянницу, которая приготовляла на балконѣ чай, и сказалъ съ огорченіемъ:

»Ужъ не потому ли онъ ее оцѣнитъ, что она сбросила благородный нарядъ и явилась въ церковь простою козачкою?«

Сестру поразило это замѣчаніе больше всѣхъ прежнихъ возраженій. Она позабыла о разсказѣ дочери и вскричала:

»Парасю, сердечко! бѣги переодѣньси!«

»*Отсе жъ!*« отвѣчала дочь. »Мало ли кто пріѣдетъ къ дядѣ, такъ для всякаго особый нарядъ надѣвать?«

Въ это время раздался стукъ подъѣзжавшаго къ крыльцу экипажа и громкій лай собакъ.

Парася сильно покраснѣла и едва видѣла передъ собой чайный приборъ. Ей стало стыдно дяди. Но майоръ поспѣшилъ встрѣтить гостя на крыльцѣ. А его сестра прошла въ другую дверь приготовить закуску.

Сагайдачный пріѣхалъ на парѣ лошадей, въ открытой, такъ называемой Краковской бричкѣ. Это былъ наслѣдственный его экипажъ. Старинные паны средней руки не знали ни каретъ, ни колясокъ и покупали Краковскія прочныя брички, вовсе не предвидя, что ихъ потомство бросится на дорогіе, сдѣланные на фуфу экипажи, блестящей съ-виду Московской работы, и начнетъ разъѣзжать четвернями и шестериками.

Размѣниваясь съ гостемъ первыми привѣтствіями, майоръ сказалъ, что считаетъ знакомство его за особенную честь, и повелъ гостя за чайный столикъ, на балконъ. Сагайдачный оставилъ въ сѣняхъ верхній сѣрый пальто и явился въ черномъ сюртукѣ настоящимъ джентльменомъ. Майоръ не безъ принужденности рекомендовалъ ему свою племянницу въ простонародномъ нарядѣ и былъ нѣсколько удивленъ, что Сагайдачный отдалъ ей самый почтительный поклонъ, точно какъ-бы это была генеральша, или иная знатная дама. По своимъ понятіямъ о людяхъ такъ называемаго высшаго полета, майоръ ожидалъ, что столичный человѣкъ, привыкшій къ знатному кругу, посмотритъ на его племянницу тѣмъ благосклонно-важ-

нымъ взглядомъ, какой бросаютъ обыкновенно военные знатные господа на сельскихъ красотокъ; но ничего подобнаго въ Сагайдачномъ не было замѣтно. Онъ тотъ-часъ обратился къ Парасѣ, какъ къ молодой хозяйкѣ, и сказалъ, что имѣлъ удовольствіе видѣть ее при выходѣ изъ церкви. Майора удивило, что Парася отвѣчала на поклонъ гости съ достоинствомъ какой-то невиданной еще имъ простоты, и хотя на щекахъ ея прибавилось румяница, но въ лицѣ не было никакого смущенія, а напротивъ, это лице сіяло радостью и, какъ ему показалось, какою-то самоувѣренностію. Она отвѣчала гостю почти съ фамиліярнымъ смѣхомъ, что и она не могла не замѣтить въ церкви такого прекраснаго пѣвца и чтеца, и что всѣ прихожане были отъ него въ восхищеніи. Выраженіе глазъ обоихъ молодыхъ людей всего болѣе поразило майора, не потерявшаго привычки наблюдать человѣка со всѣхъ сторонъ и, какъ выражались его подчиненные козаки, »пронимать глазами насквозь«. Можно представить, какъ онъ былъ озадаченъ взглядами, которые молодые люди бросали другъ на друга, увидясь впервые при дневномъ свѣтѣ. Оба они показались другъ другу еще прекраснѣе. Еслибы въ умѣ майора между Сагайдачнымъ и ночнымъ призракомъ въ соломенномъ брилѣ не лежала цѣлая бездна, но милости нажитыхъ имъ понятій о равенствѣ и неравенствѣ людей, онъ тотъ-часъ вышелъ бы изъ своего не-

доумѣнія; но такъ какъ онъ смотрѣлъ на вещи съ майорской точки зрѣнія, то и не было для него выхода изъ наблюденій, озадачившихъ его. Онъ уже готовъ былъ повернуть свои мысли искусственнымъ способомъ и видѣть въ Сагайдачномъ одного изъ тѣхъ господъ, которые всю жизнь любезничаютъ съ хорошенькими, не разбирая, кто эти хорошенькія, и мало заботясь о послѣдствіяхъ. Но въ голосѣ и манерѣ Сагайдачнаго не было и тѣни любезничанья. Напротивъ, онъ былъ исполненъ такой естественной простоты и достоинства, что казался майору даже ниже своего положенія, казался чѣмъ-то какъ-бы простонароднымъ и вовсе не столичнымъ. Ибо иная самоувѣренность выражается въ манерѣ быть съ людьми у человѣка высшаго полета, какъ выражался майоръ, и иная у людей простыхъ, но сознающихъ свое достоинство. Майоръ самъ принадлежалъ къ послѣднему разряду, при всей своей чиновной знатности. Не имѣвъ случая пріобрѣсть манеры людей развитыхъ морально до высшей степени, онъ, по чистотѣ природнаго вкуса, не могъ усвоить себѣ такъ называемаго офицерства; онъ остался при томъ, что отъ юности понималъ, какъ достоинство въ обращеніи съ людьми, и облагородилъ свое обращеніе какъ-то безсознательно. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ съ этой стороны въ людяхъ, встрѣчавшихся ему нѣсколько разъ на вѣку, что-то особенное, что-то для него неуловимое

и вмѣстѣ очень привлекательное. Но тѣ люди обращались въ кругу равныхъ себѣ, или такихъ, которыхъ надобно было считать равными. Здѣсь, напротивъ, передъ нимъ были — столичный господинъ, ведущій переписку съ важными лицами, получающій иностранныя газеты, и простая козачка, которая какъ нарочно еще сегодня отвергла и господскій нарядъ. Но обращеніе ихъ было таково, какъ-будто это были братъ и сестра, воспитанные врозь, но никакъ не хуже другъ друга. Не подозрѣвая ихъ интимныхъ отношеній, онъ приписывалъ непринужденность и простодушную радость Параси ея хуторскому непониманію, съ кѣмъ она говоритъ и какая бездна раздѣляетъ ее отъ ея собесѣдника. Но Сагайдачный озадачивалъ его своимъ тономъ разговора, своею манерой и какимъ-то слишкомъ юношескимъ удовольствіемъ, слышавшимся въ его голосѣ и выражавшимся въ лицѣ. Онъ, просто, казался майору ниже своего званія.

Пока майоръ, слѣдя за молодыми людьми, предавался своимъ размышленіямъ, Парася успѣла предложить гостю стаканъ чаю и сказала ему съ совершенною свободою какой-нибудь генеральній, или полковницы, чтобъ онъ не думалъ, что у нихъ всегда выходилъ такой неудачный хлѣбъ, что это только особенное несчастіе, постигшее ея мать, и что если онъ посѣтитъ ихъ въ другой разъ, такъ она угоститъ его отличными булками и коржиками.

Сагайдачный спросилъ, когда у нихъ будутъ спечены лучшіе коржики?

»Да завтра же!« воскликнула Парася съ такою живостію, съ какою не говорила ни одна изъ извѣстныхъ майору генеральшъ и полковницъ. Она предчувствовала, что́ скажетъ на это гость.

»Такъ я завтра опять пріѣду«, сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ: »если это васъ не отяготитъ, майоръ.«

Майоръ отвѣчалъ, разумѣется, что для него будетъ очень пріятно; но на этотъ разъ не могъ ужъ не подумать: »Ого-го! да тутъ что-то есть!« и вдругъ какъ облако слетѣло съ его головы: онъ вспомнилъ утреннія слова Параси, онъ еще больше углубилъ свой взглядъ въ обоихъ молодыхъ людей и сдѣлалъ открытіе, не подлежавшее никакому сомнѣнію. Но это открытіе смутило его до такой степени, какъ-будто отрядъ козаковъ вдругъ поредъ его носомъ оказался переодѣтыми Черкесами. Первымъ его чувствомъ было страшное негодованіе. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и прошелся по балкону, какъ-будто сбираясь съ силами отразить столь непредвидѣнное нападеніе. Въ поступкѣ Сагайдачнаго, который въ одно мгновеніе сдѣлался для него тождественнымъ съ ночнымъ привидѣніемъ въ соломенномъ брилѣ, онъ видѣлъ самую возмутительную подлость, самое вопіющее, разбойничье посягательство на счастье его племянницы, его сестры и его самого, и это

убѣжденіе до такой степени взволновало его душу, что онъ не могъ владѣть собою и быстро удалился въ свою спальню. Замѣтивъ это, Параси вообразила, что къ нему возвратился утренній недугъ, и побѣжала за нимъ. Она нагнала его, когда онъ затворялъ уже за собой дверь спальни. Майоръ былъ очень блѣденъ, но сказалъ твердымъ и очень ласковымъ голосомъ:

»Ничего, ничего, хозяюшка моя. Это сей-часъ пройдетъ. Оставь меня на нѣсколько минутъ. Я позову.«

И съ этими словами заперъ дверь. Оставшись наединѣ, онъ упалъ на колѣни передъ образомъ, который принадлежалъ его родителямъ, и передъ которымъ мать учила его своимъ простымъ молитвамъ. На этотъ разъ молитва его была безмолвна и выражалась одними слезами. Эти слезы, однакожъ, не были свидѣтельствомъ душевнаго безсилія: онъ просилъ Бога отпустить мнѣ грѣхъ мести, или кары надъ беззаконникомъ. Старая козацкая кровь заиграла въ немъ неукротимымъ потокомъ и самой его религіовности дала характеръ кровавый. Его Богъ былъ для него теперь *Богомъ брани*, Богомъ ветхозавѣтнымъ.

ГЛАВА IX.

Какъ ни была опечалена Параси внезапнымъ возвращеніемъ недуга дяди, который она, какъ ей казалось, удалила уже отъ него силою своей горячей молитвы, но не безъ удовольствія очутилась наединѣ съ гостемъ и поспѣшила сообщить ему обо всемъ, что́ случилось въ Майоровщинѣ со вчерашняго вечера. Сагайдачному не приходило въ голову, что его могли видѣть во время неосторожнаго разставанія съ Парасей наканунѣ, и потому чувства майора представились ему въ иномъ смыслѣ, нежели въ какомъ они представляются намъ, знающимъ всѣ обстоятельства этой исторіи. Онъ старался успокоить свою возлюбленную на счетъ огорченія дяди и его недуговъ. Онъ надѣялся, познакомясь съ нимъ поближе, вознаградить его за сюрпризъ, такъ тяжело подѣйствовавшій на его здоровье, своею бесѣдою, ко-

торая должна, какъ онъ думалъ, пріятно занять одинокаго холостяка.

Теперь оказалось, что Парася, по внушенію собственнаго сердца, рѣшилась остаться на всю жизнь при томъ нарядѣ, въ которомъ она съ нимъ познакомилась, такъ какъ онъ имъ восхищался и увѣрялъ, что лучше этого наряда ни одинъ народъ въ мірѣ ничего не выдумалъ. Сагайдачный пожурилъ ее за внезапный переходъ, но былъ въ восхищеніи отъ ея рѣшимости.

Тутъ было выражено предположеніе ввести дядю постепенно въ ихъ тайну и лишь тогда открыть ему, въ чемъ дѣло, когда гость сдѣлается для него человѣкомъ необходимымъ, когда майоръ станетъ смотрѣть на него, какъ на семьянина. Между тѣмъ Сагайдачный готовился прочитать имъ много хорошихъ вещей, которыя познакомятъ Парасю со множествомъ разныхъ предметовъ, никогда ею невиданныхъ, еще больше, чѣмъ его изустные разсказы по вечерамъ при лунѣ, или во мракѣ развѣсистыхъ дубовъ, на Го́йдалкѣ.

Еслибы майоръ больше былъ образованъ въ ученомъ смыслѣ, онъ бы давно замѣтилъ, что въ сужденіяхъ его молодой хозяюшки пробиваются такіе взгляды на вещи, которыхъ она ни отъ кого не могла почерпнуть въ хуторѣ. Не разъ его поражали высказываемыя ею мысли, но онъ приписывалъ ихъ природному уму ея и гордился своею племянницею, которая, безъ содѣйствія наемной наставницы, судитъ о многомъ точно ученая! Ея природныя способности поражали не одного майора. Сагайдачный, увлекшись ея наружностью, еще больше увлекся ея богатою душею и предался отъ всей души привязанности, которая показалась ему первою любовью.

Если взглянуть на него поглубже, то въ немъ было много общаго съ майоромъ. Оба они были люди непорочнаго происхожденія, если подъ имено́мъ непорочности разумѣть происхожденіе отъ честныхъ и добрыхъ родителей. Оба они были вскормлены молокомъ родной матери и получили первоначальное воспитаніе прямо отъ нея, а не такъ, какъ былъ воспитанъ Иволгинъ, и не такъ, какъ воспитаны у насъ многіе люди прежняго вѣка почище Иволгина, то есть безъ глупаго посредничества отупѣлыхъ служанокъ и слугъ, безъ холоднаго посредничества не понимающихъ дѣла наемницъ и наемниковъ. Оба сохранили впечатлѣнія этого святого и незамѣнимаго ничѣмъ воспитанія въ иныхъ сферахъ жизни, которыя перерождаютъ наши природныя чувства и душевныя движенія. Однихъ этихъ обстоятельствъ довольно, чтобы признать между ихъ натурами и характерами общность въ извѣстной степени. Но и самая судьба того и другого имѣла свою параллель и привела ихъ различными путями почти къ одинаковому положенію. Майоръ былъ вызванъ изъ отцевскаго дома на битву за государство не принадлежалъ, по свое-

му рожденію, къ народу. Сагайдачный, подвергшись вліянію иныхъ общественныхъ понятій, вышелъ изъ школы въ жизнь на битву съ жизнью за народъ, по принадлежалъ, по рожденію, къ тѣмъ, которые, имя *народа* уступили въ исключительную принадлежность низшему сословію. Оба сражались изо всѣхъ силъ своихъ, и хотя Сагайдачный не былъ израненъ видимо, какъ майоръ, но выбился изъ силъ, держась на своемъ постѣ противъ безчисленныхъ непріятелей и защищая свое новое, но уже истерзанное знами. Едва ли онъ оставилъ бы, однакожъ, то мѣсто, которое занималъ въ центрѣ Русской общественной дѣятельности, еслибы не почувствовалъ упадка физическихъ силъ, грозившихъ его организму разрушеніемъ. Смерть матери окончательно его разстроила, а между тѣмъ убѣжденія врачей и заботы о наслѣдственномъ имѣніи, о драгоцѣнной для Украинца батьковщинѣ, заставили его удалиться на родину.

Здѣсь онъ началъ было вести такую же уединенную жизнь, какъ и майоръ, съ тою только разницей, что занялся дѣятельно сельскимъ хозяйствомъ: Разъѣзды по полямъ, постоянная жизнь подъ открытымъ небомъ, работы въ саду, простая и здоровая сельская пища, вмѣстѣ съ впечатлѣніями сельской природы и сельскаго простонароднаго, всё еще богатаго поэзіею быта, быстро поправили его здоровье, и онъ, по единодушному отзыву сосѣдей-козаковъ, сдѣлался молодцемъ хоть

куда. Добрую память, оставленную въ народѣ его матерью, онъ поддержалъ подѣльчивостью съ нуждающимися хуторянами, готовностью помочь каждому совѣтомъ и самимъ дѣломъ, наконецъ, сохраненнымъ отъ дѣтства умѣньемъ обращаться съ простолюдинами, не оскорблять ни ихъ понятій о добрѣ и злѣ, ни ихъ обычаевъ и предразсудковъ, которые мало значатъ въ высшемъ быту, но въ быту простомъ и убогомъ изъ вѣка въ вѣкъ служатъ охраной народной нравственности. Его вообще полюбили нечиновные люди, хотя и чиновнымъ не любить его было не за что́, еслибъ они добро́ и зло разумѣли безотносительно. Онъ часто не могъ сдѣлать имъ *добра*, въ ихъ смыслѣ этого слова, и дѣлалъ *зло*, вступаясь за слабаго противъ неправды болѣе сильнаго. Онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ нимъ по однимъ и тѣмъ же внушеніямъ своего сердца, какъ и въ отношеніи къ нечиновному люду; но чиновный людъ, начиная отъ ничтожнѣйшаго судоваго паничка до помѣщиковъ, которыхъ Иволгинъ называлъ тысячниками, какъ-то не благоволилъ къ нему, и если не имѣлъ ничего сказать о его поступкахъ, которыхъ вообще было извѣстно очень мало, то отзывался дурно о его странномъ образѣ жизни, о его либеральномъ образѣ мыслей, о его пріятельскихъ связяхъ съ козаками въ видѣ кумовства и прочая, и прозвалъ его въ одинъ голосъ философомъ.

Майоръ имѣлъ не меньше его правъ на на-

званіе философа; но майоръ слылъ человѣкомъ хворымъ, которому трудно было бы поддерживать знакомство съ *благородными* домами. Притомъ же майоръ, по словамъ чиновнаго общества, былъ выслужившійся мужикъ, — ему мужики и компанія. Но дѣдъ Сагайдачнаго былъ бригадиръ, отецъ имѣлъ Анну на шеѣ, и самъ онъ заслужилъ высокоблагородный чинъ, а между тѣмъ, чуждаясь дворянскаго общества и проводя все время съ мужиками, онъ порочилъ, въ своемъ лицѣ, все *благородное дворянство*. Таковы были отзывы о немъ героевъ префераиса, заслуженныхъ отставныхъ и служащихъ по выборамъ благородій и высокоблагородій, почтенныхъ плантаторовъ, примѣнившихъ полученное нѣкогда образованіе къ наибольшему извлеченію доходовъ изъ чужого труда, и уѣздныхъ тузовъ, носящихъ брюхо далеко впереди своего носа.

Сагайдачный смотрѣлъ на все это говорливое общество, какъ на непріятельскій станъ, обстрѣливающій себя холостыми зарядами, и смѣялся надъ общими человѣколюбивыми заботами сосѣдей о его личности, одиноко стоявшей въ сторонѣ отъ ихъ понятій и интересовъ. Въ уѣздѣ было нѣсколько лицъ, если не семейныхъ кружковъ, которые могли бы полюбить всею душею Сагайдачнаго, именно за его образъ жизни, именно за его образъ мыслей, именно за его пріятельскія связи съ простолюдинами; но эти лица, мущины и женщины, находились въ слишкомъ исключительномъ положеніи. Нѣкоторые изъ нихъ не смѣли открыто выражать свой взглядъ на вещи, не желая оскорблять бабушекъ, почтенныхъ дядей и еще болѣе почтенныхъ родителей; другіе не были достаточно утверждены въ новыхъ понятіяхъ о жизни и вѣчно колебались между старымъ и новымъ путемъ, то́ пошлѣя и падая въ кругу, презирающаго своего общества, то́ выбиваясь кой-какъ изъ общей атмосферы въ міръ иныхъ понятій и дѣйствій. Притомъ же у насъ, въ помѣщичьей Малороссіи, люди, живущіе въ одномъ и томъ же уѣздѣ, часто не встрѣчаются другъ съ другомъ по нѣсколько лѣтъ. Указанныя мною личности знали о Сагайдачномъ только по слухамъ и, хотя кой изъ чего должны были заключить, что это человѣкъ не дюжинный, но жизнь его была извѣстна имъ изъ устъ его враговъ, отъ нихъ-же первымъ былъ Иволгинъ, знакомый съ цѣлымъ уѣздомъ и появлявшійся всюду, гдѣ его принимали (а принимаютъ у насъ каждаго, хотя бы знали, что это самый негодный человѣкъ).

Иволгинъ, встрѣтивъ Сагайдачнаго у себя на станціи въ день возвращенія его на родину, почувствовалъ къ нему непреодолимую антипатію. Сагайдачный, съ своей стороны, обошелся съ нимъ слишкомъ невнимательно, обошелся не такъ, какъ ожидалъ Иволгинъ, который рекомендовался ему сосѣдомъ-помѣщикомъ и, будучи безобразно пьянъ,

оскорбилъ его предложеніемъ своего знакомства и дружбы. Иволгинъ не могъ простить ему нѣсколькихъ словъ, врѣзавшихся въ его память, не смотря на хмѣль, и на другой же день началъ знакомить свой уѣздъ съ новымъ обитателемъ, разсказывая, что пріѣхалъ онъ на станцію не въ своемъ видѣ, что прогнанъ изъ Петербурга за пьянство и, запершись въ хуторѣ, утѣшаетъ себя бесѣдою съ бутылками, на Англійскій манеръ. Къ этому онъ прибавлялъ съ каждымъ днемъ кое-что и другое, такъ что репутація Сагайдачнаго являлась каждому въ чудовищномъ видѣ. Что Иволгинъ великій лжецъ, это всѣ знали, но, по странной наклонности человѣка вѣрить больше дурному, нежели предполагать въ комъ-нибудь доброе, не подвергали его анекдотовъ строгому критическому разбору.

Майора мало заняли анекдоты Иволгина о бесѣдахъ Сагайдачнаго съ бутылкою на Англійскій манеръ, тѣмъ болѣе, что показанія козаковъ-сосѣдей совершенно имъ противорѣчили. Онъ, по своему благодушію, отвергалъ и разсказы его о любовныхъ похожденіяхъ уединеннаго хуторянина. Но теперь повѣсти Иволгина, которыхъ онъ не хотѣлъ выслушивать, представились ему ужасающею истиной: въ его памяти сидѣлъ несомнѣнный фактъ, по-видимому, подтверждавшій эти показанія. Гнѣвъ его былъ такъ великъ, что онъ боялся дать ему волю. Онъ принадлежалъ къ не-

большому числу горячихъ характеровъ, одаренныхъ высокимъ самообладаніемъ. Онъ, по словамъ наставляющаго апостола, былъ »не скоръ на гнѣвъ, не скоръ на слова«. Это было врожденное ему свойство, но онъ усовершенствовалъ его въ себѣ во время службы, когда отъ его справедливаго и несправедливаго поступка, въ качествѣ судьи, часто зависѣла участь такого же, какъ онъ, человѣка, или, по крайней мѣрѣ, временныя страданія ближняго. Будучи съ дѣтства наученъ матерью бояться »прогнѣвить Господа милосердаго« и принявъ отъ нея въ свѣжую душу простонародное убѣжденіе, что всего хуже для насъ, если на насъ упадутъ чьи бы то ни было »невинныя слезы«, онъ положилъ себѣ за правило никогда не предаваться порывамъ гнѣва и откладывать исполненіе его внушеній на нѣкоторое время. Такъ поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ заперся у себя въ спальнѣ для того, чтобъ обдумать, какъ поступить ему въ этомъ важномъ случаѣ, съ соблюденіемъ возможной справедливости.

Прежде всего ему пришли на умъ слова Священнаго Писанія: *Мнѣ отмщеніе. Я воздамъ! глаголетъ Господь.* Но обида была почувствована имъ слишкомъ глубоко; беззаконіе Сагайдачнаго слишкомъ сильно подавило его высшія человѣческія чувства, освѣщенныя и утвержденныя въ немъ ученіемъ Христіянской вѣры, преподанной

матерью. Поддавшись сердечной боли о гибели своей племянницы, какъ ему казалось, уже соблазненной коварнымъ обольстителемъ, онъ слабо почувствовалъ смыслъ этихъ словъ; его не ужаснулъ грѣхъ — карать верховнымъ Божескимъ судомъ своего ближняго; онъ ограничился только непрощеніемъ у Господа прощенія въ этомъ грѣхѣ и какъ-бы полномочія быть орудіемъ небесной кары. Поднявшись на ноги, онъ отеръ катившіяся у него по щекамъ слезы, и это былъ уже другой человѣкъ. На его блѣдномъ лицѣ водворилось непоколебимое, желѣзное спокойствіе. Казнь надъ Сагайдачнымъ должна была совершиться: эта статья рѣшена была окончательно, и уже онъ не поколебался бы въ своемъ рѣшеніи ни передъ какими властями и авторитетами. Оставалось только избрать способъ казни. Самая первая мысль, которая мелькнула у него въ умѣ, лишь только онъ сдѣлалъ роковое открытіе, была — убить тутъ же на мѣстѣ подлаго соблазнителя. Но эта мысль ужаснула собственное его воображеніе, и онъ поспѣшно удалился въ спальню. Молитва не могла утѣшить душевную его бурю, но всё-таки разогнала въ нѣкоторой степени тьму, которая покрыла его разумъ. Сѣвъ на кресло у изголовья своей постели, на то самое кресло, на которомъ сиживала иногда его племянница во время его крайняго изнеможенія отъ скрываемой боли ранъ, майоръ какъ-будто вошелъ въ таинственное соприкосновеніе съ ея кроткою душею и вдругъ понялъ, чего никакъ не могъ понять до сихъ поръ, что онъ — хозяинъ дома, а Сагайдачный — его гость. Убить безоружнаго злодѣя въ качествѣ гостя подъ собственною крышею — показалось ему слишкомъ вопіющимъ дѣломъ, не оправдываемымъ ни передъ Богомъ, ни передъ людьми никакими обстоятельствами. Убить всегда будетъ еще время. Можно отложить этотъ кровавый судъ хоть до тѣхъ поръ, пока гость выѣдетъ за ворота. Такъ внушалъ ему добрый ангелъ, снисходя къ овладѣвшему имъ безумію мщенія. По злой духъ, по ученію святыхъ отшельниковъ, неотступно слѣдящій за человѣкомъ, шепнулъ ему съ другой стороны: »А что, если Сагайдачный, догадавшись, что его шашки открыты, дастъ тягу и ускачетъ на край свѣта?« Эта мысль ужаснула стараго козака, наслѣдовавшаго отъ своихъ предковъ, вмѣстѣ съ добрыми качествами, и неукротимую мстительность. Онъ затрепеталъ отъ одного предположенія, что его оскорбитель можетъ увернуться отъ занесеннаго надъ нимъ удара, и рѣшился не выпустить его изъ дома безъ расправы. Но Сагайдачный былъ гость, и расправа должна быть честная. Майоръ взглянулъ было на висящія у его изголовья сабли и шашки; но онъ вспомнилъ о своихъ ранахъ, едва позволявшихъ ему бродить вокругъ хутора, и грустно покачалъ головою. Взглянулъ потомъ на дорогіе

Турецкіе пистолеты, добытые когда-то въ огнѣ сраженія, и протянулъ къ нимъ руку. Задумавъ поединокъ съ своимъ суностатомъ, майоръ еще разъ обновился духомъ былой жизни, безтолково пылкой и безпутно кровавой.... Рѣшено было позвать Сагайдачнаго въ спальню и, въ уваженіе священнаго званія гостя, дать ему право на честный поединокъ. Но тутъ его воображенію представились двѣ женщины, сестра и племянница, и вмѣстѣ съ ними въ его душу проникъ заглушаемый, но не незаглушимый гнѣвомъ укоръ, что не Христіянское и нечестное дѣло — вызвать гостя на поединокъ и заставить его быть убійцею хозяина, или самому сдѣлаться его убійцею въ собственной спальнѣ, безъ свидѣтелей. Злой духъ опять шепнулъ майору о возможности бѣгства со стороны столичнаго пройдохи; но въ душѣ майора столько родилось энергіи послѣ его волненій, что онъ рѣшился, въ случаѣ крайности, преслѣдовать бѣглеца даже и на край свѣта. Онъ остановился и успокоился на этомъ рѣшеніи, сколько могъ успокоиться. Его намѣреніе было — остаться въ спальнѣ до отъѣзда Сагайдачнаго, подъ предлогомъ болѣзни, и потомъ послать ему формальный вызовъ. Онъ почувствовалъ сильную физическую усталость отъ своей душевной тревоги и опять опустился въ кресло. Воображеніе его играло какъ юноши, но не юношескія мечты наполнили его голову. О своей будущности онъ не заботился,

что́ бы его ни постигло во время, или послѣ поединка: его тревожила участь вдовы-сестры съ опозоренною дочерью. Но во всякомъ случаѣ ихъ положеніе не много было бы лучше и безъ этой катастрофы, такъ какъ потерянаго племянницей уже не было возможности возвратить, а жизнь майора была дѣло слишкомъ ненадежное, ибо онъ чуялъ ясно, что ему уже долго коротать на свѣтѣ. Гораздо лучше пасть ему съ оружіемъ въ рукахъ, сражаясь за честь своего дома и карая злодѣя за его коварство.

ГЛАВА X.

Между тѣмъ какъ въ головѣ майора смѣнялись одна другою мрачныя мысли, на балконѣ молодые люди мечтали о свадьбѣ, которую Сагайдачный, по разнымъ обстоятельствамъ, откладывалъ до осени. Онъ во многомъ сошелся уже съ народомъ, среди котораго судьба указала ему наконецъ жить. На свадьбу посреди лѣта, когда идутъ жаркія полевыя работы, онъ смотрѣлъ, какъ на эгоистическую панскую затѣю, въ которой народъ не долженъ принимать никакого участія. Приноровляя къ своему обеспеченному быту простонародные обычаи, онъ находилъ очень разумнымъ играть свадьбу весною, когда хозяина ничто еще не вызываетъ въ поле, кромѣ легкой о́ранки на ярину, кромѣ неспѣшныхъ посѣвовъ и пріятныхъ наблюденій надъ всходами, или осенью, когда всѣ работы въ полѣ кончены и человѣкъ сосредоточиваетъ свою дѣятельность въ

усадьбѣ, будучи окруженъ и заваленъ собранными съ полей богатствами. Такъ философствовалъ Сагайдачный, вовсе не помышляя, что на него наводится, въ умѣ хозяина, пистолетное дуло.

Но вотъ простодушная сиротка Марьянка, этотъ неусыпный, хоть и сопливый, камердинеръ майорскій, является съ большимъ подносомъ въ рукахъ и торжественно ставитъ его между двухъ любовниковъ, сидѣвшихъ vis-à-vis на противоположныхъ сторонахъ чайнаго столика. Она очень хорошо замѣтила, что никогда еще закуска не была приготовлена такъ старательно, никогда не было отпускаемо такихъ тонкихъ салфетокъ, никогда графинчики съ водкой и наливкой не были такъ заботливо обтерты кругомъ влажнымъ полотенцемъ. Немного было приготовлено закуски, далеко меньше, нежели для Иволгина. Крошечные граненые графинчики были поставлены на подносъ. Марьянка не могла не выразить своего изумленія передъ *панімáткою*, какъ она называла майорскую сестру, но та ей въ немногихъ словахъ и особеннаго рода ужимками дала понять, что этотъ гость — не Ивольгину чета, что это — знатный господинъ (она почти готова была сказать, что это — дука между панами), и потому не годится наваливать для него много закусокъ и наставлять много водокъ и наливокъ. Водокъ поставлено было только два сорта, и при этомъ благочестивая хозяйка подумала: »Дай, Господи, чтобы вы всю

жизнь прожили въ парѣ!« А когда ставила на позиціи треугольника между двухъ графинчиковъ третій, нѣсколько бо́льшій графинчикъ съ дулевкою, то прибавила мысленно: »И пускай только одинъ Господь будетъ третьимъ между вами!« Марьянка ничего этого не знала, слѣдя за своею госпожей и дивуясь бѣлизнѣ салфетокъ и блеску новенькаго сребра, давно заведеннаго майоромъ, но еще ни разу не употребленнаго; она постигла, однакожъ, своею убогою душенкой торжественность случая и какъ-бы исполнилась духомъ самой хозяйки. Молодые люди, взглянувъ на нее, не могли не разсмѣяться: до такой степени она была торжественна и счастлива въ своей роли.

Вслѣдъ за Марьянкою сочла приличнымъ явиться къ гостю и сама мать молодой хозяйки. Майоръ, *облагородясь* на службѣ и возвышая племянницу до уровня съ своимъ званіемъ, не могъ оставить и сестру въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее въ козачьей хатѣ. Вмѣсто бѣлой намитки, начала она повязывать голову шелковымъ платкомъ, по которому разсыпаны были золотые и серебряные цвѣты, а вмѣсто своихъ плахтъ, байковыхъ кофтъ съ красными мушками и старосвѣтскаго праздничнаго куптуша съ золотыми *усами* на перехватѣ, появились на ней ситцы и шерстяныя матеріи въ томъ видѣ, какъ у сельскихъ, простыхъ священническихъ женъ, которыя не добрались еще до шляпокъ и иныхъ лоскутныхъ издѣлій запоздалой и безвкусной моды. Не смотря, однакожъ, на свое возвышеніе во мнѣніи другихъ, а также и въ собственномъ, майорская сестра сохранила тотъ смиренный видъ, который у простолюдиновъ заступаетъ мѣсто изящной простоты въ способѣ держать себя съ людьми. Это не сознаніе своего ничтожества, — вовсе нѣтъ! это какое-то самоуваженіе, выражаемое уваженіемъ къ тому, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Майорская сестра явилась къ гостю съ достоинствомъ старой хозяйки, котораго не уменьшилъ и тихій, довольно низкій ея поклонъ, засвидѣтельствовавшій ея уваженіе въ его особѣ.

Сагайдачный былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ каждомъ лицѣ цѣнятъ выше всего выраженіе, и селибы майорская сестра не была даже матерью Параси, то онъ не скоро бы отвелъ отъ нея глаза. Въ ея лицѣ, увядшемъ отъ времени, горя и заботъ, но еще не обезсиленномъ старостью, поразило его выраженіе религіозности, то выраженіе, которое придаютъ ликамъ святыхъ живописцы, понимающіе сердцемъ, какъ должна выступать наружу молитва, безпрестанно тепляющаяся въ сердцѣ. Онъ отвѣчалъ на ея поклонъ почти такимъ же поклономъ. А Парася между тѣмъ представила ихъ другъ другу, какъ съумѣла.

»Я знала вашу покойную матушку«, сказала майорская сестра.

»А я«, отвѣчалъ онъ, »знаю васъ давно по разсказамъ моей матушки.«

»*Чи то бъ то й справдi?*« воскликнула она, одушевясь. »Намъ нельзя было не знать вашей матушки.«

»И ей нельзя было не знать васъ. Всякій разъ, какъ мы, бывало, воротимся изъ церкви, она говаривала, что̀ не встрѣчаетъ уже такихъ красавицъ между козачками, какъ была такая-то, и называла васъ, которую выдали замужъ въ далекое село.«

»О, какую старину вы вспомнили!«

»Да̀, я былъ тогда ребенкомъ, но въ моей памяти остались ея разсказы даже и про вашъ кунтушъ, отороченный золотою сѣткою. Скажите, куда вы дѣвали эту драгоцѣнность?«

»Онъ до сихъ поръ лежитъ у меня въ скрынѣ.«

»Ну, я очень радъ, что онъ уцѣлѣлъ. Вы̀ мнѣ его покажете?«

»Да̀, теперь уже нигдѣ такого не увидите. И въ старину, правду сказать, такая богатая одежа была дивомъ. Мой отецъ вынесъ этотъ кунтушъ изъ Запорожья, а Запорожцы, сами знаете, хаживали за добычею далеко въ Польшу.«

»И это мнѣ извѣстно, что вашъ отецъ былъ Запорожецъ. Помню даже разсказы про его собакъ-овчарокъ, которыя пасли у него овецъ.«

»Какъ же! онъ учился хозяйству на Запорожьѣ.«

»Вотъ ужъ я никогда не думалъ, чтобы на Запорожьѣ можно было научиться хозяйству! Вѣдь Сѣчевое братство было народъ беззаботный.«

»Нѣтъ, они только сдавались беззаботными, а хозяйство у нихъ велось чудное! Никто лучше ихъ не умѣлъ ходить за пчелами; никто не умѣлъ выкохать ни коня, ни вола такъ, какъ они. Нѣтъ, они хорошіе были хозяева. Ато зачѣмъ бы отдавали къ нимъ дѣтей въ науку?«

»Кто же къ нимъ отдавалъ дѣтей въ науку?«

»Всѣ отдавали, всѣ наши козаки, бывало, туда отсылаютъ хлопцевъ. Тамъ и письму святому ихъ учили, и гласамъ церковнымъ, и хозяйству.«

»Это я слышу въ первый разъ!«

»Да гдѣ же вамъ объ этомъ слышать? Тамъ у васъ другія дѣла въ столицѣ. Вѣдь и моего отца — дай Богъ ему царство небесное — его отецъ отдалъ этакъ учиться.«

»И онъ вамъ разсказывалъ объ этомъ?«

»Ну, онъ былъ не таковскій. А случалось мнѣ издали слышать, какъ онъ бывало за чаркой вспоминаетъ про свои молодыя лѣта.«

»Разскажите же мнѣ, что̀ вамъ случалось слышать. Это очень интересно.«

»Извольте, и разскажу, а тѣмъ временемъ прошу закусить. Въ церкви стояли вы долго и трудились, а чай — какое ужъ это подкрѣпленіе?... да еще на бѣду у меня сегодня коржики совсѣмъ не удались.... Такъ ужъ мнѣ совѣстно! какъ нарочно сегодня и не удались!«

Закуска была очень хороша и могла бы успокоить совѣсть самой кропотливой хуторской хозяй-

ки. Но гость гораздо больше интересовался ея бесѣдой о старинѣ, чѣмъ закускою.

»Видите ли«, говорила майорская сестра, присѣвъ противъ него на стулѣ и положивъ лѣвую руку себѣ на колѣно, между тѣмъ какъ правою дѣлала пояснительные жесты: »въ тѣ времена козаки наши не лѣзли въ дворянство по-нынѣшнему. На Украинѣ у насъ были паны панами, а козаки козаками. Земель было много, а людей мало; такъ тогда не было почетнѣе званія, какъ *господарство*. Кто изъ козаковъ съумѣетъ завести хуторъ, съ подсосѣдками и держать въ порядкѣ землю и скотъ, тотъ великимъ почитался человѣкомъ, и къ такому отдавали дѣтей на воспитаніе даже и богатые хозяева. Тутъ была одна та польза, что хлопчикъ ростетъ въ бо́льшемъ страхѣ, а не *мазунчикомъ* около матери, а другая та, что пока выростастъ, то наживетъ себѣ и худо́бу (¹), а нажившн своимъ трудомъ, съумѣетъ ее лучше сберечь. Тогда хоть и на батьковщину вернется, то уже знаетъ, чего что́ сто́итъ, и дѣлается изъ него господарь какъ слѣдуетъ. И родные, бывало, отдаютъ къ роднымъ въ науку, и пріятели къ пріятелямъ. Это я говорю про Украину. Ато бывало отдаютъ на воспитаніе и за Пороги, въ вольныя степи. Паны посылали своихъ дѣтей въ науку по городамъ, и въ

(¹) Имущество, но собственно *худоба* значитъ рогатый скотъ.

Польшу отсылали; а наши козаки засылали своихъ дѣтей къ Запорожскимъ братчикамъ. Запорожцы жили богато, и были они народъ премудрый! Знали военное дѣло хорошо, а хозяйское — еще лучше! Кругомъ Сѣчи завели они такіе хутора, какихъ въ нашихъ мѣстахъ не увидишь, и тамъ-то давали науку всякому, кто хотѣлъ учиться. Потомъ, бывало, наробокъ, разжившись и занявши себѣ подъ хуторъ займище, идетъ въ Сѣчь и дѣлается братчикомъ, а въ хуторѣ живутъ чабаны, наробки и підробо́чіе. Онъ только по временамъ навѣдывается къ нимъ, а самъ промышляетъ военнымъ промысломъ. Такъ-то когда-то дѣлось! А теперь, говорятъ, бурьяномъ заросла Сѣчь, и вольныя степи прокляты Богомъ: травы сохнутъ, воды входятъ въ землю, и мало стало тамъ добра людямъ. Но пожалуйте же, кушайте, а я вамъ разскажу исторію нашего пан-отца. Было ихъ трое у отца и матери. Двоихъ старшихъ дѣдъ нашъ при себѣ оставилъ, а меньшого отвезъ въ науку на Запорожье. Былъ у него тамъ хорошій пріятель, Запорожецъ Кавунъ. Старъ уже былъ и не ходилъ на войну, а господарствовалъ въ своемъ зимовникѣ съ жінкою. У нихъ и жены были въ зимовникахъ, и дѣти росли; только въ Сѣчѣ женщинъ не было. Пріѣзжаетъ мой дѣдъ къ нему и привозитъ моего пан-отца, а ему бы́ло тогда лѣтъ тринадцать, или четырнадцать. »*Візьмй, пане бра́те, до се́бе мою́ хло́пця въ нау́ку; зробй мені*

зъ ёго доброго господаря.«—»Покинь на годъ. Коли буде добрий, то прийму въ науку.« Дѣдъ мой и оставилъ на-пробу сына. Старикъ не давалъ ему сперва никакого дѣла и держалъ при себѣ: всё пробовалъ, будетъ ли изъ него прокъ. Однажды нарубилъ дровъ и разбросалъ по всему двору, а самъ сѣлъ съ женой въ повозку и уѣхалъ изъ хутора. Видитъ хлопецъ, что разбросаны дрова, и думаетъ: »Зачѣмъ имъ такъ валяться?« Взялъ и сложилъ подъ стріхою (¹). Возвращается старый Кавунъ, видитъ, что дрова сложены, и говоритъ своей жінкѣ: *»Отъ же зъ сёго ледачого хлопця господарь буде! А годі тобі, Иване, байдики бити! сідай на коня да гайда до табуна Дамъ тобі таке лошя, що приведе друге.«* Подержавши при табунѣ, опредѣлилъ его къ отарѣ: *»Пильнуй добре, то десяте ягня буде твоє.«* Такъ, покуда дошелъ нашъ панъ-отецъ полныхъ лѣтъ, то сдѣлался и самъ господаремъ, да тамъ и остался, *байдуже ёму й Украіна!* Сдѣлался братчикомъ, ходилъ на войну и добылъ всякаго добра, добылъ и тотъ кунтушъ съ золотою сѣткою. Но тутъ постигла Запорожцевъ бѣда: окружили ихъ Сѣчь, забрали по куренямъ всякое добро, взяли изъ церкви сребро, золото, и церковное, и братское, не оставили Богу и восковыхъ свѣчей: сказано — голодною саранчею упали на

(¹) Крыша.

Сѣчь! Такъ, бывало, разсказываетъ нашъ панъ-отецъ. Кто былъ въ Сѣчевыхъ куреняхъ, тѣ сѣвши въ чайки (¹), поплыли къ Турку, а кого изъ братчиковъ захватила бѣда по хуторамъ и зимовникамъ, тѣ не признались козаками и разбрелись по Украинѣ, да тутъ и переженились. Воротился и нашъ панъ-отецъ на батьковщину. Приходитъ, а братьевъ и матери давно уже на свѣтѣ нѣтъ; остался въ-живыхъ одинъ старый батько, да и тотъ, покинувши господарство и распродавши скотъ, сидѣлъ въ пасикѣ пустынникомъ, душу, стало быть, молитвами спасалъ. Ну, панъ-отецъ нашъ воротился не съ порожними руками: однихъ овецъ пригналъ семь-сотъ, и этихъ овецъ пасли не люди, а собаки. Такъ были пріучены собаки, что не дадутъ овцамъ разбрестись, и на ночь въ кошары загоняютъ. Привезъ нашъ панъ-отецъ и одежды хорошей козацкой сорокъ паръ. Были тамъ и *саеты*, и *едамашки*, были и *вельчуры*, — такіе обоюдные кожухи, что и грѣютъ, и отъ дождя защищаютъ. Началъ онъ жить съ старымъ отцемъ, но жениться долго не хотѣлъ. Былъ онъ совсѣмъ Запорожецъ, — всё одинъ себѣ сидитъ въ куренѣ среди стада на степи, или съ отцемъ въ пасикѣ, а иногда осѣдлаетъ коня и исчезнетъ на мѣсяцъ и на больше. Уже и старого батька похоронилъ, и у самого волосъ посѣдѣлъ, а всё

(¹) Челны.

жениться не хотѣлось ему. Потомъ видитъ, что родъ его переводится и добро его въ чужія руки пойдетъ, — женился. Да и женившись, не покидалъ привычки Запорожской. Осѣдлаетъ, бывало, коня — и не спрашивай жінка, куда ѣдетъ. А ѣздилъ онъ въ Запорожскія степи. Тамъ у нихъ на урочищахъ собирались рады. Всегда это время приходилось въ полполуніе. По ночамъ собирались разпуганные братчики и держали раду, что̀ имъ на свѣтѣ дѣлать, и нельзя ли опять зажить по-прежнему; да уже не тѣ времена настали. Паниматкa наша покойная — царство небесное — никогда у него не спрашивала, куда отлучается, а довѣдывалась стороною. Боялась она и духу его, и почитала его больше, чѣмъ теперь дѣти отцевъ своихъ почитаютъ. У него было закономъ, чтобъ жинкѣ ничего не открывать, что̀ есть въ мыслях: такіе они всѣ были. Когда подиялась война на Ляховъ, то и тогда онъ ни женѣ, ни дѣтямъ не сказалъ, что хочетъ меньшого сына выридить въ войско. Мы догадывались только по коню, котораго велѣлъ онъ ему при себѣ объѣзжать, да по саблѣ, которую досталъ изъ скрыни и поставилъ на по́кутѣ подъ образами. Молча снарядилъ его старикъ и тогда велѣлъ благословиться у матери. А умеръ черезъ недѣлю послѣ проводовъ сына въ козаки. Нашли его въ куренѣ мертваго, въ чистой праздничной сорочкѣ и въ састовомъ жупанѣ, а подъ головами раскрытая Библія.... Да гдѣ

жъ это дядя?« прервала разскащица вдругъ свою повѣсть, обратясь къ дочери съ вопросомъ.

Узнавъ, что онъ почувствовалъ себя худо, она встревожилась и поспѣшила къ его спальнѣ. Въ спальню нельзя было и ей войдти безъ позволенія: такова была воля майора. На ея стукъ и окликъ, онъ отвѣчалъ, что онъ лежитъ и чтобъ его не безпокоили, пока не позоветъ. Это еще больше испугало ее. Она воротилась къ дочери съ поблѣднѣвшимъ лицемъ и печальною вѣстью. Обѣ онѣ были поражены его словами, потому что майоръ ложился днемъ только въ такихъ случаяхъ, когда его совершенно одолѣвалъ недугъ. Всякій разъ, какъ онъ позволялъ войдти къ себѣ, лежащему, онѣ заставали его въ положеніи покойника, со сложенными на груди руками, и всякій разъ онъ былъ увѣренъ самъ и не скрывалъ этого отъ нихъ, что смерть его близка. Онъ отвергалъ какое бы то ни было лекарство, и имъ оставалось одно — молиться. И онѣ молились пламенно, и уже раза три горячія молитвы ихъ поднимали его съ одра болѣзни, и чудомъ казалось имъ, когда онъ начиналъ ходить по хутору, или сидѣть и бесѣдовать съ ними, какъ-будто и не былъ боленъ. На этотъ разъ на ихъ лицахъ выразилось, передъ глазами гостя, такое безпокойство, что Сагайдачный не могъ продо́лжить своего пребыванія у нихъ ни одной минутой и поспѣшилъ

съ ними разстаться, чтобы дать обѣимъ хозяйкамъ полную возможность заняться своимъ больнымъ. Онѣ не удерживали, но проводили его на крыльце и воротились не прежде, какъ его нетечанка скрылась изъ виду.

ГЛАВА XI.

Воротясь, онѣ увидѣли за чайнымъ столикомъ сидящаго майора. Мать и дочь не вѣрили глазамъ своимъ: это было для нихъ чудо — выше всѣхъ чудесъ. Отъ всего сердца возблагодарили онѣ Бога и выразили свое чувство въ-слухъ, по обычаю простонародья. Тутъ же сестра и племянница осыпали майора самыми нѣжными ласками, какимъ только научили ихъ жизнь и природа. Онъ былъ у нихъ и *соловейко*, и *золото*, и *ясный мѣсяцъ*.

Майоръ былъ тронутъ до глубины души ихъ ласками, — былъ тронутъ болѣе, нежели когда-либо; но слово его нѣмѣло отъ ужасныхъ мыслей, наполнявшихъ его голову. Онъ говорилъ только: »Бѣдныю вы люди! бѣдныя вы простачки!« и ничего болѣе. Потомъ сказалъ: »Дайте мнѣ чаю: я совсѣмъ ослабѣлъ.«

Видно было, что его природа собирала послѣднія силы, чтобы постоять за то, что́ для него было единственною драгоцѣнностью въ мірѣ. Онъ держался прямо; глаза его были оживлены какимъ-то страннымъ огнемъ; во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была лихорадочная, сдерживаемая энергія. Это былъ человѣкъ, у котораго одна сильно напряженная мысль подняла до возможной напряженности всѣ моральныя и физическія силы. Не смотря на то, что́ внутри пожирала его страшная горесть, снаружи онъ казался только размышляющимъ, но вовсе не печальнымъ. Господствующее выраженіе его лица обозначилось теперь съ такою силою, что сестра и племянница, готови для него чай, понизили одною нотою голосъ, точно боясь помѣшать его умственному занятію. Это было сдѣлано безсознательно. Но когда майоръ взялся за свой стаканъ чаю, онѣ въ его блѣдномъ лицѣ замѣтили что-то страшное, что-то похожее на выраженіе подавленныхъ страданій, и готовы были испугаться опять за его здоровье. Но майоръ спокойно кушалъ чай, заѣдая его неудавшимися коржиками такъ, какъ будто они были самые удачные. Параси, зная его привычки, послѣ перваго стакана подала ему трубку. Онъ наклонилъ къ себѣ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ, чего прежде никогда не дѣлалъ. »Бѣдная моя простушка!« сказалъ онъ въ полъ-голоса, какъ-бы обращаясь къ самому себѣ.

Сестрѣ давно уже хотѣлось заговорить о новомъ знакомомъ, но ее что-то останавливало: она инстинктивно чувствовала, что для этого надобно выбрать минуту, въ которую братъ охотно станетъ ее слушать. Когда табачный дымъ закрылъ, точно легкимъ флеромъ, его лицо и сгладилъ на немъ строго-размышляющее и вмѣстѣ какое-то страшное выраженіе, она, сидя противъ него за чайнымъ столикомъ, повела рѣчь о Сагайдачномъ и начала исчислять его достоинства, съ своей точки зрѣнія. »*Да якій же вінъ розумний! Да яке въ його слово ніжне!*« Въ такихъ восклицаніяхъ разлилась было ея рѣчь. Но майоръ, слушавшій ее съ горькою улыбкою, вдругъ остановилъ ее на *нѣжномъ словѣ*.

»Полно, полно, хозяюшка!« вскричалъ онъ, быстро поднявшись съ своего мѣста. »Не спѣши хвалить нѣжныя слова. Настанетъ еще время, когда ты узнаешь имъ цѣну!«

Яркій румянецъ покрылъ лицо Параси. Майоръ это замѣтилъ и, отвернувшись, прошелся раза два по балкону, стуча каблуками громче обыкновеннаго.

Еслибы майоръ нашъ былъ больше майоръ, нежели человѣкъ, онъ распорядился бы съ этимъ казусомъ просто-напросто: отозвалъ бы сестру въ особую комнату и сообщилъ бы ей, что вотъ дескать, матушка, сдѣлана такая и такая рекогносцировка, и открыты такія и такія обстоятельства.

Извель развѣдать у дочери, сколь велика приключилась бѣда, и прими свои мѣры, а я приму свои. Этимъ способомъ дѣло тотъ-часъ бы объяснилось, и не изъ чего было бы майору поднимать трагическую возню съ самимъ собою и съ Сагайдачнымъ. Но какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ нѣтъ и добра безъ худа. Майоръ нашъ, при всемъ своемъ майорствѣ, имѣлъ въ себѣ несравненно больше человѣческаго, нежели майорскаго. Онъ не въ силахъ былъ сказать матери слово, которое — онъ чувствовалъ это по себѣ — должно было какъ мечъ пройдти сквозь ея сердце. А между тѣмъ его любовь къ племянницѣ преувеличила глубину пропасти, изрытой, какъ ему казалось, подъ ея ногами хитрымъ соблазнителемъ. А между тѣмъ негодованіе разбудило въ немъ чувство, которое мы назовемъ боевымъ жаромъ, такъ какъ подъ этимъ видомъ въ немъ воспитана была жизнію дѣятельная энергія, свойственная каждому счастливо созданному человѣку. И, замкнувшись въ самомъ себѣ, майоръ готовился на дѣло, чистое въ источникѣ, изъ котораго оно взяло свое начало, но помраченное въ соприкосновеніи съ понятіями и обычаями еще не очищенной, еще неодухотворенной жизни, которою живетъ наше бѣдное поколѣніе.

Еслибы сестра майора узнала сутками раньше о сближеніи дочери съ Сагайдачнымъ, она бы нашла тонкіе способы развѣдать всѣ обстоятельства этого сближенія, и, зная дѣло какъ оно есть, шла бы прямо къ желанной цѣли. Она бы поспѣшила подѣлиться съ братомъ своею радостію, своими надеждами, своими семейно-житейскими мечтами, на которыя такъ щедро воображеніе, подогрѣтое любящимъ до безпредѣльности материнскимъ сердцемъ. Нѣсколько словъ съ той и другой стороны, нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ поставили бы дѣло между братомъ и сестрою въ такую ясность, послѣ которой осталось бы соединиться имъ дружескимъ совѣщаніемъ въ одинъ умъ и вести дѣло въ порядкѣ, направляя теченіе любви молодой четы ровнымъ потокомъ и украшая берега этого потока своимъ заботливымъ сочувствіемъ. Но любовь этой четы открылась ей въ неожиданномъ и дикомъ, а по-нашему романическомъ видѣ. Собственная мысль ея не освоилась еще съ этимъ открытіемъ, и притомъ она знала слишкомъ мало о томъ, что́ между ними происходило. Рѣзкое замѣчаніе брата о нѣжномъ словѣ заставило ее прикусить языкъ. И, замкнувшись сама въ себѣ, она выпустила на волю рой тревожныхъ мыслей, успокоенныхъ на-время заботами о гостѣ и братѣ, и далека была она отъ пониманія того, что́ дѣлалось въ душѣ майора, и не предчувствовала она бури, собиравшейся надъ его мирнымъ домомъ.

Еслибы Парася съ самого начала своего знакомства съ Сагайдачнымъ знала, кто онъ, она

бы немедленно сообщила матери о своей встрѣчѣ съ нимъ въ кругу играющихъ сверстницъ при лунѣ. Но съ ней случилось такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбíла козáченька, не спитáла й вíдкі (¹).

Сагайдачный, находя въ своемъ народѣ безконечный интересъ для наблюдательности и желая войдти поглубже въ его жизнь, мѣнялъ иногда свой Европейскій костюмъ на полу-Азіятскую одежду, которая такъ согласуется съ широкими степными пространствами Украины и такъ удобна для перенесенія жаровъ и пыли на нашихъ дорогахъ. Въ этой одеждѣ онъ разъѣзжалъ отъ-части для хозяйственныхъ надобностей, а отъ-части и изъ любопытства по Украинскимъ шумнымъ и безпорядочнымъ ярмаркамъ, походя больше на прикащика, на богатаго, или зажиточнаго торговца-хуторянина, нежели на дворянина. Знаніе Украинскаго языка помогало ему казаться ниже настоящаго своего званія въ глазахъ не знавшихъ его людей. Возвращаясь однажды домой верхомъ, въ ночное время, онъ былъ привлеченъ звонкими дѣвическими пѣснями въ урочище Гóйдалки. Онъ привязалъ къ дереву своего коня и вошелъ въ рѣзвый кругъ дівчáтъ, въ видѣ молодцеватого паробка. Появленіе незнакомца смутило ихъ; но онъ

(¹) Не спросила и откуда онъ.

имѣлъ счастливую манеру, которая внушала къ нему довѣріе, и отпустилъ имъ нѣсколько шутокъ въ такомъ приличномъ и веселомъ тонѣ, что онѣ не могли не отвѣчать на нихъ по-народному. Онъ остался съ ними всего минуты двѣ, высѣкъ огня, закурилъ трубку и простился съ ними въ шуточномъ тонѣ, прося быть знакомыми и обѣщая заѣхать къ нимъ въ другой разъ. Парася была въ ихъ кругу. Ея наружность поразила Сагайдачнаго. Такого чистаго типа Украинки онъ не встрѣчалъ еще на родинѣ. Шуточное обѣщаніе обратилось для него въ истину: ему хотѣлось еще разъ видѣть красавицу-козачку. Она поселилась въ его воображеніи, какъ чудесный сонъ, и онъ жалѣлъ, что, уступя чувству деликатности, не остался въ этомъ ночномъ собраніи подольше. Съ своей стороны, и Парася была поражена наружностью, тономъ рѣчи и чѣмъ-то непостижимо-очаровательнымъ въ его обращеніи. Задумалась она о своей судьбѣ, обрекавшей ее на жизнь въ кругу скучнаго и тягостнаго для нея сословія, завидовала своимъ сверстницамъ, изъ которыхъ каждая могла смотрѣть на молодцеватаго незнакомца, какъ на своего суженаго. Взглядъ его, устремленный на нее съ безмолвнымъ удивленіемъ, остался у нея въ сердцѣ, и это обстоятельство заставило ее умолчать передъ матерью о встрѣчѣ съ паробкомъ, которому подобнаго она еще не видѣла. Слѣдовавшій за тѣмъ вечеръ былъ такой же ти-

хій, такой же благоуханный и свѣтлый. Луна, поднявшись надъ лѣсомъ, начинала творить на землѣ свои чары. Подъ пѣсни соловьевъ запѣли въ урочищѣ Гóйдалкахъ дівчáта, а съ ними и Парася. И пѣли онѣ въ своихъ пѣсняхъ про любовь, про ея томленія и радости, и каждое молодое сердце благоухало естественными чувствами, какъ и цвѣты своими ароматами. И странно были изумлены дівчáта: имъ показалось, что вмѣстѣ съ эхомъ имъ подпѣвастъ чей-то посторонній голосъ. Нѣсколько времени онѣ не довѣряли своему слуху; наконецъ открытіе сдѣлалось несомнѣннымъ. Что-то кольнуло Парасю въ сердце, и когда пѣвицы прервали въ смущеніи свою пѣсню и изъ-за дерева вышелъ къ нимъ вчерашній посѣтитель, привѣтствуя ихъ уже какъ знакомый, она испугалась его появленія, какъ чего-то сверхъестественнаго. Но и голосъ его, и шутки, и пѣсни, которыя онъ началъ запѣвать, заохочивая дівчáтъ къ продолженію прерванныхъ арій, убѣдили ее, что это не былъ духъ, а его наружность и способъ обращенія влекли ее къ себѣ непобѣдимой силою. Но не смѣла она покориться этому влеченію, сторонилась отъ него и, издали бросая на него взгляды, вслушивалась въ его голóсъ. Онъ замѣтилъ ея смущеніе и, щадя ее, поспѣшилъ удалиться, обѣщавъ явиться въ слѣдующій вечеръ. Когда онъ уѣхалъ, небольшой кружокъ полу-вѣтреныхъ, полу-задумчивыхъ хуторянокъ дер-

жалъ между собою *раду*, на которой старался опредѣлить: кто этотъ паробокъ, зачѣмъ онъ ѣздитъ сюда, и какъ съ нимъ поступать на будущее время? На первый вопросъ дівчáта могли отвѣчать одно только, что онъ *багатúрь*, то есть богачъ, потому что одна лента въ его сорочкѣ стóитъ не меньше четвертака и сіяетъ, какъ атласъ, при мѣсяцѣ, а бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка чуть ли не изъ самого коленкору. На второй вопросъ — что ему *сподобáлась* одна изъ ихъ кружка и что онъ ѣздитъ *залицáться* (*). Но такъ какъ очевидно было для всѣхъ, что его сердце повернулось къ Парасѣ, хотя рѣчь его обращалась ко всѣмъ; то весь кружокъ, связанный между собою общею къ ней преданностію, возненодовалъ на его виды, и рѣшено было не собираться больше на Гóйдалкахъ. Кто бы онъ ни былъ, сынъ ли богатого якумака, или любимый прикащикъ какого-нибудь пана, отпущенный на волю, — во всякомъ случаѣ залицанье его было бы слишкомъ оскорбительно, по ихъ мнѣнію, для майорской племянницы, которая шути одѣвается по-простому, но которая такая же панночка по богатству и по всему, какъ и любая изъ сосѣднихъ панскихъ дочерей. Положено было, однакожъ, держать эту исторію въ тайнѣ, и съ тѣмъ разошлась вечерняя дѣвическая сход-

(*) Это слово не имѣетъ въ Сѣверно-Русскомъ языкѣ синонима. Оно значитъ — лицемъ къ лицу искать женской благосклонности, стараться обратить на себя вниманіе, понравиться.

ка, и, возвращаясь, запѣли дівча́та примѣненную къ случаю пѣсню:

Ой не ходи́, багати́рю, коло́ мого́ ти́ну!

Тайна была сохранена вѣрными сверстницами Параси, но первое условіе не было выполнено. Всѣ онѣ до одной явились въ слѣдующій вечеръ на Го́йдалкахъ, и пѣсни ихъ дали знать Парасѣ о нарушеніи условія. Съ негодованіемъ побѣжала она сдѣлать имъ выговоръ, но это негодованіе не помѣшало ей замѣнить свои цвѣты свѣжими и, уходя, осмотрѣть себя въ зеркало. Выговоръ сдѣланъ былъ очень строгій, но дівча́та отвѣчали на него шуткою, въ которой скрывалась половина правды, — что такой суженый не годится для нея, какъ для панянки, а годится для нихъ, для простыхъ козаче́къ. Эта шутка, сопровождаемая рѣзвымъ хохотомъ, уязвила Парасю въ самое сердце. Въ подспорье робкой любви явилась ревность, и она сказала:

»Коли жъ такъ, то не уступлю его никому!«

»Боже поможи!« отвѣчали весело дівча́та. »Только панночкѣ не къ-стати сдѣлаться простачкою.«

»Не хочу быть панночкой!« воскликнула красавица. »Лучше быть счастливою простачкою, чѣмъ несчастною панночкой! У насъ была веселая хата въ селѣ; я знаю ту жизнь... и не боюсь простой козачьей жизни! Мнѣ плахта милѣе длинныхъ панскихъ платьевъ!«

Все это принято было за шутку сверстницами. Но не шутила Парася.

Всю прошлую ночь уже ей грезился чернобровый, черноусый козакъ; весь день звучалъ въ ея ушахъ голосъ его, и мучило ее данное дівча́тамъ обѣщаніе не являться въ Го́йдалки. Прибѣжала она къ нимъ съ наружнымъ негодованіемъ, но съ внутреннимъ довольствомъ, которое тотъ-часъ и высказалось. Рѣшась быть тѣмъ, чѣмъ создалъ ее Богъ, Парася возвратила себѣ утраченную на-время прямоту рѣчи и обращенія. Сагайдачный, явясь опять въ этотъ сельскій кружокъ, нашелъ уже возможность говорить съ нею. Она, по его просьбѣ, заводила пѣсни; она отвѣчала на его шуточные куплеты другими куплетами, которые сложилъ народъ въ пособіе людямъ, затрудняющимся сказать мысль, или выразить чувство прямо отъ своего лица. Она изумила его находчивостію, игривостію рѣчи, тонкостію пониманія каждаго чувства. Онъ убѣдилъ ее больше прежняго, что не для шутокъ и пѣсень посѣщаетъ ихъ вечернія сходки. Стало ясно и для всѣхъ дівча́тъ, что Богъ указалъ Парасѣ пару. Несомнѣнность этого обстоятельства связала еще больше откровенность Параси передъ матерью, а дівча́тъ наполнила опасеніемъ какой-то бѣды для нея и для нихъ. Что́, если узнаетъ объ этомъ майоръ? Майора всѣ боялись, единственно по причинѣ его молчаливости, и придавали ему характеръ, вовсе ему несвойственный.

Что скажетъ сама мать Параси, майорская сестра, уже не бѣдная козацкая вдова, а полновластная распорядительница богатаго хутора? Къ этому присоединилась еще неизвѣстность, кто таковъ именно вечерній посѣтитель Гойдалокъ. Онъ, по-видимому, хорошо зналъ, кто такая Парася, но о себѣ умалчивалъ, или выражался общими словами, отклоняя, однакожъ, и догадку, что онъ выше того, чѣмъ кажется. Онъ полюбилъ хуторскую красавицу, не смотря на то, что она такъ низко стояла въ отношеніи къ нему на общественной лѣстницѣ, но не хотѣлъ, чтобы раннее открытіе, кто онъ, польстило ея гордости. Онъ хотѣлъ, онъ ожидалъ, чтобъ его полюбили такъ, какъ любитъ простолюдина, способнаго внушить любить непорочному дѣвическому сердцу, и тогда только открылся своей суженой, когда совершенно въ томъ убѣдился. Много чудесныхъ вечеровъ провели они вмѣстѣ, не столько на глазахъ, сколько подъ охраною сочувствующихъ имъ дівчатъ, и тутъ-то рѣшено было сблизиться Сагайдачному съ домомъ Параси, и послѣ этого-то рѣшенія онъ проводилъ не однажды дальше, нежели слѣдовало, и получилъ отъ нея прощальный поцѣлуй, который причинилъ столько страданій несчастному майору. Люди положительные, люди, идущіе самою серединой современной жизни, скажутъ, что Сагайдачный *изъ ума дурилъ*, совершая свои калифовскія странствованія между простонародьемъ; скажутъ,

пожалуй, что онъ не зналъ порядочнаго общества, если могъ влюбиться въ полудикую красавицу. На подобныя заключенія каждый имѣетъ свои права и пускай будетъ ими доволенъ. Наше дѣло представить только фактъ, выражающій движеніе современнаго человѣка впередъ, или отступленіе его назадъ, въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный. А онъ — не исключительное явленіе. Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которою не видать уже движеній часто природныхъ. Уже Славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ Польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаетъ для своего сердца движенія воды живыя:

Gdybym miał ieszze dać me serce komu,
Oddałbym go dziewczynie z wieśniaczego domu;
Stałbym się z ducha synem, ojcem mego ludu...
Godny trud życia, godne życie trudu! (*)

Такъ случилось и здѣсь. Борьба съ жизнію, вѣчный бой съ ордою варваровъ и хищниковъ, которые ежедневно дѣлаютъ покушенія на чест-

(*) Еслибъ у меня было сердце, готовое еще любить, я бы отдалъ его дѣвушкѣ изъ простонароднаго семейства, я бы сдѣлался по духу сыномъ и отцемъ моего народа. Подвигъ, стоющій жизни; жизнь, стоющая подвига!

ную и безоружную часть общества, не подавили сердца въ Сагайдачномъ, но, по своему особенному воспитанію, его сердце могло отдаться только такой женщинѣ, какъ Парася, — женщинѣ, образованной или народомъ въ лучшей его средѣ, или совершеннѣйшими людьми просвѣщеннаго общества.

Ничего этого не знала и не могла знать бѣдная служилая голова майора. Опредѣляя себѣ Сагайдачнаго по-майорски, онъ видѣлъ въ немъ человѣка высшаго общества, для котораго хорошенькая дѣвушка изъ низшаго—то же самое, что́ кроликъ для льва. Человѣческаго было въ майорѣ очень много, и это человѣческое возмутилось въ немъ всею своею силой. Онъ рѣшился наказать коварный поступокъ, которыхъ тысячи остаются безъ всякой человѣческой кары, кромѣ развѣ уязвленія со стороны змѣинаго жала сплетницъ, изливающихъ, впрочемъ, свой ядъ преимущественно въ растерзанное сердце жертвы соблазна и мало дающихъ чувствовать его холодному сердцу соблазнителя.

Окончивъ свой чай и обычное количество трубокъ въ молчаніи, онъ совершенно обдумалъ, какъ ему распорядиться въ этомъ важномъ случаѣ. Больше всего затруднялъ его вопросъ: какимъ образомъ послать Сагайдачному вызовъ, не давъ этого замѣтить сестрѣ и племянницѣ? Удалясь въ спальню, онъ написалъ этотъ вызовъ дрожащею рукою и назначилъ Сагайдачному явиться завтра къ десять часовъ утра, у пограничнаго камня, подъ

извѣстнымъ въ околоткѣ *Луковымъ дубомъ*, если онъ считаетъ себя честнымъ человѣкомъ; въ противномъ случаѣ грозилъ искать его по всему свѣту и, найди, убить, какъ хищнаго звѣря. Записку эту мялъ и переминалъ майоръ въ рукахъ долго. Наконецъ положилъ въ карманъ и вышелъ на обычную передъобѣденную прогулку.

Въ сосѣдней рощѣ встрѣтилъ онъ своего кучера, который назывался Радько́. Радько́ былъ старый бездѣтный вдовецъ, имѣлъ видъ суровый и такое выраженіе лица, какъ-будто только-что плюнулъ на что-то досадное. Онъ не выпускалъ изо рта трубки, и трубка была, по-видимому, самымъ пріятнымъ для него предметомъ въ свѣтѣ. На дівча́тъ и молодицъ онъ давно ужъ не смотрѣлъ: покойная жена его была вздорное существо, вѣчно всѣмъ недовольное, и навсегда отвадила его отъ своего пола. Дѣти перемерли вслѣдъ за нею, и Радько изъ всей своей жизни извлекъ одно только заключеніе: *Чортъ-ма́ въ світі добра́!* Эти слова онъ повторялъ часто, а если и молчалъ, то они ясно выражались на его лицѣ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ преданъ былъ своей хозяйкѣ, сестрѣ майора, такъ что въ хуторѣ одинъ только собаки были вѣрнѣе его. Майоръ это зналъ и совершенно былъ увѣренъ, что Радько не скроетъ отъ него своего посольства къ Сагайдачному. А возложить это порученіе было больше не на кого́. Налагать же на Радька молчаніе

было бы дѣломъ напраснымъ, потому что Радько, при всей своей молчаливости, явно показывалъ, что смотритъ на майора, какъ на лице постороннее, почти какъ на постояльца, а служитъ вѣрой и правдой тому, кто держитъ въ своихъ рукахъ бразды хуторского правленія. Что́ было дѣлать въ такомъ случаѣ? Оставалось только прикинуться пріятелемъ Сагайдачнаго и пригласить его, посредствомъ записки черезъ Радька, будто-бы въ гости. Но притворство и игра какой бы то ни было взятой на себя роли были всегда чужды прямому характеру майора, а въ настоящемъ случаѣ оказались для него, просто, не возможны. Проходя мимо Радька, онъ ограничился только тѣмъ, что осмотрѣлъ испытующимъ взоромъ его черствую и недовольную жизнью физіономію, а Радько, изъ уваженія къ нему, снялъ бриль и вынулъ изо рта трубку; и такимъ образомъ они разошлись въ противоположныя стороны. Радько остался недоволенъ обращеннымъ на него вниманіемъ и подумалъ: *Ви́пивъ чоловікъ, чи не ви́пивъ, уже й ди́витця, на́че на ведме́дя!* А майоръ между тѣмъ обдумывалъ, съ которой бы стороны взяться за дѣло и какъ употребить въ него недовольнаго жизнью Радька. Ничего лучше не могъ онъ, однакожъ, придумать, какъ послать Радька ночью, когда всѣ улягутся спать, а отъ сестры и отъ племянницы отдѣлаться за чаемъ молчаніемъ, прогулка же должна была покончить дѣло.

ГЛАВА XII.

Наступившій послѣ обхода хутора обѣдъ былъ самый скучный. Майоръ ѣлъ мало и не говорилъ почти ничего. Сестра и племянница отсутствіе аппетита и молчаніе приписывали болѣзни, которую онъ скрывалъ, по своему обыкновенію, пока въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Послѣ обѣда онъ ушелъ къ себѣ, и всякій разъ, какъ приходила къ нему которая-нибудь изъ хозяюшекъ, онъ удалялся въ спальню. Передъ вечеромъ пріѣхалъ къ нему Иволгинъ. Онъ обрадовался посѣтителю больше обыкновеннаго: ему нужно было присутствіе посторонняго человѣка, потому что видъ сестры и племянницы, которыхъ судьба представлялась ему въ трагическихъ чертахъ, терзалъ его сердце. Притомъ же пріѣздъ Иволгина доставлялъ ему возможность имѣть секунданта для завтрашняго поединка: этого требовали его врож-

денная честность и усвоенныя на службѣ понятія о чести.

Иволгинъ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Онъ удостоился обѣдать сегодня у князя, въ позднюю аристократическую пору, и пріѣхалъ къ майору похвалиться. При этомъ онъ привезъ майору княжескій поклонъ, на который майоръ, какъ и прежде, отвѣчалъ: »Добродѣтельный вельможа!« Вслѣдъ затѣмъ Иволгинъ объявилъ, что князь очень интересуется его усадьбой и готовъ былъ бы купить ее.

»На что князю моя усадьба?« спросилъ майоръ.

»На то«, отвѣчалъ Иволгинъ, »чтобы построить здѣсь замокъ въ Готическомъ вкусѣ. Такой вельможа не можетъ оставить Майоровщину въ ея нынѣшнемъ видѣ. Я ихъ очень хорошо понимаю, этихъ великихъ людей. У нихъ все выходитъ этакое грандіозное. На всемъ они оставляютъ слѣды своего могущества. Признаюсь, пріятно было бы видѣть на этихъ высотахъ, посреди лѣса, зубчатыя стѣны, остроконечныя кровли и надъ ними этакой флагъ. Вельможа здѣсь живетъ, а не простой смертный! По-моему, это была бы честь всему нашему уѣзду.«

»Но я никогда не располагалъ продавать свою усадьбу«, сказалъ майоръ.

»Такъ что же? Случай такой! величіе предмета, знаменитость покупателя, — вотъ что возьмите въ соображеніе.«

»А самъ я гдѣ буду коротать жизнь?«

»Мало ли гдѣ? Съ вашими средствами можно найти вездѣ пріятное и комфортное существованіе.«

»Правда, не долго ужъ мнѣ и коротать на свѣтѣ!« сказалъ въ полъ-голоса майоръ, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ гостю.

Иволгинъ не обратилъ вниманія на эти слова, за которыя онъ могъ бы схватиться. Его слишкомъ сильно занимало *величіе предмета*.

»У васъ есть племянница«, продолжалъ онъ, великодушно входя въ положеніе майора. »Я съ вами согласенъ. Наслѣдство послѣ дяди, разумѣется, пріятная вещь. Но деньги развѣ не наслѣдство? А денегъ князь не пожалѣетъ. Сколько тысячъ вы желаете?«

»Я не о деньгахъ теперь думаю«, сказалъ майоръ.

»А о чемъ же? Такая богатая невѣста найдетъ готовый для себя домъ и заживетъ не хуже, какъ въ Майоровщинѣ. Но я васъ прошу, ваше превосходительство, принять во вниманіе вотъ что. Если Майоровщина перейдетъ къ вашей племянницѣ въ наслѣдство натурою, а не банковыми билетами, то изъ рода въ родъ останется она хуторомъ. Понимаете? Напротивъ, сдѣлавшись княжескою собственностію, она возвѣститъ міру о величіи человѣка, который воздвигнетъ здѣсь дворецъ, или замокъ. Если вамъ угодно понять меня, ваше превосходительство; то я на это смотрю какъ на подвигъ, для васъ обязательный.«

»Почему же это?«

»Потому что вы имѣете дѣло не съ простымъ покупщикомъ, а съ государственнымъ человѣкомъ. Представьте только, что отъ одного почерка его пера одни идутъ въ Сибирь, другіе сажаются въ тюрьму, богачи лишаются состоянія, бѣдные проливаютъ слезы умиленія. И этакой человѣкъ желаетъ излить золотой дождь своихъ сокровищъ на вашу Майоровщину! Воля ваша, а съ вашей стороны это былъ былъ бы подвигъ патріотическій.«

»Патріотическій, или нѣтъ«, сказалъ майоръ, »но мнѣ пріятно было бы выразить князю свою признательность за его высокое ко мнѣ вниманіе, только не этимъ способомъ.«

»А чѣмъ же вы можете выразить? скажите, чѣмъ инымъ можете вы выразить? Визитомъ, что ли? Это больше *вамъ* честь, нежели ему. Съ позволенія вашего сказать, у него въ столицѣ пріемная зала набита генералами; такъ что же мы тутъ значимъ съ своими хуторскими визитами? Генералы передъ нимъ въ струнку!« продолжалъ одушевляясь Иволгинъ, и самъ вытянулся въ струнку передъ майоромъ и принялъ смиренное выраженіе лица, воображая себя въ генеральскомъ чинѣ передъ лицемъ неизмѣримо-знатнаго вельможи.

»Ужъ еслибы на то пошло«, сказалъ задумчиво майоръ, »то я бы не взялъ отъ князя денегъ.«

»Какъ не взяли бы денегъ?« спросилъ Иволгинъ.

»Такъ, я бы подарилъ ему свою усадьбу«.

»Что-о вы?« сказалъ Иволгинъ и посмотрѣлъ на майора, какъ на человѣка въ бреду.

Майоръ спокойно продолжалъ курить трубку, какъ-будто не сказалъ ничего необыкновеннаго.

Слова его, однакожъ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на Иволгина. Онъ прошелся раза два взадъ и впередъ, и всякій разъ, проходя мимо майора, бросалъ на него косвенный взглядъ, между-тѣмъ какъ нижняя губа его выражала своимъ движеніемъ фразу: *Что за оказія!* Самая свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ преданнаго князю посредника: сдѣлать его сіятельству неожиданный сюрпризъ, привезя ему, въ одно прекрасное утро, дарственную запись отъ майора. Но дѣло это всетаки казалось ему столь необыкновеннымъ, возможность осуществить его столь трудною, что онъ отложилъ дальнѣйшія дѣйствія по этому предмету до болѣе зрѣлаго обсужденія, какъ повести свою тактику. Онъ ужъ раскаялся, что принялъ слова майора съ удивленіемъ: ему бы слѣдовало, просто, имъ аплодировать и только, а потомъ искусно наводить майора отъ времени до времени на эту мысль. Чтобы загладить въ умѣ майора вредное впечатлѣніе, онъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ подсѣлъ къ нему и началъ разсказывать анекдоты о сосѣдяхъ, по своему обыкновенію.

»Какъ нашъ вѣкъ шагнулъ впередъ!« говорилъ онъ. »Всѣ стараются просвѣтить своихъ дѣтей и сдѣлать ихъ, что называется, людьми. Вы знаете

Бычка Ивана Осиповича? Говорите: *не знаю*, потому что это въ самомъ дѣлѣ уму непостижимый человѣкъ. Вообразите, воспитаніе сыновей не стóитъ ему ровно ничего. Привозитъ онъ ихъ въ городъ и помѣщаетъ на квартирѣ у глухого учителя. А глухого учителя вы знаете? Это человѣкъ еще непостижимѣйшій. Вообразите: совѣстится брать деньги за свои труды. Я вамъ разскажу презанимательную сцену. Есть у насъ въ городѣ нѣкто Святоша. Этого ужъ навѣрное знаете: тотъ, что́ живетъ за плотиною. Договаривается ходить къ нему въ домъ на уроки глухой учитель и требуетъ, за два урока въ недѣлю, два съ полтиною въ мѣсяцъ. Онъ, бѣдный, воображалъ, что Святоша станетъ торговаться, и намѣренъ былъ сбавить полтину. Но Святоша говоритъ святымъ своимъ голосомъ: »Хорошо, Прокопъ Семеновичъ.« Бѣдному старичку стало совѣстно, что запросилъ такъ много, и онъ пренаивно спрашиваетъ: »А можетъ быть, дорого?« — »Нѣтъ не дорого«, отвѣчаетъ святымъ голосомъ Святоша; и представьте себѣ двухъ дураковъ: начинаютъ торговаться въ противоположномъ смыслѣ. Глухой учитель стоитъ на двухъ рублихъ, а Святоша на двухъ съ полтиною. Наконецъ глухой учитель выговариваетъ условіе, чтобы ходить не два, а три раза въ недѣлю, и на томъ покачиваютъ споръ. У этого-то глухого учителя Бычокъ нашъ помѣщаетъ на квартирѣ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ онъ училъ ихъ всякой пре-

мудрости, и отъ него бы они ходили въ училище. Плата самая малая, но Бычокъ и не думаетъ платить по условію. Этого, однакожъ, онъ въ началѣ года не объясняетъ, а только отсрочиваетъ взносъ денегъ отъ трети до трети. Въ концѣ года учитель требуетъ наконецъ денегъ, а Бычокъ объявляетъ ему, что онъ безпокоится о разчетѣ напрасно. »Я бралъ отъ васъ дѣтей къ Рождеству на сколько-то недѣль, къ Великодню — на столько-то, кромѣ того — къ Троицыну дню, къ Спасу, къ Покрову, на Масляной. Сосчитайте-ка, сколько это выходитъ времени? Около трети года. Въ это время вы не смѣли бы кормить благородныхъ дѣтей кой-какъ. Вы бы должны были готовить для нихъ такую пищу, какую они ѣдятъ у меня дома на праздникахъ. Вотъ и выходитъ, что мы ничего другъ другу не должны....«

»Богъ съ нимъ!« прервалъ разскащика майоръ. »У меня есть къ вамъ просьба, Капитонъ Павловичъ.«

»Просьба!« воскликнулъ Иволгинъ. »Вотъ ужъ не ожидалъ, чтобы вы могли меня о чемъ просить! Да я весь къ вашимъ услугамъ! Требуйте отъ меня не только тѣло, но и душу.«

»Не нужно мнѣ ни того, ни другого. Я васъ прошу только быть моимъ секундантомъ.«

Надобно здѣсь замѣтить, что Марьянка давно уже поставила на столъ подносъ съ подкрѣпительными напитками и яствами. Иволгинъ пилъ

мало за столомъ у князя и вознаграждалъ себя за то у майора. Но рюмка чуть не вынала у него изъ руки, когда онъ услышалъ слово *секундантъ*, много лѣтъ уже не поражавшее его слуха. Тутъ онъ въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что майоръ не въ своемъ умѣ, и опечалился, что слово о подаркѣ сказано въ бреду. Но майоръ имѣлъ видъ здороваго умомъ человѣка и спросилъ:

»Что́ вы такъ на меня смотрите?«

»Откровенно вамъ скажу, я не вѣрю своимъ ушамъ«, отвѣчалъ Иволгинъ. »Да съ кѣмъ тутъ драться и за что́?«

»Ну, хоть бы съ Сагайдачнымъ!«

На это Иволгинъ сказалъ только длинное: *а-а-а!* Потомъ прибавилъ:

»Такъ шило таки въ мѣшкѣ не утаилось?«

»Что́ вы подъ этимъ разумѣете?« спросилъ съ неудовольствіемъ майоръ.

»То, что Сагайдачный подъѣхалъ....«

»Молчите!« вскричалъ майоръ, протягивая къ Иволгину руку, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто слѣдующее слово должно было быть смертоноснымъ ударомъ. »Не говорите, не смѣйте говорить болѣе! Я у васъ объ одномъ спрашиваю: согласны ли вы быть секундантомъ, или нѣтъ?«

»Согласенъ отъ всего сердца!« сказалъ Иволгинъ.

Сагайдачный былъ личный врагъ его, Богъ знаетъ почему, и радовался Иволгинъ, что увидитъ его подъ выстрѣломъ. »Майоръ — воинъ опытный; у него рука не дрогнетъ, а вотъ посмотримъ, какъ этотъ столичный щелкоперъ почувствуетъ себя передъ взведеннымъ курком!« Такъ думалъ онъ. Но сильнѣе самой мстительности заговорило въ немъ другое чувство.

»Ваше превосходительство!« сказалъ онъ, »какъ же вы оставляете ваше наслѣдство?«

»Какъ будетъ угодно Богу«, отвѣчалъ майоръ.

»Какъ же это? Вѣдь человѣкъ смертенъ, а тѣмъ больше, когда идетъ на поединокъ. Вы бы того... совершили сперва актъ....«

»Богъ съ нимъ! не до акта мнѣ теперь.«

»А князь при чемъ же останется, въ случаѣ вашей кончины?«

»Что́ жъ князь? Онъ можетъ купить и у моихъ наслѣдниковъ. Да, признаюсь, для меня это все равно,«

»Какъ же это? Что́ жъ это вы говорите? Давно ли вы сказали совсѣмъ другое? Подумайте, о комъ идетъ дѣло. Вѣдь это не простой смертный.«

»Знаю; только, право, я не въ силахъ теперь ни о чемъ больше думать.«

Иволгинъ былъ въ большомъ затрудненіи. Заставить майора сдѣлать что-нибудь противъ воли — не было возможности. Это онъ зналъ. Онъ также зналъ, что настойчивость можетъ вызвать въ немъ врожденное Украинское упрямство, и тогда онъ на-отрѣзъ откажется отъ великодушнаго дви-

женія души въ пользу князя. Хорошо, если въ поединкѣ падетъ Сагайдачный: тогда князь сдѣлается защитникомъ убійцы, и подарокъ Майоровщины будетъ естественнымъ слѣдствіемъ его высокаго покровительства. Но если.... Иволгинъ боялся договорить въ умѣ противоположную мысль. Конечно, Сагайдачный тогда погибнетъ, — это не малое утѣшеніе. Но за-то какое горе! у князя выскользнетъ изъ рукъ драгоцѣнный подарокъ. Иволгинъ входилъ въ интересы его сіятельства безкорыстно, за одно ласковое слово, за честь называться его знакомымъ. Удруживъ ему Майоровщиною, онъ навсегда утвердилъ бы за собою право на его высокую благосклонность, а это не пустяки: это озарило бы его тусклую, обѣднѣвшую жизнь и дало бы ей новое, важное значеніе въ глазахъ всего уѣзда. Вотъ изъ чего хлопоталъ Капитонъ Павловичъ Иволгинъ!

»Такъ вотъ какъ, ваше превосходительство!« сказалъ онъ, возвращаясь къ своей беззаботности, послѣ минутнаго раздумья. »Ну, пью за ваше здоровье и за успѣхъ вашего поединка! Надѣюсь, что вы покажете разницу между рукой, владѣвшею оружіемъ, и рукой, которая знаетъ одно презрѣнное перо. Что́ касается до меня, я весь къ вашимъ услугамъ. Не прикажете ли мнѣ доставить лично вызовъ Сагайдачному?«

Эта мысль не приходила въ голову майору. Онъ съ радостію согласился на предложеніе Иволгина.

Роковая записка была передана изъ рукъ въ руки. Время съѣзда у Дукова дуба назначено. Иволгинъ, полудовольный, полупечальный, оставилъ Майоровщину.

Солнце торжественно опускалось къ потемнѣвшему лѣсу. Украинская природа сіяла въ тишинѣ лѣтнею роскошью. Какъ бы можно жить на свѣтѣ среди такой природы! Но какъ упорно не даютъ люди одинъ другому зажить на свѣтѣ безмятежною жизнію!

ГЛАВА XIII.

Каждому изъ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти удѣлили мы значительную долю нашего сочувствія, или участія. Даже и Радько́, котораго невозможно было майору употребить въ дѣло, и тотъ не остался безъ сочувственнаго нашего взгляда. Одинъ только Иволгинъ какъ-будто отчужденъ нами отъ общаго права нашихъ ближнихъ. По крайней мѣрѣ пишущій эти строки чувствовалъ, при его имени, какое-то внутреннее неудовлетвореніе, точно какъ-бы далъ неточное понятіе о человѣкѣ, котораго хорошо знаетъ, точно какъ-бы выставилъ передъ кѣмъ-нибудь отталкивающія свойства его, умолчавъ о тѣхъ, которыя способны привлечь къ нему участіе. Авторъ не можетъ опредѣлительно назвать такія свойства въ Иволгинѣ, потому что въ натурахъ, образовавшихся въ самой тинѣ жизни, всѣ черты характера, въ своемъ смѣшеніи, представляютъ темный омутъ, въ которомъ трудно отличить лучшее отъ дурного. Но всё-таки, пока человѣка называютъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ надобно предполагать въ немъ и свойства человѣческія, подавленныя, изуродованныя, но тѣмъ не менѣе присущія его натурѣ. Авторъ, съ самого начала повѣсти, имѣлъ это въ виду, относительно Иволгина; но Иволгинъ, противъ его воли, вышелъ у него лицемъ, при встрѣчѣ съ которымъ пріятно поскорѣе разминуться. Авторъ объ этомъ искренно сожалѣетъ и проситъ читателя еще вглядѣться въ Иволгина: неужели въ самомъ дѣлѣ это погибшій человѣкъ? неужели безкорыстное лакейство — сама свѣтлая черта въ этомъ характерѣ?

Послѣдуемъ за нимъ изъ хутора Майоровщины неотступно и не оставимъ безъ вниманія ни одной мелочи, которая можетъ характеризовать его.

»Такъ такъ-то, ваше превосходительство!« говорилъ мысленно Иволгинъ, слегка подскакивая на своей лошадкѣ. »И вы наступили на терновые шипы въ блаженномъ вашемъ уединеніи! И вы возмутились въ вашей невозмутимости!... Да́, чортъ возьми, жаль мнѣ васъ!... Вѣдь вы — предобрая душа. Только не умѣете жить по чину и по состоянію. Еслибы скупость, другое дѣло; ато, просто мужицкое, неумѣнье. Фортуна все можетъ дать человѣку, все, кромѣ благородства. И отнять можетъ фортуна все, какъ вотъ у меня; но попробуй она отнять у меня имя Иволгина; нѣтъ, чер-

та съ два! У васъ фортуна безсильна въ своихъ благодѣяніяхъ, а у меня — въ своей свирѣпости. Чертъ возьми, однакожъ, какъ она коварно вертитъ свое колесо! Надобно быть женщиной, чтобъ этакъ капризничать. Давно ли майоръ былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ? а теперь что́ ему предстоитъ? Вѣдь если я возьму свои мѣры, то онъ въ минуту торжества — жертва полиціи; а, чего добраго, та самая фортуна, что увѣшала его грудь орденами, всадитъ пулю въ эту самую грудь. Глупое счастье человѣческое! Умница тотъ, кто никогда въ тебя не вѣровалъ. Рюмка водки — вотъ одно, что́ можно назвать вѣрнымъ въ жизни. А женщины.... вотъ женщина, майорская племянница! Таковы всѣ онѣ! Всѣ таковы! Умно я сдѣлалъ, что не женился!«

При этомъ глубокій вздохъ вырвался изъ груди Иволгина, и на нѣсколько минутъ онъ грустно и повѣсилъ голову. Душевная пустота, которую онъ чувствовалъ, подавила въ немъ всякую мысль, прервала всякую умственную рѣчь. Есть боли душевныя, которыя человѣкъ ужасается выразить даже и нѣмою мыслію: это бездонныя пропасти, измѣримыя только неизмѣримымъ мѣры отчаяніемъ, это кромѣшная тьма, которою грозитъ намъ великій проповѣдникъ безсмертія.

Иволгинъ не зналъ, какъ заглушить свои нѣмыя страданія, и началъ немилосердно хлестать арапникомъ своего надорваннаго коня. Какъ птица, полетѣлъ несчастный конь между цвѣтущихъ нивъ, и храпѣнье его вторило клокотанью наспиртованной крови въ сердцѣ всадника. Крехтя и вмѣстѣ стоная, онъ вскрикнулъ: »Ахъ, чертъ возьми!«

Еслибъ у него самого спросили, что́ значатъ эти слова, онъ бы не могъ объяснить ихъ. Лицо его покрылось синеватою блѣдностью; глаза горѣли, какъ-будто онъ только что выпилъ стаканъ спирту. Душа болѣла у него до такой степени, что мучить коня, летѣть стрѣлою по полю и стонать, подобно голодной хищной птицѣ, казалось ему какимъ-то утоленіемъ боли. И не скоро переменилъ бѣдный почтовый конь разрушительный галопъ свой, не скоро пришелъ въ нормальное состояніе бѣдный всадникъ. Оба они были несчастнѣйшія существа въ мірѣ: оба прошли суровую школу жизни, а учителемъ въ этой школѣ была безчувственная и безсмысленная глупость.

»Жениться....« продолжалъ размышлять Иволгинъ, успокоясь и видя, что конь его рѣшительно отказывается отъ галопа. »Хорошо жениться, когдабы зналъ навѣрное, что тебя любитъ. Наши развѣ умѣютъ любить? Наши только кокетничаютъ да ломаются. Иное дѣло вотъ эта.... вотъ еслибъ *эта* была не мужичка! Да́, жаль, чертъ возьми, что не чета нашему брату по сословію! Ато вѣдь и приданое, и красота.... и ужъ, еслибы полюбила, то полюбила бы, что́ называется, безумно, безъ разсчету, просто, полюбила бы, и только!...

Вѣдь вотъ мужикомъ нарядился — и богатство для нея вздоръ! Она въ немъ не Сагайдачнаго, она въ немъ мужика полюбила и готова жить съ нимъ въ простой хатѣ. Этакой дай мнѣ любви, а не той, которою потчеваютъ насъ въ кадрилихъ, по справкамъ и наставленіямъ маменьки! Жаль только, что благородства ей не достаетъ. Что ни говори, а великое дѣло порода, и не даромъ Господь создалъ дворянъ особо, а мужиковъ особо. Дворянинъ и рѣчь поведетъ иную, и поступь у него гордая, и взглядъ у него смѣлый; а мужикъ всё будетъ чувствовать, что онъ, такъ сказать, сынъ черни и что не здѣсь его мѣсто. Что ни скажетъ онъ, выходитъ смѣшно, и не клеится его разговоръ съ нашимъ. Однакожъ вчужѣ досадно, какъ подмостился къ ней этотъ столичный пройдоха. Но мы съ нимъ расправимся; пускай онъ знаетъ, что куронатки у насъ продаются дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Разбестія этакая! вѣдь смекнулъ, какою тропинкой подойдти поближе. Отъ барича она бы сторонилась до тѣхъ поръ, пока не пригласилъ бы ее въ церковь; а мужикъ мужику вѣритъ.... Но она не похожа была на мужичку, пока не перерядилась въ этотъ глупый костюмъ. Кто ее училъ такъ мило держаться, такъ плавно выступать? Ужъ истинно сама природа!... Загадка для меня этотъ Сагайдачный. Называютъ его министерскою головою. Еслибъ онъ былъ точно голова, не бросилъ бы онъ Петербурга, не зарылся

бы въ хуторѣ, не школьничалъ бы, якшаясь съ мужиками. Да и эта его штука.... вѣдь это самое пошлое новѣшничанье. Оно, конечно, заманчиво. Но мнѣ никогда не приходило въ голову.... А этимъ отсырѣвшимъ въ болотѣ Петербургцамъ все ни по чемъ. Пишутъ о патріотизмѣ, о высокихъ чувствахъ, а наткнулся на патріота,— ни во что его ставитъ. Майоръ, конечно, по рожденію, мужикъ, но заслуги на полѣ брани поставили его высоко. Онъ дѣломъ патріотъ, а не словами. Какъ же вы, милостивый государь, не уважили его ранъ? во что вы его оцѣнили, сыгравши маскарадную штуку съ племянницей? У васъ въ столицѣ это называется интрижка, у насъ уѣздѣ — подлость. И этакой подлости мы не прощаемъ. Не вельможа вы какой-нибудь, чтобы куралѣсить безнаказанно. Интересно знать, какъ вы меня встрѣтите, такъ ли, какъ на станціи, или немножко повнимательнѣе.«

И началъ Иволгинъ обдумывать, какую принять осанку и какую повести рѣчь, явись къ Сагайдачному. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, и рука его машинально поднялась, чтобы застегнуть сюртукъ на верхнюю пуговицу и обнаружить крестикъ. Но вспомнилъ онъ, что въ столицахъ у людей новаго вѣка ордена имѣютъ иное значеніе.

»Нѣтъ«, произнесъ онъ мысленно, »лучше явлюсь къ нему человѣкомъ современнымъ, безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній. Пусть онъ видитъ

по моему тону и осанкѣ, что находится въ присутствіи представителя благороднаго дворянства. Милостивый государь! вы нарушили правила честности.... Нѣтъ, это не годится. Это дастъ ему право вспыхнуть чувствомъ оскорбленнаго достоинства и наговорить мнѣ дерзостей. Кто не побоялся обидѣть такого человѣка, какъ майоръ, тотъ ничего не побоится. Всего лучше съ холодною учтивостью вручить посланіе, которое скажетъ само за себя. А между тѣмъ возьмемъ мѣры противъ ночного выѣзда въ Петербургъ. Они вѣдь мастера на это, чтобы накуралѣсить и ускакать въ свой притонъ, на край свѣта. Поди отыскивай его въ болотѣ!«

Но какая-то робость овладѣла Иволгинымъ, когда передъ нимъ показался изъ-за горы хуторъ Сагайдачнаго, — та робость, которою сопровождается сознаніе своего ничтожества въ присутствіи человѣка сильнаго. Напрасно онъ одушевлялся правомъ дворянскаго равенства: ему было какъ-то не по себѣ, точно онъ подъѣзжаетъ къ дому новаго для него князя, или графа, не зная напередъ, какъ его встрѣтятъ. Иволгинъ отъ всей души ненавидѣлъ Сагайдачнаго, но презирать его не могъ. Въ Донъ-Жуановскомъ его успѣхѣ онъ видѣлъ новое доказательство его превосходства. Осуждая его во имя честности, онъ лицемѣрилъ передъ самимъ собою: онъ пожалуй согласился бы быть на его мѣстѣ. Онъ завидовалъ ему втайнѣ, онъ почти

уважалъ его за сближеніе съ майорскою племянницей, понятое имъ въ самомъ грубомъ смыслѣ, но подавлялъ въ себѣ эти чувства и насильно вызывалъ другія, противоположныя. Трудно опредѣлить, гдѣ въ немъ оканчивалась искренность, и гдѣ начиналось лицемѣріе. Иволгинъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые въ душѣ не называютъ порока добродѣтелью, но готовы служить и недостойному, и благородному дѣлу почти безразлично, смотря по тому, въ какую сторону увлечетъ ихъ эгоизмъ. Чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ негодяемъ, не доставало ему нѣкоторыхъ преимуществъ передъ прочими смертными; чтобы сдѣлаться человѣкомъ достойнымъ, не доставало ему твердыхъ основаній нравственности. Робость и неумѣнье обдѣлать смѣлое дѣло удерживали его отъ вопіющихъ преступленій; безсиліе ума и воли дѣлали его шаткимъ во всемъ что́ называется поступкомъ честнымъ. Что́ касается до сердца, то полковой командиръ его, добрякъ по природѣ, но матеріялистъ по понятіямъ, называлъ сердце дуракомъ. Товарищи по службѣ всякое нѣжное, или пылкое чувство дѣлали предметомъ анекдотовъ. Иволгинъ привыкъ ставить чистыя внутреннія свои движенія ни во что́, стыдился въ нихъ признаваться; а между тѣмъ ограниченность его ума и бѣдность внѣшнихъ достоинствъ были причиною, что не обратила на него вниманія ни одна достойная женщина, кото-

ран бы истолковала ему собственную его душу. Онъ сталкивался только съ куклами, которыхъ маменьки торопили выходить замужъ, и безцвѣтно, однообразно, какъ столбовая дорога, пронеслась его молодость, и лучшимъ его воспоминаніемъ осталось то, что̀ въ ней было худшаго, — растрата силъ въ ночныхъ сидѣньяхъ за карточнымъ столомъ, въ тяжелыхъ похмѣльяхъ послѣ пирушекъ и въ наслажденіяхъ чисто-матеріяльныхъ.

Казалось бы, что человѣку, взявшемуся за дѣло чести, нечего робѣть передъ виновнымъ въ ея нарушеніи. Казалось бы, что человѣку, вступившемуся за обиженную женщину и оскорбленнаго пріятеля, подобало исполнить свою роль съ непоколебимымъ присутствіемъ духа. Казалось бы, что дворянину, сознающему достоинство своей породы, какъ нѣчто не подлежащее даже власти самой фортуны, слѣдовало показать здѣсь отличіе свое отъ мужика, у котораго, по его же опредѣленію, не можетъ быть дворянской рѣчи и гордой, поступи и смѣлаго взгляда. Казалось бы, что, передъ съякшавшимся съ мужиками школьникомъ, нечего ему бояться, что смѣшно выйдетъ все, что̀ тотъ ему ни скажетъ, и не будетъ клеиться его разговоръ съ разговоромъ Петербургскаго пройдохи. Но, не будучи, такъ сказать, сыномъ черни, Иволгинъ чувствовалъ себя, однакожъ, не на своемъ мѣстѣ; точно взглядъ Сагайдачнаго одаренъ былъ таинственною силою, уничтожающею

всякое внѣшнее различіе сословій и уравнивающею людей по достоинствамъ, чисто человѣческимъ. Но, вступаясь за обманутую женщину и оскорбленнаго друга, онъ сознавалъ въ своей душѣ возможность такого же предательства и, противъ своей воли, видѣлъ въ Сагайдачномъ мастера дѣла, въ которомъ чувствовалъ себя человѣкомъ несостоятельнымъ. Онъ чуялъ, что будетъ объясняться съ человѣкомъ, имѣющимъ вокругъ себя широкій горизонтъ просвѣщенныхъ понятій, и видѣлъ себя заранѣе лѣнивымъ школьникомъ въ присутствіи учителя. Еслибъ Иволгинъ сохранилъ отъ природы и воспріялъ изъ жизни искренность и чистоту простыхъ нравственныхъ убѣжденій, какими отличаются многіе простолюдины, то это одно поставило бы его выше образованнаго повѣсы, какимъ былъ въ его глазахъ Сагайдачный. Но въ томъ и дѣло, что его мораль была слишкомъ бѣдна убѣжденіями, что онъ былъ человѣкъ безъ фундамента и во всякомъ дѣлѣ, индивидуально имъ предпринятомъ, былъ слабъ и ничтоженъ, какъ неразумное дитя. Всякое мнѣніе, всякій личный отзывъ, въ которомъ не было ему заслониться, наводили на него непонятную робость и неувѣренность въ себѣ. Онъ еще сознавалъ себя чѣмъ-то, пока, такъ сказать, оставался въ строю себѣ подобныхъ. Выйдя изъ строя, онъ чувствовалъ себя ничѣмъ. Это поймутъ легко всѣ, кому случалось наблюдать дво-

рянскія единицы на выборахъ, гдѣ, за непмѣніемъ собственнаго мнѣнія, иной дородный членъ благороднаго сословія, помѣстясь за спинами товарищей, гудитъ подъ общій гулъ густымъ басомъ одну безсловесную ноту непонятной для него оппозиціи.

Иволгинъ готовъ былъ повернуть назадъ; но окна старинпаго наслѣдственнаго домика Сагайдачнаго смотрѣли прямо въ степь, по которой онъ къ нему приближался. Хозяинъ могъ давно ужъ его видѣть и узнать. Отступленіе было невозможно.

Обнесенный низенькимъ плетнемъ дворъ былъ пустъ. Заходящее солнце бросило по зеленой его равнинѣ полосы тѣней отъ пирамидальныхъ тополей и отъ старыхъ хозяйственныхъ построекъ, и въ то же время сверкало, точно зажженные фонари, въ оконныхъ стеклахъ домика, ярко бѣлѣвшаго на темной зелени сада. За домомъ степная высота спускалась къ рѣкѣ, и видно было, что весь дворовый народъ веселился надъ рѣкой, по случаю праздника. Пѣсни и говоръ неслись оттуда глухимъ концертомъ. Иволгину не у кого было спросить, дома ли хозяинъ; некому было отдать на руки своего коня. Даже собаки ушли со двора вслѣдъ за людьми. Конюшня, сарай съ извѣстною Иволгину Краковскою бричкой стояли отворенные, такъ же какъ и двери въ дворовыхъ хатахъ, такъ же какъ и двойная наружная дверь

въ домѣ. Дворъ ему не былъ незнакомъ: онъ здѣсь бывалъ въ старые годы безъ всякаго дѣла, такъ, какъ у насъ всѣ одинъ у другаго бываютъ по-сосѣдски, хотя отецъ Сагайдачнаго слылъ очень ученымъ человѣкомъ и домосѣдомъ. Эта самая ученость была для многихъ поводомъ къ засвидѣтельствованію ему почтенія во время обѣда, или ранняго хуторского ужина; а онъ людей не чуждался и запросто велъ умную бесѣду съ умнымъ и дуракомъ, лишь бы его слушали. »Не таковъ вышелъ сынъ«, думалъ Иволгинъ, привязывая у крыльца своего коня. »Этотъ юродствуетъ; прикидывается мужикомъ, а съ нашимъ братомъ, дворяниномъ, важничаетъ, какъ начальникъ съ подчиненными. Погоди, погоди!«

ГЛАВА XIV.

Пріободрясь, Иволгинъ поправилъ на себѣ поношенный галстукъ, обтянулъ внизъ жилетъ и твердыми шагами вступилъ въ жилище гордеца. Въ домѣ было такъ же пусто, какъ и на дворѣ. Чиканье часовъ звонко раздавалось въ тишинѣ. Иволгинъ прошелъ переднюю, прошелъ другую комнату, забросанную развернутыми книгами и листами иностранныхъ газетъ; взглянулъ искоса на грамоту, которой немилосердо его учили и которую онъ забылъ отъ всей души. Что-то похожее на страхъ ощутилъ онъ отъ однихъ иностранныхъ начертаній, точно какъ-будто не вышелъ еще изъ-подъ опеки строгаго Нѣмца; но глубокое отвращеніе къ нимъ подавило чувство безотчетнаго страха. Онъ поспѣшилъ пройдти далѣе, но и далѣе никого не было, хотя это былъ, очевидно, центръ жилища Сагайдачнаго. Тутъ стоялъ письменный столъ, покрытый бумагами, а по стѣнамъ висѣли портреты, очевидно вывезенные изъ Петербурга, какъ дорогія воспоминанія. Идти далѣе было неловко. Но изъ кабинета вела въ садъ отворенная дверь. Иволгинъ вышелъ въ садъ. Съ высокой террасы виденъ былъ внизу народъ, занятый то праздничнымъ сидѣньемъ, то сельскими играми и пѣснями. Сагайдачный, лежа на дерновой скамейкѣ, смотрѣлъ съ высоты на эту простую воскресную сцену и позабылъ читать книгу, которую держалъ въ рукѣ.

Едва успѣлъ замѣтить его Иволгинъ, какъ онъ вскочилъ съ дернового дивана и сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ на-встрѣчу. Иволгинъ очень удивился, не найдя въ его лицѣ и слѣда того выраженія, которое такъ тягостно подѣйствовало на него во время оно. Это было самое простое и самое веселое лицо, какое только онъ встрѣчалъ въ жизни. Подавая ласково руку гостю, Сагайдачный выразилъ нѣкоторое удивленіе, что видитъ его у себя въ домѣ; но ни въ словахъ его, ни въ голосѣ не было замѣтно, чтобъ онъ былъ этимъ недоволенъ. Напротивъ, онъ говорилъ тономъ старинаго добродушія и гостепріимства, въ которомъ слышалась благодарность уже за одно желаніе навѣстить его домъ. Еслибы въ словахъ хозяина заключался вопросъ, Иволгинъ по-неволѣ объявилъ бы тотъ-часъ цѣль своего пріѣзда. Но хозяинъ, усадивъ гостя на своемъ диванѣ и замѣчая въ немъ нѣкоторую принужденность, своротилъ рѣчь на са-

мого себя и слегка пожаловался на свою уединенную жизнь, въ которой особенно пріятно ему посѣщеніе каждаго сосѣда.

»Извините«, сказалъ Иволгинъ, »мы думаемъ о васъ иначе.«

»Вы думаете, что я бѣгу людей?« подхватилъ Сагайдачный. »Вы ошибаетесь, очень ошибаетесь.«

»Но кто же виноватъ въ этой ошибкѣ?« сказалъ Иволгинъ.

»Вы правы«, былъ отвѣтъ: »люди судятъ по тому, что̀ видятъ. Но я не способенъ казаться ничѣмъ инымъ. Если я виноватъ въ томъ, что я таковъ, а не иной, то виноватъ непоправимо. И чѣмъ прикажете мнѣ быть инымъ?«

Въ этихъ послѣднихъ словахъ послышалось Иволгину какое-то суровое выраженіе. Но ласковый и простой взглядъ хозяина, а главное — удовольствіе, съ какимъ его встрѣтили, расположили его къ свободѣ рѣчи.

»Еслибъ я имѣлъ право на откровенность«, сказалъ онъ, »то тутъ же сказалъ бы вамъ... извините, что не имѣю чести знать вашего имени и отчества.«

»Иволгинъ лгалъ: онъ зналъ весь уѣздъ по имени и отчеству, но ему хотѣлось выиграть время, чтобы хорошенько сложить въ умѣ фразу.«

»Имя мое не трудно помнить: Иванъ Ивановичъ. Позвольте же и мнѣ называть васъ по имени и отчеству.«

»Капитонъ Павловичъ, къ вашимъ услугамъ«, сказалъ съ легенькимъ поклономъ Иволгинъ, начиная развертываться въ искусствѣ быть съ людьми высшаго сорта, — въ его любимомъ и единственномъ искусствѣ. Онъ былъ предобрый малый, когда попадалъ въ свою колею, когда высшіе не уничтожали его безпощадною неприступностію и подпускали къ себѣ на столько, чтобъ ему можно было этимъ гордиться передъ другими. Онъ уже позабылъ свою вражду къ Сагайдачному и готовъ былъ сдѣлаться его покорнѣйшимъ слугою. Онъ родился среди слугъ, слугами выкормленъ, отъ слугъ получилъ первыя основанія характера и долженъ былъ умереть съ расположеніемъ служить всему, что̀ побогаче и познатнѣе, — служить безкорыстно и ревностно, какъ служатъ иные люди инымъ высшимъ предметамъ почитанія.

»Вы имѣете полное право на откровенное мнѣніе, Капитонъ Павловичъ«, сказалъ Сагайдачный, продолжая прерванную рѣчь.

»Благодарю васъ за честь, которой меня удостоиваете«, сказалъ Иволгинъ съ самымъ умильнымъ наклоненіемъ головы. »Итакъ, я прямо скажу вамъ: всѣ мы, ваши сосѣди, теряемся въ догадкахъ на-счетъ васъ и вашего образа жизни.«

»То есть?«

»То есть.... то есть....«

Иволгинъ замялся и подумалъ: »Что, если однимъ словомъ испорчу все? Но такъ и быть!«

»Ужъ вы меня извините, Иванъ Ивановичъ, если моя откровенность перейдетъ границы. Здѣсь, въ провинціи, мы привыкли объясняться на-примикъ. Я напередъ прошу извиненія.«

»Можете быть совершенно спокойны. Пожалуста не стѣсняйтесь моею щекотливостію, Капитонъ Павловичъ.«

»Въ такомъ случаѣ знайте, Иванъ Ивановичъ, что вы намъ кажетесь.... разумѣется, человѣкъ съ такою ученостію, съ такимъ знаніемъ свѣта.... все это мы очень понимаемъ; но вы намъ кажетесь нелюдимомъ.«

»Съ чего вы это взяли?« спросилъ спокойно Сагайдачный.

»Какъ же? помилуйте!... Но позвольте мнѣ быть вполнѣ искреннимъ.«

»Вы доставите мнѣ истинное удовольствіе.«

»Вотъ чудесное объясненіе!« подумалъ Иволгинъ. »Вѣдь никто не повѣритъ, что я взялъ его на исповѣдь!«

»Вы ни у кого не появились въ домѣ, Иванъ Ивановичъ«, сказалъ онъ робко, глядя въ лице Сагайдачному какъ-то снизу.

»Этого вы не можете сказать. Я былъ у Горицвѣтовъ, былъ у Сомченка.«

»То люди не нашего прихода, Иванъ Ивановичъ.«

»Что вы подъ этимъ разумѣете?«

»То, что не водятся они съ нами, и тоже слывутъ нелюдимами.«

»А почему же они съ вами не водятся? п-о звольте спросить.«

»Да такъ; различіе жизни, различіе привычекъ. Они живутъ на свой образецъ и ни во что ставятъ общественные обычаи. Ужъ вы меня извините, Иванъ Ивановичъ.«

»Въ чемъ же состоитъ у васъ общественный обычай?«

»Въ чемъ? да въ томъ, чтобы какъ одинъ, такъ и другой. У одного пулька, и у другаго пулька. У одного сегодня пирушка, а завтра у другого. Все это такое общежитейское; на этомъ вѣдь свѣтъ стоитъ, какъ вы себѣ хотите. Вотъ и у князя, когда соберутся сосѣди, тотъ-часъ разставятъ столы, и его сіятельство самъ удостоиваетъ дѣлать партію съ почетнѣйшими сосѣдями.«

»А если они не любятъ картъ? если для нихъ обѣдъ и ужинъ послѣднее дѣло?«

»Ну, нѣтъ; извините меня, это Богъ знаетъ что! это гордость! это нелюдимость!«

»Могу васъ увѣрить, что ни то, ни другое, а просто — тягость.«

»Да что же по-вашему дѣлать людямъ, сойдясь вмѣстѣ!«

»То, что мы дѣлаемъ съ вами теперь. Развѣ это нелюдимость, если мы пріѣзжаемъ одинъ къ другому для того, чтобы видѣть и слышать, что

дѣлается въ домѣ, чтобы сообщить кое-что отъ себя, чтобъ узнать кое-что отъ другихъ?«

»Но они вовсе перестали являться у сосѣдей, Иванъ Ивановичъ!«

»Потому что ихъ угощаютъ карточными столами да длинными обѣдами.«

»Неужели потому только?«

»Могу васъ увѣрить. Я по себѣ это знаю. Смотрите: они у меня бываютъ; и у нихъ бываю. Какіе же мы нелюдимы?«

»Ужъ когда пошло на откровенность, Иванъ Ивановичъ, такъ и вамъ еще скажу одно.«

»Право, онъ совсѣмъ не такой чертъ, какъ я его расписывалъ!« подумалъ между тѣмъ Иволгинъ про себя.

»Говорите, что́ вамъ угодно«, сказалъ Сагайдачный.

»Трудно мнѣ это высказать, Иванъ Ивановичъ, но я выскажу. Я вамъ докажу, что́ значитъ нетребовательность. Вы человѣкъ ученый, — это мы давно знаемъ. И эти господа — люди просвѣщенія высшаго. Какъ сойдетесь вы, то, я думаю, такія вещи другъ другу сообщаете, о которыхъ мы, по-нашему, недостойны и слышать. Если такъ оно и самомъ дѣлѣ, то позвольте вамъ сказать, что вы насъ обижаете. Вѣдь почему нашъ братъ живлется только за картами, или за обѣдомъ? Почему онъ любитъ выпить лишнее? знаете, почему? сказать вамъ, почему?«

Сагайдачный, въ свою очередь, подумалъ, что Иволгинъ вовсе не такая дрянь, какою показался съ перваго взгляда, и что въ немъ таятся понятія высшія, можетъ быть, случайно гдѣ-нибудь захваченныя и потомъ брошенныя, какъ что-то негодное для жизни.

»Потому«, продолжалъ Иволгинъ, наклонясь къ нему съ таинственнымъ видомъ, »что между нами нѣтъ умныхъ людей; ей Богу! Вотъ былъ вашъ покойный батюшка. Вѣдь у него пульки не водились, и ѣздили къ нему не для обѣдовъ, право нѣтъ, а просто, чтобы послушать умной бесѣды. Еще прошу у васъ позволенія сказать одно слово. Не примите этого за упрекъ, но я думаю, что люди, подобные вамъ, сами не замѣчаютъ своей гордости. Вѣдь вы всѣ, господа, всѣ, которые схватили что называется цвѣтъ просвѣщенія, всѣ вы не въ мѣру горды къ нашему брату. Ужъ вы меня извините.«

Упрекъ былъ сдѣланъ во́-время. Сагайдачный былъ заинтересованъ, что́ скажетъ еще Иволгинъ, и просилъ его продолжать.

»Чертъ возьми«, думалъ Иволгинъ, »когдабы удалось мнѣ подцѣпить его въ нашъ кругъ! Князь — это китъ-рыба, плаваетъ въ океанѣ; а этого бы, кажись, можно.«

»Видите ли, Иванъ Ивановичъ!« продолжалъ онъ, »вы удалитесь отъ насъ потому, что мы вѣчно заняты картами, вѣчно сидимъ за обѣда-

ми, или разводимъ по полу ногами подъ музыку. Оно такъ, да это только одинъ предлогъ, ей Богу предлогъ! ужъ вы меня извините. Вамъ, просто, не хочется поскучать какую-нибудь минуту для нашего брата: Вы любите, чтобы васъ пріятно занимали; а гдѣ скучно, оттуда вы бѣжите. Вѣдь это эгоизмъ, какъ вамъ угодно. Я хоть и не мудрецъ, но кое-что смекаю. Скучно вамъ, — этого съ васъ и довольно, чтобъ убѣжать изъ общества. Что же, еслибы всѣ такъ дѣлали? Тогда бы всякое общежитіе исчезло. А по-нашему, такъ оно иначе слѣдуетъ. Я не смѣю васъ учить, но сказать свое мнѣніе, скажу.«

»Да онъ вовсе не глупъ!« подумалъ Сагайдачный и слушалъ внимательно.

»По-нашему«, продолжалъ Иволгинъ, »когда ты человѣкъ просвѣщенный, когда ты много читалъ и видалъ, то покажи это передъ обществомъ и заставь его слушать свои рѣчи.«

»Да какъ заставить, Каштонъ Павловичъ? Вѣдь иное общество охотнѣе станетъ разсуждать о чужомъ богатствѣ и чинахъ, чѣмъ о самомъ интереснomъ для меня предметѣ.«

»И о богатствѣ потолкуетъ, и вашихъ умныхъ рѣчей послушаетъ. А вы думаете, что васъ не станутъ слушать? Да поведите только отъ души рѣчь, — изъ-за картъ встанутъ и соберутся въ тотъ уголокъ, гдѣ вы будете говорить, ей Богу правда! Ахъ Боже мой! Да мы вовсе не такъ глу-

пы, какъ кажемся; но что же намъ дѣлать? Умные наши люди разъѣзжаются по большимъ городамъ, или запираются въ свои кружки; мы и остаемся съ однимъ только преферансомъ, да съ водочками, да съ закусочками, да съ танцами, да съ нарядами. Иной изъ вашей братьи заглянетъ къ намъ: фи, чѣмъ они заняты! и уходитъ, или молчитъ, считая насъ не стоющими умной рѣчи; а не то — самъ садится за карты, воображая, что мы ни къ чему больше не способны. А вы попробуйте быть съ нами тѣмъ, что вы есть, заговорите отъ души — мы отъ души васъ и послушаемъ.«

»Что жъ въ этомъ пользы для меня и для тѣхъ, которые станутъ меня слушать?«

»Понимаю, что вы хотите сказать! Вамъ дескать не корысть высказываться, не получая ничего отъ нашего брата. Не правда ли?«

»Правда, только не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что мой взглядъ на жизнь совсѣмъ иной, чѣмъ у вашего общества, при всемъ къ нему уваженіи.«

»Такъ что же? Дайте намъ понятіе, какіе бываютъ взгляды на жизнь. Можетъ быть, и мы станемъ смотрѣть кой на что иначе; а если нѣтъ, то всѣ же вы свой взглядъ пріобрѣли не для того, чтобъ его скрывать отъ всѣхъ.«

»Мой взглядъ покажется дикимъ и, кромѣ безполезныхъ пересудовъ, ни къ чему не поведетъ.«

»Вотъ она, гордость-то!« сказалъ Иволгинъ, со-

вершенно обозначившись съ Сагайдачнымъ. »А вы бы хотѣли, чтобы за вами тотъ-часъ такъ и послѣдовали! Этого вы отъ насъ не ждите, напередъ вамъ скажу. Меня, напримѣръ, никто уже не передѣлаетъ: но когда отъ меня отворачиваются, — это обидно, не къ вамъ будь сказано. А обижать нашего брата не слѣдуетъ вамъ. Съ этимъ, я думаю, вы согласитесь.«

»Отъ всей души.«

»Знай нашихъ!« подумалъ Иволгинъ, аплодируя себѣ умственно. Вѣдь не повѣрятъ, что я училъ Сагайдачнаго уму-разуму!«

»Согласитесь же и съ тѣмъ«, продолжалъ онъ, »что мы имѣемъ даже право на ваше вниманіе и на ваше время. Хотите знать, почему?«

»Сдѣлайте одолженіе!«

»Вотъ почему. Вы принадлежите къ нашему сословію. Ваши родители съ нами хлѣбъ-соль водили. Неужели мы съ того времени слишкомъ ужъ упали? Мы всё тѣ же; брезгать нами не за что́. А вы — ужъ извините меня — неужто вы слишкомъ выше вашихъ родителей? Разница тутъ, я полагаю, больше въ добродушіи. Такъ мнѣ кажется.«

»Да онъ, просто, умница!« воскликнулъ мысленно Сагайдачный.

»Мы — провинціялы, слова нѣтъ«, продолжалъ одушевясь Иволгинъ; »мы не бываемъ въ вашихъ клубахъ, въ вашихъ столичныхъ кружкахъ. Но

мы водимъ знакомства съ тѣми, которые бываютъ. Не дальше, какъ сегодня, обѣдалъ я у князя Великдана.«

»Ну, теперь понесетъ чепуху«, сказалъ мысленно его слушатель.

»Князь Великданъ — человѣкъ знаменитый. Вы съ этимъ согласны, или нѣтъ? скажите!«

И Иволгинъ, откинувшись нѣсколько въ сторону, смотрѣлъ съ увѣренностію на Сагайдачнаго.

»Это зависитъ отъ взгляда на него«, отвѣчалъ тотъ сухо.

»Помилуйте! какой тутъ взглядъ? вельможа, государственный мужъ.... Тутъ ужъ какой хотите взглядъ бросайте, а величіе предмета поражаетъ невольно. Мы, уѣздные дворяне, отдаемъ должное каждому. Мы цѣнимъ, напримѣръ, въ васъ высокое просвѣщеніе.... ужъ извините меня за откровенность. Не можемъ не цѣнить и государственныхъ заслугъ.«

»И всё по одному предположенію«, сказалъ Сагайдачный, и лицо его приняло холодное выраженіе. »Съ чего вы взяли высокое просвѣщеніе? Въ чемъ вы его видите? Развѣ въ томъ, что я сижу дома да читаю газеты? Точно такъ вы судите и о государственныхъ заслугахъ... На комъ увидите блестящую цацку, тотъ у васъ и государственный мужъ. Всё одинъ видъ, всё призраки дѣла, а самого дѣла никто не хочетъ видѣть.«

Замѣтно было, что Иволгинъ дотронулся до боль-

ного мѣста въ душѣ своего новаго пріятеля. Онъ молча внималъ неожиданной рѣчи и не зналъ, что думать, что сказать.

»Государственный мужъ!« продолжалъ Сагайдачный. »Да знаете ли вы этого государственнаго мужа съ дѣтства?«

»Зачѣмъ намъ знать?« робко проговорилъ Иволгинъ.

»Затѣмъ, чтобъ понимать, способенъ ли былъ онъ сдѣлаться правителемъ другихъ, будучи самъ, отъ пеленокъ, марьйонеткою?«

»Я васъ не понимаю, Иванъ Ивановичъ! Ужъ вы меня извините; но предметъ столь возвышенный, и вашъ о немъ этакой отзывъ! Вы, можетъ быть, хотите испытать меня. Но мои правила непоколебимы. Мы, уѣздные дворяне, отдаемъ должное каждому.«

»Что вамъ на это сказать? Отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ: есть между вами такой человѣкъ, который бы съ дѣтства былъ мазунчикомъ, а потомъ лѣпителемъ, а потомъ повѣсою, а потомъ обжорой или пьяницей?«

»Чертъ возьми! ужъ не мой ли это портретъ?« подумалъ Иволгинъ, но отвѣчалъ однакожъ:

»Есть, и очень много! Да что тутъ правду скрывать? мы почти всѣ такіе!«

»Представьте же, еслибы кого-нибудь изъ васъ мазали по губамъ не домашними дешевыми, а са-

мыми дорогими, выписными лакомствами; что въ этомъ достойнаго уваженія?«

»Да ничего, правду сказать.«

»Представьте, еслибъ онъ лѣпился не у плохихъ, а у самыхъ лучшихъ гувернеровъ; неужели это достойно уваженія?«

»Нисколько, Иванъ Ивановичъ; и съ вами совершенно согласенъ.«

»Представьте, еслибъ онъ потомъ повѣсничалъ на паркетѣ, а не на простомъ полу; развѣ это черта благородная?«

»Ну, разумѣется«, сказалъ Иволгинъ, »тамъ въ самыхъ проказахъ юности должно быть что-то деликатное. Ужъ этакой человѣкъ не присосѣдится къ какой-нибудь замарашкѣ....«

»Тѣмъ хуже для него! тѣмъ утонченнѣе развратъ! тѣмъ глубже входитъ онъ въ нравы и обычаи!« воскликнулъ Сагайдачный.

»Ого!« подумалъ. Иволгинъ. »Да ты, братъ, моралистъ отличный! Но почему же самъ ты не удовольствовался граціями собственнаго хутора?«

»Быть по вашему!« сказалъ онъ, желая знать, къ чему клонитъ рѣчь недоступный для него собесѣдникъ. »Вы — люди просвѣщенные по-Европейски, вамъ и книги въ руки.«

»По-Европейски!« повторилъ Сагайдачный, слегка передразнивая Иволгина. »Это повторяютъ всѣ, а сами живутъ и мыслятъ, какъ Азіятцы! Вы меня извините, Капитонъ Павловичъ: я говорю не

о васъ, а о цѣлой массѣ крещенаго нашего люду, у котораго на языкѣ одно, а въ жизни другое. Представьте же, далѣе, что этого повѣсу отъ его легкой жизни переносятъ въ жизнь, требующую ума серьёзнаго, опыта строгаго, правовъ чистыхъ.... Вы меня понимаете?«

»Надѣюсь, что понимаю. Вы говорите объ этакихъ государственныхъ интересахъ....«

»Ну, хоть бы просто объ управленіи столомъ, въ которомъ подготовляются дѣла къ законному рѣшенію. Какъ вы думаете? много онъ дѣла сдѣлаетъ? много *способенъ* онъ сдѣлать?«

»Признаюсь вамъ, Иванъ Ивановичъ, я никогда объ этомъ не думалъ. Послѣ пансіона Генриха Христофоровича, я гнушался даже и думать обо всемъ, что́ пахнетъ перомъ и чернилами.«

»А я, такъ думалъ. Я самъ былъ помощникомъ этакого столоначальника, и съ моихъ плечъ онъ махнулъ на такое мѣсто, гдѣ не работаютъ, а только заставляютъ другихъ работать.«

»Это и лучше для него, Иванъ Ивановичъ; это больше согласно съ аристократическимъ происхожденіемъ. А сидѣть надъ бумагами....«

»Да не въ томъ дѣло. Поймите меня, ради Бога! Слушайте далѣе!«

Иволгинъ пріумрѣлъ, какъ передъ учителемъ, и оправилъ на себѣ жилетъ.

»Вѣдь этому мазунчику, лѣнтию и повѣсѣ, этому титулярному столоначальнику и праздному чиновнику высшаго разряда, не далеко до звѣзды.... Вотъ вамъ и государственный мужъ! Теперь скажите, почему вы больше питаете къ нему почтенія, чѣмъ къ своему брату помѣщику, который, можетъ быть, лучше воспитанъ родителями, больше кой-чего почерпнулъ отъ науки, лучше провелъ молодость и обдѣлалъ не одно дѣло на службѣ собственнымъ умомъ, собственными трудами?«

»Ай, ай, ай!« воскликнулъ мысленно Иволгинъ. »Ну, братъ, молодчина ты! этакъ обнажить донага аристократа! разоблачить до ничтожества! Да и смѣлости мало у этого человѣка! такъ и рубитъ съ плеча! Погоди однакожъ!«

»Иванъ Ивановичъ«, сказалъ онъ, »вы правы съ своей точки зрѣнія. Но скажите, почему же всѣмъ этакимъ важнымъ людямъ оказывается всеобщее уваженіе? Почему, напримѣръ, сами вы адресуете письма — извините, нельзя же это намъ не знать — превосходительнымъ и сіятельнымъ?«

»Я знаю тѣхъ людей коротко, къ которымъ адресую письма, а вы своего князя Великдана знаете столько же, какъ и Турецкаго нашу. Вы поклоняетесь не человѣку съ достоинствами государственнаго мужа, а тому, что́ для васъ кажется документомъ его заслугъ. Не правда ли? Вотъ вы сегодня были у него за обѣдомъ. О чемъ тамъ говорили?«

»Да о чемъ? ну, обо всемъ. Разговоръ всего касался.«

»Только развѣ что касался. Но еслибы вы захотѣли узнать отъ князя хоть одну статистическую цыфру о вашей общей родинѣ, онъ бы васъ отослалъ къ другому. Онъ знаетъ только цыфры своихъ доходовъ. Еслибы вы заговорили объ исторіи края, онъ бы наговорилъ вамъ общихъ мѣстъ и именъ безъ историческаго характера. Еслибы понадобилось вашему князю опредѣлить какой-нибудь юридическій фактъ по существующимъ законамъ, онъ, безъ своего секретаря, сталъ бы въ-тупикъ. А, вѣрно, говорили объ Австрійскомъ кабинетѣ, о новой оперѣ, о достоинствѣ винъ. Это такъ, въ этомъ ихъ рѣчи неистощимы.«

»Извините, Иванъ Ивановичъ, вы ошибаетесь. Говорили о предстоящей реформѣ, и князь очень глубокомысленно доказывалъ, что у насъ рано еще приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. И я съ нимъ согласенъ. Вѣдь нашъ мужикъ....«

»Та-та-та! попали пальцемъ въ небо! Онъ мужика нашего знаетъ столько же, какъ и исторію своего народа. Рано, конечно рано! зачѣмъ нарушать бытъ, къ которому такъ всѣ привыкли?«

»Ну, чертъ его знаетъ, что́ теперь и сказать ему!« подумалъ Иволгинъ. »А вѣдь умно, бестія, говоритъ. Какъ бы не перезабыть его выраженій.«

»Послушайте! знаете, что́ значитъ нашъ простой классъ народа?« спросилъ Сагайдачный.

»Какъ намъ знать?« сказалъ машинально Иволгинъ. »Вы, люди Европейскаго образованія....«

»Да Богъ съ нимъ, съ этимъ образованіемъ! оно и то ужъ оторвало насъ отъ народа!«

»Что́ же, по-вашему, простой народъ нашъ?«

»Это единственное самостоятельное у насъ общество.«

»Какъ это?«

»Такъ; только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей Славянской природѣ.«

»Что́ жъ въ этомъ, Иванъ Ивановичъ? Намъ съ простолюдинами не жить, намъ съ ними не родниться.«

»Слѣдуетъ жить, слѣдуетъ родниться!«

»Неужели?«

»Да: въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живого человѣка, чѣмъ въ кругу вашего государственнаго мужа. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разсчеты и отношенія.«

»Что́ это онъ разсказываетъ!« размышлялъ Иволгинъ, глядя на Сагайдачнаго, который, попавъ на свою струну, говорилъ съ увлеченіемъ юноши. »Недавно еще разсуждалъ такъ остро и умно.... Или онъ меня морочитъ?«

»Да какъ же съ ними жить, Иванъ Ивановичъ? Вѣдь не посадите же вы мужика рядомъ со мною?«

»Отъ чего не посажу, если онъ того будетъ стоить?«

»Если.... въ томъ-то и дѣло, что *если!*«

»А вы думаете, что для меня пріятнѣе сидѣть рядомъ съ баричемъ, который во всю жизнь не занимался ничѣмъ серьёзно? Мужикъ поведетъ со мной практическую рѣчь о хозяйствѣ, о промыслахъ: а съ тѣмъ развѣ объ устрицахъ да о танцовщицахъ говорить?«

»И всё-таки жить съ мужикомъ не приходится....«

»Да что́ вы называете жизнью? Обмѣнъ мыслей и чувствъ — вотъ жизнь, а не то, чтобъ объѣдаться за однимъ столомъ, или дружиться въ пустыхъ забавахъ.«

»Но вы сказали также и *родниться*...«

»А почему же нѣтъ? Почему, напримѣръ, мнѣ не жениться на простой дѣвушкѣ, у которой душа ангела? Неужели потому, что она не знаетъ о существованіи французской литературы и поетъ одни народныя пѣсни? Неужели потому, что она больше смыслитъ въ кухонныхъ дѣлахъ, нежели въ правахъ и обычаяхъ такъ называемаго высшаго общества?«

»Я, право, теряю голову отъ вашихъ рѣчей, Иванъ Ивановичъ«, сказалъ Иволгинъ, взявшись за лобъ. »Въ короткое время вы мнѣ наговорили столько разнообразныхъ вещей! Наконецъ пришли ужъ къ женидьбѣ на простой дѣвушкѣ. Что́ же это было бы? свѣта преставленіе, что ли?«

»Напротивъ, утвержденіе здраваго смысла хоть въ одномъ семействѣ.«

»Ну, философъ! не даромъ я прозвалъ его философомъ!« подумалъ Иволгинъ. »То-то будетъ что́ порассказать сосѣдямъ!«

»Да кого же вы видѣли изъ порядочныхъ людей, чтобы женился на простой дѣвушкѣ? Вѣдь это дѣлается, знаете, въ какихъ случаяхъ?«

»Да самъ я женюсь на простой дѣвушкѣ!« сказалъ, не слушая его, Сагайдачный.

»Что́? что́ вы сказали?« спросилъ, приподнимаясь на своемъ мѣстѣ, Иволгинъ. »Вы сами женитесь?«

»Да.«

»На простой дѣвушкѣ?«

»На простой, едва грамотной Украинкѣ. Вы знаете племянницу майора Лушнина?

Иволгинъ вскочилъ съ своего мѣста.

»Такъ это не шалость?« сказалъ онъ. »Вѣдь я васъ видѣлъ съ нею?«

»Знаю: потому-то я и объявляю вамъ.«

»Въ самомъ дѣлѣ? А я привезъ вамъ отъ майора....«

Иволгинъ остановился.

»Что́ вы привезли?«

»Ну, проговорился, такъ нечего дѣлать! Я привезъ вамъ отъ майора вызовъ.«

»Какой вызовъ?«

»Майоръ хочетъ съ вами стрѣляться. Онъ узналъ о вашемъ знакомствѣ и думаетъ, что вы того.... что вы такъ.... какъ всѣ.«

»Досадно, очень досадно!« сказалъ Сагайдачный.

»Ахъ, Боже мой! какъ это должно его встревожить! Это подѣйствуетъ ужасно на его здоровье!«

»Вотъ вамъ собственное его рукописаніе.«

»Такъ и есть!« сказалъ, прочитавши записку Сагайдачный. »Извините меня, я долженъ сію минуту къ нему ѣхать! Я успокою его! Одно мое слово спасетъ его отъ ужасныхъ мученій.«

»Счастливой дороги! отъ всего сердца счастливой дороги!« сказалъ Иволгинъ, и пожатіе руки его было на этотъ разъ искреннее. Сагайдачный очаровалъ его своею простотой, своею ласковостью и откровеннымъ тономъ разговора. Онъ простилъ ему все; онъ гордился новымъ знакомствомъ. Онъ позабылъ даже его сужденія о князѣ, рѣзкія сужденія, который въ душѣ считалъ непростительнымъ вольнодумствомъ. »Я удалюсь сію минуту«, сказалъ онъ, »но позвольте мнѣ оставить за собой право посѣщать васъ.«

»Вы будете всегда пріятнымъ гостемъ, если только васъ не оскорбляетъ рѣзкій тонъ моихъ сужденій. Я не умѣю говорить иначе. Но я смотрю на каждаго, какъ братъ на брата, особенно у себя въ домѣ.«

Съ тѣмъ они разстались.

»Итакъ не будетъ кровопролитія!« думалъ уѣзжая Иволгинъ; »да и лучше. Къ черту лишнюю суматоху! Но какъ же князь теперь?... Ускользнула изъ рукъ добыча!... Ахъ, ваше сіятельство! и съ вами случаются неудачи!... Какой, однакожъ, счастливецъ этотъ Сагайдачный! Долговъ никакихъ; денегъ бездна; умъ смѣлый, — все ему ни почемъ; князей подвергаетъ критическому разбору.... еще и жена красавица! Вѣдь онъ въ одинъ годъ вышколитъ ее лучше всякой гувернантки.... Надобно, однакожъ, утвердить у него позицію. Какъ бы то ни было, человѣкъ Европейскій: всѣ Петербургцы — въ одно слово, это не пустяки. Не усидитъ онъ въ хуторѣ и, чего добраго, еще воротится къ намъ со временемъ на губернаторство.... Теперь въ самомъ дѣлѣ подулъ какой-то новый вѣтеръ, и этакіе люди подняли какъ-то головы.... Надобно навѣстить Мазницына. То-то будетъ бѣсноваться и бранить либераловъ! А втайнѣ будетъ завидовать моему сближенію съ Сагайдачнымъ.... Да, Сагайдачный точно счастливецъ!... А ты, голова моя безпріютная! кто же тебя приголубитъ?«

ГЛАВА XV.

Майоръ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ и упорно отказывался отъ бесѣды своихъ хозяюшекъ, которыя напрасно пытались усѣсться въ его холостомъ жилищѣ и завлечь его въ разговоръ. Онъ объявилъ имъ на-прямикъ, что желаетъ остаться одинъ, и велѣлъ имъ идти въ свою хату. Не весело было въ хуторѣ Майоровщинѣ. Въ это воскресенье никто изъ пріятелей-козаковъ не явился въ гости, какъ бывало прежде, потому что въ сосѣднемъ мѣстечкѣ была большая ярмарка. Парася исходила весь садъ и хуторъ, какъ-будто кого-то поджидая. Но пріѣхалъ только противный для нея Иволгинъ, и она не показалась ему на глаза даже издали. Все время, какъ онъ сидѣлъ у майора, она проговорила съ матерью, которая придумала наконецъ способъ вывѣдать у нея всѣ обстоятельства ея сближенія съ Сагайдачнымъ. И

радовали, и ужасали козацкую вдову откровенныя рѣчи дочери, которая, чтобы скрыть свое смущеніе, не разъ бросалась къ ней на шею и, взволновавшись отъ избытка счастія, обливала ее радостными слезами. Отвѣчая на ласки дочери ласками, недовѣрчивая козачка твердила мысленно: »*Хорóший панъ, а все панъ!*« какъ часто говоритъ нашъ простолюдинъ. »Богъ знаетъ, какъ это кончится. Душа у нихъ, у этихъ пановъ, бездонная: они и сами не знаютъ, что́ тамъ кроется. Можетъ быть, это только забава. Можетъ быть, ему только кажется, что онъ полюбилъ красивую дѣвушку такъ, какъ и люди. А завернетъ случайно къ сосѣду, и вытѣснитъ панночки изъ панской души мою Парасю. Но что́ же мнѣ съ ними дѣлать? какъ уберечь ихъ счастье? Страшно людского поговору.... А онъ будетъ ѣздить да ѣздить. Не сказать же ему: *присылай старостовъ!*... У нихъ все такъ деликатно, что мать ничего не значитъ между женихомъ и дочкою.... Все у нихъ на благородной ногѣ: хоть бы именно губилъ человѣкъ невинную душу, никто не смѣетъ вмѣшиваться. И сказать и намекнуть ему нельзя, чтобы не ѣздилъ, чтобы не часто ѣздилъ. Какъ ему это скажешь? какъ съ нимъ о такомъ заговоришь? Паны долго женихаются, да мало съ того выходитъ добра. Нѣтъ, худо, таки худо я сдѣлала, оставивши свою козацкую хату. Тамъ бы вѣрнѣй у меня было дѣло. А тутъ не знаешь, на ко-

торую ступить и съ которой стороны за дѣло взяться.«

Такъ размышляла козацкая вдова о счастьи, котораго прежде такъ горячо желала. А майоръ, между тѣмъ, мѣрялъ да мѣрилъ широкими, медленными шагами свою квартиру, и его воображеніе то говорило грозные укоры мнимому обольстителю Параси, то наводило на него пистолетное дуло, то видѣло его самого истекающимъ кровью, и потомъ Парася, въ свѣжемъ, благоухающемъ вѣнкѣ, представилась ему, какъ молодая, прекрасная, но подрѣзанная въ корнѣ жизнь. Вдругъ конскій топотъ и стукъ колесъ разбудилъ его отъ печальныхъ его грезъ. Онъ взглянулъ въ окно — къ его квартирѣ подъѣзжалъ Сагайдачный въ легкой повозочкѣ, самъ правя лошадью. Озадаченный этимъ явленіемъ, онъ еще не рѣшился, что ему дѣлать, какъ Сагайдачный былъ уже въ свѣтлицѣ.

»Я просилъ васъ къ себѣ завтра, а не сегодня, милостивый государь!« сказалъ Майоръ, не глядя ему въ лице, и, повернувшись, ушелъ въ свою спальню и захлопнулъ за собою дверь.

»Майоръ!« сказалъ ему сквозь дверь Сагайдачный, чѣмъ скорѣе и васъ успокою, тѣмъ лучше.«

»Завтра, завтра, подъ Дуковымъ дубомъ«, говорилъ, не слушая его, майоръ, и слышно было, что онъ быстро ходилъ по комнатѣ, усиленно стуча каблуками.

Въ недоумѣніи остановился Сагайдачный, положа руку на клямку. Войдти къ майору въ спальню онъ не смѣлъ; оставить его въ такомъ раздраженномъ состояніи было жаль. Онъ стоялъ и думалъ и ни на что не могъ рѣшиться. Вдругъ, онъ почувствовалъ подлѣ себя близость кого-то очень ему милаго. Онъ оглянулся съ трепетомъ радости и, при блѣдномъ свѣтѣ погасавшаго вечера и при тихомъ сіяніи лампады, отразившейся въ позолотѣ образовъ, увидѣлъ передъ собою Парасю. Она вошла вслѣдъ за нимъ неслышными шагами, но не поспѣла къ той минутѣ, когда еще звучало послѣднее слово дяди. Она слышала только громкіе его шаги и, видя Сагайдачнаго въ нерѣшимости, тихо увлекла его за руку изъ комнаты.

»Что это значитъ?« спросила она его на крыльцѣ. »Зачѣмъ это ты пріѣхалъ въ такое время?«

»Я узналъ, что дядя твой боленъ«, отвѣчалъ онъ.

»Онъ боленъ, правда.... Но признайся, что это былъ только предлогъ, *абй замутіться* (1)?«

»Ну да, ну да!« говорилъ Сагайдачный, радуясь, что она сама подсказала ему ложь. »Мнѣ хотѣлось видѣться съ тобою вечеромъ: я привыкъ видѣться съ тобою по вечерамъ«.

---

(1) Лишь бы къ случаю привязаться. (Переводъ не точный, по неумѣнью выразиться на другомъ языкѣ.)

»И я привыкла, *сёрденько*«, говорила Парася, »да теперь этого больше не нужно. Мы уже свои, милый мой козаченько! Пойдемъ къ намъ. Я все разсказала матусѣ.«

»Мы уже свои!« повторилъ онъ машинально, какъ повторяютъ поэтическій стихъ, и позволилъ увлечь себя изъ майорской квартиры, не зная, что́ ему тутъ осталось дѣлать.

Мѣсяцъ только что поднялся надъ лѣсомъ. Тонкая полоска облака перорѣзывала его пополамъ.

»Посмотри, какъ мѣсяцъ подпоясанъ!« сказала Парася: »точно хлопчикъ въ чистой сорочкѣ.«

А соловьи давно уже завели свои пѣсни, и въ лѣсу раздались первые звуки вечернихъ дѣвическихъ пѣсень.

Влюбленная чета шла тихо черезъ опустѣлый дворъ въ легкихъ сумеркахъ, еще не уступившихъ лунному свѣту. Ободренная безлюдьемъ и сомнительнымъ свѣтомъ вечера, Парася взяла за руку своего гостя, и, по ея походкѣ, по повороту къ нему головы, видно было издали, какъ она счастлива. Но Сагайдачный казался печальнымъ, и его движенія выражали внутреннее безпокойство. Парася замѣтила въ немъ что-то небывалое и допрашивала его, пересыпая свою рѣчь тѣми уменьшительными сравненіями, которыя хороши только въ устахъ любящей Украинки.

»Что́ дядя говорилъ обо мнѣ?« спросилъ онъ.

»Ничего, ничего не говорилъ, и не хотѣлъ ничего слышать отъ насъ.«

»То-то и худо!«

»Это ничего: онъ всегда молчаливъ, когда бываетъ боленъ. Онъ такой бѣдный человѣкъ, что иногда не можетъ въ болѣзни слышать людского голоса. Затѣмъ онъ и живетъ розно съ нами, и мы приставили къ нему для услугъ дѣвочку, тихую, какъ кошка. Боже мой! я хоть сама и не была еще больна, но чувствую, что́ у него въ тѣлѣ дѣлается: у него всякая жилка дрожитъ и болитъ. Вѣдь онъ, говоритъ, весь исколотъ копьями, изрубленъ саблями, пробитъ пулями.«

»Представь же, если къ этому еще какая-нибудь тревога!«

»Что́ за тревога! Да у насъ на него и порошина не упадетъ! Ахъ, правда, утромъ.... Всё эта моды противныя! Когдабы ихъ не было на свѣтѣ, не огорчился бы онъ моимъ нарядомъ. Такъ неужели мнѣ опять надѣвать эти городскія юпоны?«

»Успокой дядю, *моё кожа́нье*, надѣнь хоть на время....«

»Надѣну, надѣну, *сёрденько!* Для него я наряжусь хоть Цыганкою.... Но для тебя..., я думала, что для тебя то платье дорого, въ которомъ мы *познáлися*. И тебѣ больше къ лицу жупанъ и высокій бриль.... а еще лучше будетъ зимою высокая козацкая шапка!«

Весело лепетала Парася: рѣчи ея лились, какъ пѣсня. А на-встрѣчу уже свѣтился огонь въ ея жилищѣ. Гости ждали тамъ съ нетерпѣніемъ и тревогой. Мать Параси вообразила, что Сагайдачный пріѣхалъ свататься, и мучило ее, что онъ »поломалъ« вѣковѣчный обычай, явясь безъ сватовъ, собственною особой. Она извинила ему эту *нелвичáйность*, какъ человѣку высшаго сословія. »Гдѣ имъ тамъ знать, какъ добрые люди живутъ?« размышляла она; но еще разъ пожалѣла, что не осталась въ козацкой хатѣ. »Никто не осмѣлился бы *учинить такій бéшкетъ* вдовѣ Карташихѣ! полюдскимъ соромомъ покрылся бы самый первый на селѣ наробокъ, осмѣлившись торговать у матери дочку!« Такъ она понимала сватовство, необлеченное въ почетный народный церемоніялъ. Но напрасно она думала, что Сагайдачный способенъ сдѣлать то, чего не смѣлъ бы сдѣлать ни одинъ наробокъ. Онъ, поздоровавшись съ нею запросто, какъ съ старою знакомой, тотъ-часъ объявилъ цѣль своего пріѣзда и спрашивалъ, нельзя ли ему увидѣться съ майоромъ.

При этихъ словахъ кто-то быстро вошелъ въ комнату. Сагайдачный оглянулся — это былъ майоръ. Майоръ видѣлъ влюбленную чету изъ окна своей квартиры. Дерзость Сагайдачнаго на этотъ разъ больше изумила, чѣмъ огорчила его. Считая дѣло потеряннымъ безвозвратно, онъ сперва рѣшился дожидаться завтрашняго дня, чтобы наказать

низкаго и, какъ видно, слишкомъ опытнаго соблазнителя. Но ревность его мучила, — и ревность и какая-то зависть къ беззаконному блаженству отчаяннаго повѣсы. Онъ будетъ сидѣть тамъ, между этихъ двухъ простодушныхъ женщинъ, которыя въ своемъ сословіи видали развратъ съ явными его признаками, внушающими честной душѣ отвращеніе, но не имѣютъ и понятія о томъ губительномъ развратѣ, который вселяется въ непорочныя семейства подъ видомъ самаго приличнаго, самаго любезнаго и благороднаго гостя. Онъ, этотъ Сагайдачный, съ своею честною и тѣмъ опаснѣйшею наружностію, будетъ сидѣть невозмутимо рядомъ съ прелестною дѣвушкой, жертвою его искуснаго лицедѣйства, въ то время, когда ея дядя, любящій ее столь чисто и горячо, терзается страшными душевными муками! Нѣтъ, это выше всякой твердости! Майоръ позабылъ обо всемъ, что̀ удерживало его отъ объясненія съ сестрою и племянницей. Господствующимъ его чувствомъ сдѣлалось — прогнать со двора, хоть на этотъ вечеръ, чудовище, принявшее на себя человѣческій образъ. Сагайдачный прочелъ его чувства на лицѣ его и, предупреждая его рѣчь, поспѣшилъ сказать ему:

»Майоръ, вы ошиблись въ вашемъ подозрѣніи. Здѣсь нѣтъ людей безчестныхъ: мы ведемъ свое дѣло честно.«

»Вы смѣете это мнѣ говорить!« отвѣчалъ майоръ, задыхаясь отъ волненія.

»Смѣю, майоръ, потому что мои намѣренія относительно вашей племянницы самыя благородныя.«

Парася изъ этихъ словъ поняла все и, закрывъ лице руками, убѣжала за перегородку.

Спокойная рѣчь Сагайдачнаго, и притомъ такая рѣчь, какой онъ вовсе не ожидалъ, поразила майора. Онъ отступилъ шагъ назадъ и молча мѣрялъ глазами молодого человѣка.

»Да, сближаясь съ вашею племянницей«, продолжалъ Сагайдачный, »я искалъ въ ней подруги на всю жизнь.«

»Да развѣ этакъ честные люди сближаются съ дѣвушками?« спросилъ майоръ.

»Я сближался тѣмъ способомъ, который не считался безчестнымъ у нашихъ предковъ, майоръ.«

»Но мои предки были козаки, милостивый государь; въ ихъ правахъ и понятіяхъ это было дѣло обычное и не зазрительное.«

»И мои предки, майоръ, были козаки, и я никакъ не думаю, что честное, по ихъ чувствамъ, должно казаться безчестнымъ для чувствъ ихъ внука.«

»Что вы этимъ хотите сказать?«

»Я хочу сказать, что, заслуживъ себѣ какой-нибудь чинъ, я не отрекаюсь отъ своихъ предковъ и отъ ихъ честныхъ занятій.«

»Такъ, по-вашему, не унизительно для благороднаго человѣка.... вы знаете, что я хочу сказать.«

»Совѣсть моя спокойна, и знайте, майоръ, что для будущаго мужа вашей племянницы вопросъ о нашемъ сближеніи гораздо важнѣе, чѣмъ для ея дяди.«

»Да что это вы говорите? да какъ вы осмѣлились говорить подобныя вещи въ моемъ домѣ?«

»Я не имѣлъ на это права, майоръ, и долго мой языкъ не произнесъ бы такихъ рѣчей; но вы меня принудили къ прямому объясненію, мимо всѣхъ обычаевъ.«

»Сестра, ты слышишь, что говоритъ?« сказалъ майоръ. »Мы здѣсь послѣдніе люди съ тобой.«

»У меня голова пошла кругомъ«, отвѣчала майорская сестра. »Господи, что это съ нами дѣлается? чѣмъ прогнѣвили мы Тебя? чѣмъ наша хата не заслужила людской чести?«

Сагайдачному больно было слышать эти сѣтованія оскорбленной матери. Положеніе его было очень трудное: съ одной стороны больной, разстроенный майоръ, съ другой — его сестра, поневолѣ оставленная послѣднею въ столь важномъ и святомъ для нея дѣлѣ. Онъ подошелъ къ майору и съ умоляющимъ видомъ, которому тотъ не могъ противиться, взялъ его за обѣ руки.

»Майоръ«, сказалъ онъ, »я обращаюсь прежде къ вамъ: вы скорѣе поймете мое положеніе.

Умно ли я поступилъ, или вѣтрено, но съ намѣреніемъ честнымъ, и это я готовъ засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ. Оставьте ваши сомнѣнія: они оскорбительны для всѣхъ насъ.«

»Да какъ этакъ благородному человѣку....« началъ было майоръ, будучи не въ состояніи связать въ одно понятіе поступки и званіе Сагайдачнаго. Но въ его тонѣ не было уже ни гнѣва, ни подозрительности.

Сагайдачный обратился къ его сестрѣ:

»Честная и почтенная *панімáтко!* простите меня, бѣднаго сироту, что я въ вашей хатѣ объявляюсь не такъ, какъ велитъ святой обычай! Что́ знаетъ мѣсяцъ и знаютъ звѣзды, того вамъ знать не надо; противъ этого вы спорить не станете. Но хату вашу я уважаю, какъ и всѣ. Вы видите, я сегодня вошелъ къ вамъ почтительнымъ гостемъ; вы бы увидѣли въ свое время на вашемъ порогѣ и моихъ сватокъ съ честнымъ хлѣбомъ. Я бы не смѣлъ заикнуться о такомъ важномъ дѣлѣ собственнымъ словомъ, лицемъ къ лицу съ вами. Но какъ же мнѣ было поступить? Майоръ, вашъ братъ, вообразилъ меня какимъ-то вертопрахомъ, прислалъ ко мнѣ записку, зоветъ стрѣляться за честь своего дома. Я знаю, какъ такой гнѣвъ вреденъ для его здоровья. Я поспѣшилъ....«

Но майорская сестра, не слушая его, была уже на шеѣ у брата. Волненіе чувствъ отъ неожиданной развязки и отъ страшной вѣсти о стрѣльбѣ выразилось въ ней слезами. То же самое испытала и Парася и, позабывъ дѣвичій стыдъ, выбѣжала и обняла дядю съ рыданіями, точно спасая его отъ смерти.

»Дайте же мнѣ сѣсть«, отвѣчалъ на ихъ ласки майоръ слабымъ голосомъ. »Да не спѣши, сестра, благодарить Бога: оно что-то не сообразно съ правдою....«

Сестра усадила брата на скамью и, вперивъ испытующій взоръ въ Сагайдачнаго, сказала:

»Во имя Бога всемогущаго! Послушай, паненя! (и смиренное лицо ея приняло какое-то ужасное выраженіе) когда въ самомъ дѣлѣ у тебя въ сердцѣ лукавство, то моя женская рука выберетъ минуту.... еще вѣрнѣй братней руки.... Мы люди старосвѣтскаго ко́дла.... съ нами нельзя играться по-пански!«

»Когда я въ вашихъ глазахъ не козацкій внукъ, а паненя«, отвѣчалъ Сагайдачный, »то смотрите, какъ это паненя падаетъ предъ вами и проситъ у васъ своего счастія.«

Съ этимъ словомъ онъ поклонился сестрѣ и брату тѣмъ земнымъ поклономъ, которымъ въ простонародьи испрашиваютъ родительскаго благословленія на вступленіе въ бракъ. Парася упала подлѣ него, и слезы ея, сладкія слезы, текли, казалось ей, не изъ глазъ, а изъ самого сердца.

И не вставали молодые люди, ожидая благословляющаго слова.

ГЛАВА XVI.

Майоръ прервалъ нѣмую сцену счастья глубокимъ вздохомъ, отъ котораго всѣ вздрогнули: столько въ этомъ вздохѣ сказалось тоски, несогласной съ семейнымъ торжествомъ. Взглянули на него, — онъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ; щеки его поблѣднѣли больше обыкновеннаго, и все его тѣло опустилось какъ-бы подъ какимъ-то гнетущимъ бременемъ.

»О чемъ же вы, братіку, такъ тяжело вздыхаете?« спросила сестра, положивъ ему на плече руку.

»О своемъ вѣкѣ несчастномъ«, сказалъ майоръ. »Вотъ чѣмъ долженъ быть человѣкъ! (Онъ указалъ на молодую чету, которая продолжала держаться за руки). А я что? Ни къ живымъ, ни къ мертвымъ не причисленъ«.

Въ этихъ словахъ было столько правды, что никто не рѣшился утѣшать его. Стояла передъ

нимъ молодая чета, наклонивъ къ нему задумчиво лица, на которыхъ, сквозь выраженіе соболѣзнованія, сіяло внутреннее счастіе. Стояла неподвижно и сестра, не отнимая отъ его плеча дружески положенной руки. А майоръ больше прежняго согнулся, и лицо его точно помертвѣло: одна печаль, напечатлѣнная на этомъ лицѣ, давала ему выраженіе жизни.

»Грустно вамъ смотрѣть на меня«, продолжалъ онъ. »Да́, я жалкое созданіе. Впереди — ничего, и позади немного отраднаго. Какъ подумаю: за что́ лилась моя кровь? зачѣмъ были эти походы, эти ночныя похожденія въ ущеліяхъ, это геройство?... Чего мнѣ было нужно? Кусокъ хлѣба у меня былъ; свобода вернулась ко мнѣ съ чиномъ. Всѣ пустое желаніе стать выше другихъ — и чѣмъ же?... Раны меня образумили, да ужъ уплыла молодая кровь; осталось мнѣ только коротать вѣкъ въ хуторѣ одинокимъ постольцемъ. А вотъ я вижу умнаго человѣка (онъ указалъ на Сагайдачнаго): онъ выше всѣхъ стоитъ у насъ, да не мѣстомъ, не чиномъ. Чинъ свой онъ подостлалъ подъ ноги простой козачкѣ, называетъ себя козацкимъ внукомъ, и счастливъ попросту, какъ его предки! Вотъ разумная жизнь, а моя жизнь — безуміе. Теперь я это вижу и чувствую, да поздно!«

И на эти слова нечего было сказать въ утѣ-

шеніе майору. Только сестра отозвалась къ нему, помолчавъ немного:

»Будемъ, братіку, счастливы хоть счастіемъ дѣтей.«

»Да́, у кого они есть!« отвѣчалъ майоръ, и еще ниже опустился и поникъ головой, подъ гнетомъ своей горести. »Мнѣ надо полежать«, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Эти простыя слова были для его сестры и племянницы громовымъ ударомъ. Лежать у майора значило — быть больнымъ. Онѣ ужъ видѣли, что къ тому дѣло клонится, но не смѣли истолковать себѣ блѣдность своего хилаго постояльца, его унылый видъ, его видимое изнеможеніе и, главное, печальныя его рѣчи. Майоръ бывалъ молчаливъ и задумчивъ часто; хозяюшки знали, что у него въ это время ноютъ старыя раны; опытъ отучилъ ихъ распрашивать, что́ у него болитъ; онѣ только соболѣзновали ему въ своемъ любящемъ сердцѣ. Но лишь только произносилъ онъ что-нибудь похожее на жалобу, это было несомнѣннымъ признакомъ, что болѣзнь одолѣваетъ его мужество. Происходя отъ Запорожца, онъ принялъ отъ него въ наслѣдство отвращеніе къ женскому плачу и къ женскимъ сѣтованіямъ.

Жіно́цькі слёзи дурні — якъ вода́ течо́...

Эти грубыя слова напечатлѣны были у него въ сердцѣ. Съ этими словами въ молодой душѣ, оста-

вилъ онъ родной домъ, и слезы матери и сестры, облившія стремя у козацкаго сѣдла его, сдѣлали на него очень мало впечатлѣнія. Но въ той же самой душѣ безсознательно носилъ онъ наслѣдованную отъ матери нѣжность чувствъ. Эта нѣжность выражалась въ немъ на службѣ незамѣтно для него самого въ попечительности о его подчиненныхъ, къ которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ строгъ и неумолимъ, какъ самый суровый изъ Запорожскихъ Сѣчевыхъ *батьковъ*. Эта нѣжность выражалась въ немъ покровительствомъ, которое находили у него всѣ, обиженные военными постояльцами, и помощью, которую онъ оказывалъ многимъ въ несчастномъ ихъ положеніи. Прослывъ между товарищами безчувственнымъ къ женской красотѣ и холоднымъ для дружбы, онъ былъ извѣстенъ въ своемъ полку, какъ человѣкъ, готовый пострадать съ обвиняемымъ несправедливо офицеромъ и съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Равнодушіе его къ женщинамъ происходило отъ сознанія душевной силы, которой женщина не оцѣнитъ, до которой, по его убѣжденію, нѣтъ ей дѣла. Онъ видѣлъ на товарищахъ, что́ привлекаетъ женщинъ къ мужчинѣ, и презиралъ во глубинѣ души своей легкій полъ, порхающій по поверхности жизни, не проникающій поглубже въ жизнь, — презиралъ и своихъ собратій, довольствующихся женскою оцѣнкой своей наружности и кой-какихъ внѣшнихъ преимуществъ.

Недостатокъ образованности держалъ его, между тѣмъ, въ отдаленіи отъ такихъ женщинъ, которыя способны были оцѣнить его честную и мужественную душу, и не давалъ ему издали отличить между женщинами такую, которая не порхаетъ вѣтреннымъ мотылькомъ по поверхности жизни и проникаетъ въ жизнь поглубже. Но когда боевая энергія, это свойство, сдѣлавшееся условіемъ его породы, упала вмѣстѣ съ упадкомъ физическихъ силъ и возвратился онъ въ мѣста своего дѣтства, — жизнь показала ему, ничѣмъ неозабоченному наблюдателю, иные образцы, не похожіе на боевые суровые идеалы, которые онъ заключалъ въ душѣ по наслѣдству и которые видѣлъ передъ собой въ новой формѣ посреди дымныхъ тучъ и огненныхъ громовъ войны. Сдѣлавшись безсмѣннымъ постояльцемъ у своей сестры, онъ въ ней нашелъ истолкователницу болѣе внутренняго смысла жизни. Она раскрыла передъ нимъ въ страдающей и любящей душѣ своей цѣлый міръ душевныхъ движеній и интересовъ, не зависящій отъ того міра, изъ котораго онъ выключенъ былъ своими ранами. И ничтожными показались ему энергическія домогательства успѣха, на которыя потратилъ онъ свои силы. И, заключась въ своей безмолвной хуторской квартирѣ, не напрасно казался онъ наблюдателю вѣчно о чемъ-то размышляющимъ. Онъ размышлялъ о своемъ прошедшемъ, которое уничтожило для него

земное будущее. Онъ размышлялъ о невозможности пріобщиться жизни изъ полной чаши, которая теперь открылась его разумѣнію и чувству. Онъ постоянно былъ увѣренъ, что ему не долго, слишкомъ не долго коротать жизнь. Онъ ужъ давно произносилъ въ умѣ тѣ рѣчи, которыя полились у него теперь неудержимымъ потокомъ. Остатокъ его силъ исчезъ отъ необычайнаго волненія чувствъ по случаю ужасныхъ его подозрѣній. Вмѣстѣ съ силами упало и его мужество. Майоръ не принадлежалъ болѣе къ породѣ своихъ предковъ козаковъ; отцевскій Запорожскій закалъ исчезъ въ немъ и уступилъ мѣсто свойствамъ, которыя наслѣдовалъ онъ отъ матери. Зрѣлище счастливой любви, которая поглотила всѣ предразсудки сословій, которая уничтожила разность воспитаній, которая самаго гордаго, по его мнѣнію, человѣка высшаго круга сдѣлала смиреннымъ козацкимъ внукомъ, — это зрѣлище отразилось невыразимыми муками въ его душѣ. Въ то время, когда смерть, какъ торжествующій непріятель, шла у него по пятамъ, передъ нимъ открылась картина самаго полнаго счастія, какое только дается вкушать на землѣ человѣку, — открылась точно какъ-будто для того, чтобъ обличить заблужденія молодости его и дать ему урокъ, именно потому горькій, что не возможно было уже имъ воспользоваться.

Майоръ, выразивъ желаніе полежать, не въ со-

стоянін былъ подняться съ своего мѣста. Онъ протянулъ къ своимъ друзьямъ руки, прося помощи, какъ ребенокъ, и какъ ребенокъ заплакалъ безсильными и неудержимыми слезами, сознавъ физическое и нравственное свое безсиліе. И та же молодая чета, которую еще недавно наблюдалъ онъ сквозь вечернія сумерки изъ своего окна, въ сердечныя дѣла которой онъ вмѣшался, какъ законный хранитель жизни, теперь вела его полумертваго въ его квартиру, какъ въ такое мѣсто, въ которое заключаются люди, непричастные къ жизни, обманутые жизнью, или обманувшіе жизнь и за то ею наказанные....

Ночь была тихая. На небѣ стояли густыя облака, въ промежуткахъ которыхъ ярко сіяли звѣзды. На землѣ сгустился воздухъ и дышалъ влажною теплотою, проникнутою ароматами мощной, цвѣтущей растительности. Соловьи вливали въ человѣка поэтическое забвеніе житейскихъ нуждъ и тревогъ. Но майоръ освобожденъ былъ отъ нихъ инымъ способомъ. Эти пѣсни, объясняющія молодому сердцу тайны любви, были для него похоронымъ отпѣваніемъ угасающей внутренней жизни, отъ которой осталось у него одно сожалѣніе, позднее, напрасное, горькое, ничѣмъ не услаждаемое сожалѣніе. Лѣтняя ночь, закрывъ отъ взоровъ и живые цвѣты, и мертвый соръ жизни дѣйствительной, чарующими ароматами пробуждала внутри человѣка сознаніе отдѣльнаго, богатаго

міра, полнаго чудесныхъ цвѣтовъ и таинственныхъ силъ. Вся уходитъ въ себя свѣжая душа, поддавшись вліянію южной ночи, тихо нашептывающей намъ про какія-то замкнутыя въ насъ, непочатыя еще сокровища. Но майоръ видѣлъ внутреннымъ окомъ одну бѣдность бытія своего въ настоящемъ и безнадежность въ будущемъ. И только одна простая, природная любовь его къ себѣ подобнымъ, скрываемая отъ людей подъ видомъ равнодушія, сіяла на днѣ души его точно въ морской пучинѣ; одна она сообщала его прошедшему значеніе дѣйствительности; всѣ прочіе порывы и надежды, всѣ подвиги, которыми онъ внутренно гордился, потеряли для него человѣческій смыслъ и оказались грезами поврежденнаго разсудка.

»Садитесь противъ меня«, сказалъ майоръ, улегшись на своей койкѣ, »дайте мнѣ на васъ насмотрѣться. Не долго осталось мнѣ коротать вѣкъ. Сестра, садись у моего изголовья.«

Женщины плакали, глядя на него, и не находили, что́ ему сказать въ утѣшеніе. Всякій разъ, какъ майоръ не въ обычное время ложился на свою койку, онѣ были въ трепетномъ опасеніи за его жизнь, и всю надежду полагали на чудодѣйственную силу своей молитвы. Но теперь и эта надежда исчезла: сердца ихъ не вѣровали больше въ дѣйствительность своей молитвы.

»О чемъ вы плачете?« сказалъ майоръ. »Я ни

на что́ не нуженъ больше на землѣ. Мое мѣсто займетъ для васъ Иванъ Ивановичъ. Видите, какъ Господь милостивъ! Онъ посылаетъ его вамъ въ самое то время, когда моя жизнь догорѣла. Хотѣлось бы и мнѣ еще пожить на свѣтѣ, но вижу самъ, что не для чего. Кончилась моя служба; пора въ отставку. Иванъ Ивановичъ, у меня къ вамъ есть просьба.«

»Она будетъ исполнена свято«, отвѣчалъ Сагайдачный.

»Слушайте же. Все, что́ я имѣю, перейдетъ въ ваше распоряженіе. Въ комодѣ найдете вы у меня дорогую саблю. Свезите ее послѣ моей смерти къ князю Великдану отъ меня на память. Онъ хоть и не военный человѣкъ, но любитель дорогого оружія. У него сердце великодушное: онъ умѣетъ цѣнить наши дѣла.«

При имени князя Великдана, Сагайдачный вспыхнулъ и, позабывъ, что обращается къ больному, сказалъ:

»Онъ не способенъ цѣнить ничего возвышеннаго! Онъ увлекается одними игрушками! Онъ въ жизни ищетъ однихъ сибаритскихъ наслажденій! Онъ не достоинъ владѣть оружіемъ такого человѣка, какъ вы, майоръ!«

Рѣчь эта произвела на майора оглушительное дѣйствіе. Онъ смотрѣлъ на Сагайдачнаго во всѣ глаза и долго не могъ собраться съ отвѣтомъ. Жертва общественныхъ заблужденій, онъ былъ не

въ силахъ обнять со всѣхъ сторонъ причину своей гибели.

»О комъ это вы говорите?« промолвилъ онъ наконецъ.

»О князѣ Великданѣ«, отвѣчалъ Сагайдачный.

»Такъ вы съ нимъ развѣ въ ссорѣ?«

»Нѣтъ, я съ нимъ даже не знакомъ, но хорошо его знаю по его жизни.«

»Какъ же это? Развѣ можетъ человѣкъ въ его санѣ заниматься игрушками? Что́ это вы говорите?«

»Я говорю то, что́ знаю. Это пустѣйшій изъ пустыхъ людей!«

»Да какъ это возможно?« проговорилъ майоръ болѣзненнымъ голосомъ. »На такомъ посту.... Нѣтъ, вы за что-то враждуете къ нему.«

»Ни та что́ болѣе, майоръ, какъ за то, что этотъ постъ онъ занимаетъ, какъ тунеядецъ.«

»Что́ вы? Какъ же это можно сказать? Это ни съ чѣмъ не сообразно!«

»То-то и грустно, что не сообразно! Не такимъ бы людямъ занимать такіе посты!«

»Не говорите мнѣ этого, ради Бога! Вы меня этимъ оскорбляете. Гдѣ же и людей искать послѣ этого? Я вѣдь видалъ тоже довольно свѣту. При этакомъ санѣ — такая благосклонность.... и вы говорите, что онъ не способенъ цѣнить ничего возвышеннаго!«

Сагайдачный наконецъ понялъ, что слишкомъ поздно переучивать майора, который, сохранивъ

наслѣдственное благородство характера, впиталъ въ себя на службѣ предразсудки, извращающіи дѣятельность самыхъ чистыхъ натуръ. Онъ вздохнулъ и молчалъ.

»Сколько разъ«, продолжалъ майоръ, »вспоминалъ князь даже мои ничтожныя заслуги!«

»Передъ Иволгинымъ?« замѣтилъ, не утерпѣвъ, Сагайдачный.

»Ну, да«, сказалъ, не понявъ его, майоръ. »Этакой государственный мужъ не можетъ не цѣнить нашихъ подвиговъ. Я слышалъ, что у него есть сабля гетмана Скоропадскаго и булчукъ Данила Апостола. Они какъ-то въ родствѣ съ нимъ. А вы говорите....«

»Успокойтесь, майоръ«, сказалъ Сагайдачный; »я съ вами спорить не буду.«

»Нѣтъ, я не скоро успокоюсь послѣ этакихъ словъ«, отвѣчалъ майоръ, и, признаюсь, горько мнѣ, что молодые люди такъ мало цѣнятъ заслуги такихъ лицъ. Умирая, хотѣлъ я выразить князю благодарность за его высокое вниманіе ко мнѣ, заброшенному въ хуторъ инвалиду.... Но я выражу ему свои чувства иначе. Идите, молодые люди, въ сестрину хату; останьте меня съ сестрою.«

Съ огорченіемъ и раскаяніемъ вышелъ Сагайдачный изъ майорской квартиры. По Парася служила ему отводомъ непріятныхъ и тягостныхъ чувствъ. Очутясь вдвоемъ съ нею подъ открытымъ, сверкающимъ небомъ, онъ скоро позабылъ все, а

безпокойство о болѣзни майора какъ-будто прибавило въ его сердцѣ еще одну гармоническую струну, чтобы полнѣе, чтобы шире обнимало оно жизнь.

Майоръ между тѣмъ просилъ сестру подвинуть къ нему столикъ и подать бумагу и перо. Приподнявшись на постели, онъ велѣлъ сестрѣ поддерживать себя подъ руку и началъ что-то писать невѣрнымъ своимъ почеркомъ. Сколько словъ написалъ онъ молча, столько молчаливыхъ слезъ пролила надъ нимъ сестра, а что онъ писалъ, до этого ей мало было дѣла. Окончивъ, майоръ сложилъ бумагу и просилъ положить себѣ подъ изголовье. Напряженіе физическихъ и моральныхъ силъ ослабило еще больше хилый организмъ его. Сестра предложила свои услуги, чтобы раздѣть его. Онъ согласился молча и позволилъ уложить себя въ постель. Изнеможеніе скоро перешло въ сонъ, или болѣзненное забытье, которое сестра сочла за сонъ. Она вынесла свѣчу въ сосѣднюю комнату, гдѣ Марьинка уже заняла привычный свой постъ и ждала приказаній старой, или молодой хозяйки. Ей было приказано прислушиваться ко всякому шороху въ спальнѣ майора, и лишь только подастъ онъ голосъ, тотъ-часъ бѣжать за нею.

Вскорѣ потомъ уѣхалъ Сагайдачный. Въ хуторѣ погасили огни. Только въ свѣтлицѣ горѣла ярче обыкновеннаго лампадка, озаряя майорскіе кресты подъ образами. Марьинкѣ приказано было ло-

житься спать. Ея мѣсто заняла майорская сестра. Помѣстясь у самой двери, она прислушивалась, не проснется ли братъ, и, глядя на сіяющіе въ темнотѣ образа, тихо о немъ молилась.

Черезъ нѣсколько времени послышался въ спальнѣ голосъ. Она вошла.

»Пошли, хозяюшка, за Иволгинымъ«, сказалъ майоръ.

»На что́ онъ вамъ, братику?«

»Онъ мнѣ нуженъ. Пошли, чтобы тотъ-часъ пріѣхалъ.«

»А нельзя отложить до утра?«

»До утра Богъ знаетъ что́ случится. Сей-часъ!«

»Хорошо, я пошлю. Но не послать ли и за священникомъ?«

»Да. Но за Иволгинымъ тоже, непремѣнно.«

Вѣрный Радько́ не спалъ, какъ-бы предвидя, что онъ понадобится, и держался вблизи майорской квартиры. Такъ какъ священника надобно было привезти на своихъ лошадяхъ, то онъ, заложивъ тележанку, отправился сперва къ Иволгину. Иволгинъ сидѣлъ на почтовой станціи, въ ожиданіи какой-то важной особы; но, узнавъ, что майоръ опасно боленъ, тотъ-часъ пустился къ нему на своей подорванной лошадкѣ.

Майоръ не спалъ, хотя казался спящимъ. Услышавъ конскій топотъ, онъ сказалъ: »Это Иволгинъ!« и велѣлъ провести его къ себѣ. Потомъ попросилъ сестру оставить ихъ наединѣ.

»Боже мой!« сказалъ Иволгинъ, »въ какомъ я нахожу васъ положеніи! А князь поручилъ мнѣ пригласить васъ къ нему завтра обѣдать. Я пилъ у него чай.«

Иволгинъ лгалъ. Потерявъ надежду на пріобрѣтеніе Майоровицины, онъ не смѣлъ къ нему явиться. Онъ увѣрилъ князя, что майоръ ищетъ покупщика; онъ болтнулъ это, увлекшись некреннимъ доброжелательствомъ къ его сіятельству, и спохватился только тогда, когда князь послалъ его къ майору для переторжки.

»Добродѣтельный вельможа!« сказалъ майоръ слабымъ голосомъ, отвѣчая на слова Иволгина: »до конца дней монхъ не оставляетъ онъ меня своимъ вниманіемъ.«

»Развѣ это возможно, майоръ?« сказалъ Иволгинъ. »Кто же можетъ больше его цѣнить ваши заслуги? На то онъ государственный мужъ, чтобы сіять великодушіемъ.«

»Истинно такъ!« отвѣчалъ майоръ, довольный отборною фразой Иволгина.

»Объ одномъ надобно сожалѣть, майоръ«, продолжалъ гость, »что ваша дружба съ княземъ.... По крайней мѣрѣ князь питаетъ къ вамъ истинно дружеское чувство.«

»Великодушный вельможа!« сказалъ майоръ.

»Истинно великодушный«, продолжалъ одушевясь Иволгинъ. »Съ такой высоты простирать дружескую руку.... Сами согласитесь, не каждый сно-

собенъ къ такой доблести. И этакая связь между вами, майоръ, осталась безъ послѣдствій.«

»Какъ это, Каинтонъ Павловичъ?«

»То есть, памяти никакой не угодно вамъ было оставить по себѣ, что вы точно цѣнили высокое вниманіе вельможи.«

»Нѣтъ, Каинтонъ Павловичъ, я не остался безчувственъ къ его благосклонности. Достаньте вотъ здѣсь подъ подушкой бумагу, прочтите.«

»Духовная!« воскликнулъ Иволгинъ, и бумага задрожала у него въ рукахъ.

»Скажите князю«, говорилъ майоръ, опуская отъ слабости вѣки и произнося слова точно сквозь сонъ, »что, хоть я и простого происхожденія, но умѣю цѣнить его высокій санъ. Скажите, что видѣли меня при послѣднемъ издыханіи и что отрадно мнѣ было сдѣлать ему угодное. Племянница моя обезпечена. Вы правду говорили, что она найдетъ готовый домъ.... И не безъ приданаго же она у меня.... Но мнѣ тяжело говорить.... Сестру, сестру!«

Иволгинъ спряталъ бумагу въ карманъ и хотѣлъ идти въ другую комнату. Но майорская сестра предупредила его зовъ.

»Таки выѣздили! таки вынудили!« проговорила она въ полъ-голоса, глядя съ упрекомъ и презрѣніемъ на Иволгина.

Но Иволгинъ очень мало заботился объ ея мнѣніи, такъ какъ она была мужичка, и ускакалъ изъ хутора, довольный неожиданнымъ успѣхомъ.

ГЛАВА XVII.

Три вѣсти распространились очень быстро по уѣзду: одна — что умеръ майоръ; другая — что племянница его просватана за Сагайдачнаго; третья — что Майоровщина отписана по духовной князю Великдану. Многіе выѣхали изъ хуторовъ и селъ своихъ къ сосѣдямъ, для того, чтобы сообщить эти новости, другіе — для того, чтобъ удостовѣриться, правду ли говоритъ Иволгинъ. Но никто изъ помѣщиковъ не хотѣлъ проѣхать въ самую Майоровщину. Всѣхъ оттолкнулъ отъ нея Сагайдачный, о которомъ было уже извѣстно, что онъ распоряжается похоронами майора, какъ выражались помѣщики, *по-мужицки*. Это значило, что онъ готовилъ поминальный обѣдъ, ровный для всѣхъ, кто бы ни пріѣхалъ на похороны, и что благородному человѣку придется сидѣть рядомъ съ козачьими свитами. Объ этомъ объявилъ въ городѣ Родько́, забирая изъ лавокъ на-прокатъ мно-

жество мисокъ и тарелокъ. Общее неудовольствіе увеличилось еще отъ слуховъ, что невѣста Сагайдачнаго продолжаетъ носить простонародную одежду, въ которой явилась въ церкви, точно въ насмѣшку надъ барышнями, которыя ни своею образованностью, ни богатствомъ выписныхъ, Богъ знаетъ откуда, нарядовъ, не привлекли къ себѣ самого краснваго, богатаго и просвѣщеннаго жениха во всемъ уѣздѣ. Очень обидѣлись всѣ маменьки этою выходкой майорской племянницы и радовались, что Майоровщина переходитъ въ чужія руки. Что́ касается до барышень, то онѣ соглашались, что національная одежда возвышаетъ самую посредственную красоту и объясняли успѣхъ Параси именно тѣмъ, что въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, въ лентахъ и разшитыхъ рукавахъ, да еще при свѣтѣ луны, она показалась Сагайдачному богинею. Нѣкоторыя гласно роптали на стѣснительныя условія своего быта, который не даетъ молодой дѣвушкѣ никакой самостоятельности и вѣчно держитъ ее подъ присмотромъ стараго, холоднаго глаза. Распространенные Иволгинымъ, слухи о сближеніи Сагайдачнаго съ хорошенькою хуторянкой скандализировали только дамъ и засидѣвшихся дѣвицъ; но молодежь обоего пола завидовала счастливымъ любовникамъ и какъ-то освѣжилась чувствами отъ одушевленныхъ вѣстей и толковъ объ этомъ новомъ романѣ, непохожемъ на прежніе. Одинъ студентъ, которому случилось быть въ церкви и видѣть Парасю, прозвалъ ее *задумчивою Дріадой* и написалъ, по случаю новыхъ слуховъ, стихи, которые очень понравились барышнямъ, такъ какъ поэтъ самъ былъ красавецъ, да къ тому еще носилъ и имя Аполлона. Нѣсколько влюбленныхъ паръ обрѣли въ своей душѣ рѣшимость объясниться окончательно, и одна хорошенькая барышня, изъявивъ согласіе выйдти ночью въ садъ на свиданье, переодѣлась въ сельское платье своей горничной, а на голову надѣла вѣнокъ изъ розъ и лилій. По уѣзду распространилось множество новыхъ сплетень, но всѣ онѣ, на-перекоръ злымъ языкамъ, дышали какою-то поэзіей и походили, въ устахъ молодыхъ людей, скорѣе на нѣжные баллады, чѣмъ на клевету и пересуды. Словомъ, повѣяло что-то небывалое еще въ атмосферѣ помѣщичьяго быта, и даже ученыя музыкантки, у которыхъ въ душѣ сидѣли одни Шопены да Бетговены, сами не зная почему, стали наигрывать простыя Украинскія мелодіи. Эта склонность къ національной музыкѣ и поэзіи больше всего распространилась между молодежью отъ преслѣдованій со стороны старшихъ; а хорошенькій студентъ еще больше поддалъ жару своими юношескими проказами. Будучи гостемъ въ уѣздѣ и не принадлежа ни къ какой партіи, онъ явился на похороны майора и познакомился съ молодою четой. Возвратись въ свой кругъ, онъ разлился весь въ восторженныхъ разсказахъ о красотѣ своей

Дріады и о геніяльномъ умѣ Сагайдачнаго. Сагайдачный, видя въ немъ свѣжую, воспріимчивую и благородную натуру, обласкалъ его, обворожилъ своею умною и искреннею бесѣдой и, въ довершеніе очарованія, подарилъ ему библіографическую рѣдкость — стихотворенія Украинскаго народнаго поэта. Юный Аполлонъ явился въ кругу уѣздныхъ барышень точно вдохновенный пантіемъ какой-то высшей силы и заговорилъ съ ними языкомъ, который въ устахъ другаго человѣка былъ бы смѣшенъ, но молодость и красота умѣютъ все горяче почувствованное проводить прямо въ сердце слушателей. Увлеклись пылкими рѣчами студента и люди постарше его возраста. Воображая себя въ ролѣ Вертера, онъ пѣлъ, а не разсказывалъ, о дикой граціи и красотѣ своей Дріады, и, собравъ въ воображеніи Байроновскія краски, онъ тутъ же рядомъ живописалъ предъ очарованными слушателями полный оригинальности и глубокій характеръ Сагайдачнаго. Наконецъ началъ неистово читать стихи Украинскаго поэта, и, предавшись до конца своему увлеченію, плакать надъ ними. Музыкой въ его устахъ показались тѣ звуки, которые назвучавшееся инымъ рѣчами ухо еще недавно признавало грубыми, и засидѣвшіяся въ темномъ затворѣ души унеслись, вмѣстѣ съ поэтомъ, въ широкія степи, и новые образы наполнили испорченное чужими романами воображеніе, и точно какая-то новая вѣра открылась разумѣнію многихъ. Надолго сохранилось впечатлѣніе, произведенное на юныя уѣздныя сердца разсказами студента Аполлона, его чтеніями и его горячими юношескими слезами, и началó изглаживаться только подъ совокупнымъ вліяніямъ будничныхъ толковъ помѣщичьяго быта, газетныхъ новостей о чиновничьихъ повышеніяхъ, журнальныхъ статей о практической пользѣ общенародности, ученыхъ доказательствъ противъ того, чѣмъ дорожатъ передовые Украинцы, повѣстей и разсказовъ о жизни и дѣяніяхъ такъ называемыхъ порядочныхъ людей, и вообще всѣмъ, что въ совокупности можно назвать дворянскою жизнью и дворянскою литературою. Подобно тому, какъ сіяющее лѣто будто для шутки является на глубокомъ сѣверѣ и, исчезнувъ, не оставляетъ слѣда на вѣчно зеленѣющихъ соснахъ, безчувственныхъ къ отсутствію тепла и свѣта, — явился и исчезъ молодой гость изъ уѣзднаго общества, съ своими теплыми рѣчами, съ своимъ сіяющимъ умомъ, съ своими задушевными восторгами. Умѣренно и ровно потекла опять жизнь молодого поколѣнія въ однообразныхъ берегахъ помѣщичьяго быта. Но въ первые дни послѣ смерти майора она взволновалась было не на шутку, и началó въ ней проявляться что-то свободное отъ застарѣлыхъ предразсудковъ семейныхъ и соціяльныхъ, что-то теплое и свѣтлое, что-то похожее на лѣто послѣ долгой сѣверной зимы. И какъ лѣтомъ, вмѣстѣ съ

цвѣтами, сіяющими на солнцѣ, являются на самыхъ теплыхъ мѣстахъ разные гады и играютъ на солнцѣ въ свое удовольствіе, — такъ появился во многихъ домахъ Иволгинъ, съ веселыми разсказами о смерти майора и о духовномъ завѣщаніи въ пользу князя.

Князь былъ такъ деликатенъ, что не предъявлялъ своего права на Майоровщину въ теченіе цѣлой недѣли по кончинѣ своего почитателя; но благосклонность его къ Иволгину видимо удесятерилась. Иволгинъ обѣдалъ у него ежедневно; Иволгинъ получилъ къ нему доступъ безъ доклада; Иволгину подарена была пара лошадей съ упряжью и нестарымъ еще кабріолетомъ. Все это Иволгинъ развозилъ по всему уѣзду, вполнѣ довольный своимъ жребіемъ, и охладѣлъ даже къ знатнымъ лицамъ, которыхъ обыкновенно караулилъ, бывало, на своей станціи. У него едва оставалось время на то, чтобы, выбрившись и умывшись какъ можно старательнѣе, явиться въ урочное время къ княжескому обѣду. У него не было времени даже присутствовать на похоронахъ у майора, котораго онъ любилъ больше, нежели кого-либо изъ сосѣдей. Онъ весь погрузился въ свое торжество и жаждалъ одного только, — жаждалъ того дня, въ который князь поручитъ ему вступить отъ своего имени во владѣніе Майоровщиною. Этотъ день наступилъ наконецъ.

Иволгинъ выбралъ самую лучшую пору для

своего торжественнаго акта, — 9 часовъ утра. Погода стояла удивительная, то есть такая, которой вѣчно дивишься, хотябы цѣлые дни проводилъ на открытомъ воздухѣ, въ саду, въ паркѣ, или на сѣнокосѣ. Но ничему во всей природѣ не дивился Иволгинъ: его поражали только явленія, совершающіяся внѣ творчества природы. Дивился онъ величавой благосклонности князя; дивился спокойствію, съ которымъ онъ принялъ изъ его рукъ духовную; дивился тону, которымъ онъ говорилъ о созданіи въ Майоровщинѣ величественнаго зданія, какъ-будто дѣло шло о скотномъ дворѣ; дивился наконецъ, когда узналъ, какая сумма ассигнована княземъ для превращенія скромнаго хутора въ великолѣпную виллу и сколько рабочихъ предполагаетъ онъ выслать сюда изъ своихъ многолюдныхъ имѣній. Воображеніе Иволгина играло, какъ у поэта. Онъ видѣлъ себя человѣкомъ, необходимымъ для князя при совершеніи такихъ работъ. Онъ пылалъ безкорыстнымъ юношескимъ жаромъ посвятить всего себя на служеніе великому предпріятію вельможи. Онъ ужъ забылъ о томъ, какъ мечталъ ввести Сагайдачнаго въ свой кругъ и совершить этимъ незабвенный подвигъ въ глазахъ всего уѣзднаго общества. Сагайдачный поблѣднѣлъ теперь въ его воображеніи, какъ блѣднѣетъ на небѣ мѣсяцъ, когда восходитъ солнце, и бѣдною показалась ему жизнь просвѣщеннаго демократа, въ сравненіи съ роскошною жизнью,

какую будетъ вести князь въ своей новой усадьбѣ. Даже сердечныя сожалѣнья, которыя тревожили его отъ времени до времени при видѣ чужого счастья, успокоились теперь совершенно. Онъ видѣлъ себя живущимъ почти безвыходно въ новомъ Готическомъ за́мкѣ. Князь дѣлаетъ ему даже предложеніе совсѣмъ переселиться туда и держать въ порядкѣ домъ его. Онъ важно расхаживаетъ по княжескимъ заламъ и отдаетъ княжескимъ слугамъ разныя приказанія, въ ожиданіи большого съѣзда гостей. Гости къ князю ѣздятъ самые отборные: веѣ генералы, всѣ дѣйствительные статскіе совѣтники, а не то — князья, графы и бароны. Онъ пріобрѣтаетъ множество самыхъ лестныхъ для него знакомствъ. Князь Великдапъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, разсказываетъ гостямъ, какимъ образомъ досталась ему эта живописная усадьба, и Иволгинъ скромно отклоняетъ отъ себя честь ея пріобрѣтенія, говоря, что онъ озарилъ разумъ покойнаго майора не чѣмъ инымъ, какъ сіятельнымъ именемъ великаго мужа. Тутъ представляется ему даже случай войдти въ счастливую семейную жизнь и на-вѣки отдѣлаться отъ своей станціи, которая хоть и держитъ его на свѣтѣ, но безпрестанно угрожаетъ лишить послѣдняго куска хлѣба. Въ новый за́мокъ, между прочимъ, привозятъ изъ пансіона прелестную дѣвочку, подъ именемъ княжеской крестницы. Иволгинъ очень хорошо знаетъ, что князь не анахоретъ и, какъ человѣкъ со вкусомъ, любитъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни. Знаетъ онъ также, какое нѣжное сердце у князя: не можетъ быть, чтобъ онъ плоды своей любви раскидывалъ по свѣту безъ призрѣнія. Кое-что онъ даже развѣдалъ положительнаго отъ его камердинера насчетъ *деликатныхъ*, какъ выразился камердинеръ, похожденій княжескихъ, и было ему извѣстно даже имя чиновника, осчастливленнаго выборомъ его сіятельства въ мужья одной хорошенькой пансіонерочкѣ. Не сомнѣвался Иволгинъ нисколько, что, когда появится въ за́мкѣ того же разряда крестница-сиротка, принятая княземъ подъ великодушное покровительство, то выборъ падетъ на него, и такъ же точно, какъ оному счастливому чиновнику, отсчитаетъ ему князь извѣстное количество тысячъ рублей, въ придачу къ хорошенькому личику крестницы. Торжествовалъ Иволгинъ заранѣе, сидя въ кабріолетѣ и заглядѣвшись на перспективу, которая вдругъ передъ нимъ открывалась, и подсмѣивался надъ бывшимъ своимъ наставникомъ, который часто называлъ его лѣнивымъ Малороссійскимъ осломъ. Онъ далъ бы дорого теперь, чтобы повстрѣчаться съ премудрымъ Нѣмцемъ и фыркнуть ему въ глаза тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣется торжествующій исполнитель тонко разсчитаннаго, или неожиданно удавшагося плана. »Самъ ты, братъ, оселъ со всею твоею Нѣмецкою мудростью«, говорилъ онъ мысленно. »Ког-

дабъ я не попалъ въ твой каторжный пансіонъ, лавно былъ бы я человѣкомъ!« И началъ припоминать Иволгинъ всѣ свои разорительныя затѣи, посредствомъ которыхъ спустилъ съ рукъ почти все, что наслѣдовалъ по смерти родителей, и всю вину своего разоренія взвалилъ на воспитаніе, которому подвергнулъ его Генрихъ Христофоровичъ. И легко ему сдѣлалось на душѣ, какъ вѣрному католику, съ котораго сваливаются грѣхи на спину діавола-искусителя. И не много можно бы насчитать въ свѣтѣ людей, которые были бы въ это время блаженнѣе Иволгина.

Взысканный благосклонностью и милостями вельможи, имѣя впереди самую завлекательную перспективу и сознавая, что вполнѣ заслужилъ предстоящее ему счастіе, онъ ѣхалъ въ Майоровщину въ томъ восторженномъ состояніи духа, въ какомъ завоеватель, принудивъ городъ къ сдачѣ искусною стратегіей, въѣзжаетъ въ беззащитныя ворота его. Майоровщина первый разъ въ жизни показалась ему раемъ, и до такой степени разнѣжились его нервы подъ вліяніемъ счастья, что ни запахъ цвѣтовъ въ утреннемъ воздухѣ, ни пѣнье лѣсныхъ птицъ, ни даже плескъ и крики гусей и утокъ на прудахъ, не пропали для него даромъ. Все это слилось въ какой-то чудный концертъ, показавшійся ему совершенно новымъ, и пѣло побѣдную пѣснь его торжеству. Что-то похожее даже на великодушіе поднялось изъ глу-

бины его удовлетвореннаго сердца. Онъ входилъ въ положеніе молодой четы и сожалѣлъ, что долженъ объявить ей предложеніе князя—очистить Майоровщину къ назначенному сроку. Князь былъ деликатенъ, какъ вельможа; Иволгинъ великодушенъ, какъ герой. Князь давалъ цѣлую недѣлю времени сестрѣ и племянницѣ майора для пріисканія себѣ новаго жилища; Иволгинъ, рискуя нѣкоторою отвѣтственностью передъ княземъ, вознамѣрился прибавить еще три дня. Чудное дѣло, какъ измѣняетъ счастье человѣка! Иволгинъ помолодѣлъ, и одутловатость его лица замѣнилась здоровымъ румянцемъ. Даже глаза его, обыкновенно тусклые и полуприкрытые повисшими сверху мѣшечками вмѣсто вѣкъ, теперь вырѣзались опредѣленными очертаніями и получили какой-то пріятный блескъ. Онъ былъ похожъ на жениха, готовящагося къ свадьбѣ. Во всей его фигурѣ было что-то ликующее.

Не безъ гордаго сознанія своего новаго значенія въ домѣ князя и во всемъ уѣздѣ, подкатилъ онъ къ бывшей квартирѣ майорской на дареныхъ лошадяхъ и въ дареномъ кабріолетѣ. Никто не вышелъ къ нему на-встрѣчу, и онъ прямо прошелъ въ свѣтлицу. Дверь на балконъ была отворена. На балконѣ сидѣли Сагайдачный и Парася. Онъ ихъ привѣтствовалъ торжественнымъ и вмѣстѣ самымъ любезнымъ поклономъ. Они его приняли очень ласково и просто.

»Чудныя мѣста здѣсь!« началъ разговоръ Иволгинъ, усѣвшись противъ молодой четы.

Съ нимъ согласились, что мѣста точно очаровательныя.

»Представьте же«, продолжалъ онъ, »еслибы здѣсь, на этихъ высотахъ, поставить Готическій замокъ, или дворецъ этакой! Тогда не для чего ѣздить и въ Швейцарію.«

»Я съ вами не согласенъ«, отвѣчалъ Сагайдачный: »тогда бы эти мѣста потеряли свой кроткій, истинно сельскій характеръ.«

»Позвольте и мнѣ съ вами не согласиться, Иванъ Ивановичъ«, возразилъ Иволгинъ, склоняя голову къ груди съ какою-то недавно усвоенною имъ улыбкой. »Эти мѣста только и ждутъ архитектора и иностраннаго садовника, чтобы преобразиться въ Элизіумъ.«

»Не скоро же они ихъ дождутся«, сказалъ спокойно Сагайдачный.

»Почему же вы такъ думаете, Иванъ Ивановичъ?«

»Потому, что я люблю въ Украинѣ хату подъ соломенною крышею и терпѣть не могу архитектурныхъ зданій съ претензіями на роскошь. Край убогій, народъ неразвитой, — къ чему намъ воздвигать дворцы? Развѣ для того, чтобъ еще рѣзче бросались въ глаза Украинскія кой-какъ слѣпленныя села и города? Да и передъ народомъ какъ-то совѣстно: точно какъ-будто хочешь попрекнуть

его убожествомъ и показать, что знать не хочешь его нуждъ. Напротивъ, соломенная крыша выражаетъ въ зажиточномъ и образованномъ хуторянинѣ какое-то братское единеніе съ простолюдинами.«

»Ну, у князя свой взглядъ на вещи«, сказалъ Иволгинъ, стараясь придать спокойное выраженіе своему торжествующему голосу. »Какъ бы то ни было, вельможа, государственный мужъ....«

»Князь намъ не примѣръ, Капитонъ Павловичъ!« отвѣчалъ Сагайдачный, нѣсколько суровымъ голосомъ. »Мы знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ жить посреди нашего народа.«

»Съ позволенія вашего сказать«, продолжалъ Иволгинъ всё тѣмъ же тономъ, »и князь не будетъ у васъ учиться вкусу. Надѣюсь, что онъ воздвигнетъ зданіе, достойное своего имени.«

»Ну, и пусть себѣ воздвигаетъ, а мы въ Майоровщинѣ будемъ жить подъ соломенными крышами.«

»Съ позволенія вашего сказать«, продолжалъ Иволгинъ, не измѣняя своего тона, »князь вамъ этого не позволитъ.«

»Что́ вы? съ ума сошли, Капитонъ Павловичъ?« спросилъ Сагайдачный.

»Въ полномъ разсудкѣ-съ, Иванъ Ивановичъ!« отвѣчалъ кланяясь Иволгинъ. Потомъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу, почтительно подалъ Сагайдачному, точно какъ-будто тотъ былъ его пол-

ковой командиръ, возвратился на свое мѣсто, уперся обѣими руками въ ляжки, съ самымъ молодцеватымъ видомъ, и, съ насмѣшливымъ спокойствіемъ, смотрѣлъ на Сагайдачнаго.

»Ну, такъ и есть!« сказалъ Сагайдачный, пробѣжавъ бумагу. »Я говорилъ вамъ, что нашъ князь круглый невѣжда въ томъ, что́ касается Россіи!«

»Это какъ же-съ, Иванъ Ивановичъ?« спросилъ Иволгинъ, не перемѣняя позы.

Разсмѣялся глядя на него Сагайдачный.

»Это онъ послалъ васъ къ намъ съ предложеніемъ очистить Майоровщину?«

»Точно такъ-съ«, отвѣчалъ Иволгинъ съ низкимъ поклономъ.

»Еслибы съ нимъ былъ секретарь его, онъ бы этой глупости не сдѣлалъ.«

»Почему же это-съ?«

»Потому, что секретарь указалъ бы ему на законъ, который гласитъ, что козацкія земли не могутъ быть отчуждены отъ наслѣдниковъ козацкаго рода, хотя бы они принадлежали по наслѣдству и чиновной особѣ изъ козаковъ.«

»Неужели есть такой законъ?« спросилъ Иволгинъ, теряя свою молодцеватую осанку.

»Кажется, есть. Спросите у князя: онъ былъ ближе меня къ законодательной власти.«

»Какъ же? помилуйте!« говорилъ въ смущеньи Иволгинъ, »онъ одинъ почеркомъ пера рѣшалъ участь....«

»Спросите также у него, нѣтъ ли въ десятомъ томѣ Свода Законовъ 889-й статьи, въ которой напечатано, что и вообще родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію.«

»Да́, спрошу! Въ самомъ дѣлѣ странно!« проговорилъ Иволгинъ, мѣшаясь еще больше.

»И если въ самомъ дѣлѣ окажется«, продолжалъ Сагайдачный, »что я говорю истину, то извините насъ передъ его сіятельствомъ, что мы будемъ жить по-прежнему подъ соломенною крышею.«

Иволгинъ слушалъ его, повѣся носъ, и потомъ взглянулъ на него испытующимъ взоромъ, стараясь, по выраженію лица его, узнать, въ самомъ ли дѣлѣ князь остался въ дуракахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія! лице Сагайдачнаго сіяло спокойствіемъ и счастьемъ.

»Что́ же мнѣ теперь дѣлать, Иванъ Ивановичъ?« спросилъ онъ. »Какъ же мнѣ явиться къ князю?«

»Такъ, какъ я вамъ совѣтую. Явитесь и спросите: »Не припомните ли, молъ, ваше сіятельство, такихъ и такихъ законовъ?«

»А что́, если князь припомнитъ законы противъ вашихъ законовъ?« сказалъ ободряясь Иволгинъ. »Вѣдь это случается, что одинъ законъ противорѣчитъ другому.«

»И какъ еще часто!«

»Нѣтъ, вы не шутите, Иванъ Ивановичъ!« И руки Иволгина машинально уперлись въ ляжки.

»Право, не шутите! И совѣтую вамъ не спорить съ его сіятельствомъ.«

Сагайдачный спокойно улыбался.

»Я вамъ даже скажу«, продолжалъ Иволгинъ, »что и законъ васъ не защититъ. Вспомните только, съ кѣмъ вы имѣете дѣло: вельможа, государственный мужъ! Вѣдь у кого же въ рукахъ законы? Подумайте только, и лучше во-время уступите.«

»Совѣты ваши, Капитонъ Павловичъ, полны истины«, сказалъ Сагайдачный. »Я съ вами совершенно согласенъ, что законы въ рукахъ извѣстныхъ людей — мечь обоюду-острый.«

»Превосходное выраженіе! именно такъ! Руби на-право и на-лѣво, — была бы только сила. А у князя ея довольно.«

»Согласенъ я съ вами и въ томъ, что такой человѣкъ, какъ князь, способенъ повернуть дѣло въ какую угодно сторону.«

»Истинно!... и ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Вѣдь министры, сенаторы — все это родня, все это друзья, все это, можно сказать, однокорытники! Что ни говори, а эти господа выше закона.«

»И при всемъ томъ«, продолжалъ Сагайдачный, »мы останемся подъ своею соломенною крышей такъ спокойно, какъ-будто вашего князя нѣтъ и на свѣтѣ.«

Иволгинъ вскочилъ съ своего мѣста: онъ не ожидалъ такого заключенія.

»Вы человѣкъ умный«, сказалъ онъ съ нѣкоторою запальчивостію, »но позвольте спросить васъ: на чемъ вы опираете ваше спокойствіе?«

»На силѣ вещей, которая держитъ за руки такихъ людей, какъ его сіятельство.«

»Да поможетъ ли вамъ эта сила вещей противъ могущества вельможи?«

»Надѣюсь.«

»Нѣтъ, не надѣйтесь, Иванъ Ивановичъ! Знаете ли вы это, что, по одному его мановенію, завтра же уѣздныя власти сдѣлаютъ вамъ предложеніе очистить усадьбу?«

»Знаю, но это будетъ глупость.«

»Однакожъ эта глупость заставитъ васъ ретироваться изъ Майровщины.«

»У меня есть мѣсто для отступленія. А куда потомъ отступятъ они сами?«

»Они въ этомъ не будутъ имѣть надобности. Князь станетъ между закономъ и ими.«

»Такъ начинайте же войну!« сказалъ Сагайдачный смѣясь.

»И начнемъ! Сила на нашей сторонѣ. Раскаетесь вы, Иванъ Ивановичъ, да поздно.«

»Если я въ чемъ раскаюсь, то развѣ въ томъ, что пустился въ раздобары съ вами о такомъ вздорѣ, какъ вашъ князь и его глупая претензія.«

»Этого мы вамъ не подаримъ!« сказалъ Иволгинъ, оскорбясь во глубинѣ души за князя, и по-

томъ, сдѣлавъ церемоніяльный поклонъ, торжественно удалился.

Неизвѣстно, какъ принялъ князь докладъ Иволгина о законахъ, оберегающихъ козацкую собственность отъ поползновеній со стороны людей, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли; но очень извѣстно, что Иволгина не пускали больше въ княжескій домъ, что Иволгинъ, послѣ нѣкотораго воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ со времени пріѣзда князя, началъ ежедневно *убивать муху*, что подаренные княземъ лошади поступили въ комплектъ станціонныхъ, а кабріолетъ нѣсколько разъ разыгрывался въ лотерею передъ выступленіемъ военныхъ изъ уѣзда.

У каждаго изъ насъ бываютъ праздники въ жизни. Не думано, не гадано, вдругъ проясняется для человѣка пасмурный бытъ его; сильнѣе начинаетъ биться сердце; веселыя мечты лѣзутъ въ голову, и отбѣгаютъ прочь суровыя заботы. Обновляется человѣкъ всѣми своими чувствами и съ удивленіемъ видитъ себя юношею. Но, если ваше сердце знакомо съ безотрадностью, не вѣрьте, ради Бога не вѣрьте, случайному проблеску счастья. Это коварная игра вашей судьбы. Соскучась однообразнымъ гнетомъ, она шутя задаетъ намъ роскошный праздникъ, чтобы сильнѣе потомъ почувствовали вы бѣдность существованія. Иволгинъ былъ такого убѣжденія, что нѣкоторымъ смертнымъ уже въ утробѣ матери предназначается ихъ участь и что самыя благородныя усилія на служеніе великому и доблестному не спасутъ ихъ отъ ничтожества, бѣдности и горя. »Я ли не служилъ человѣчеству въ лицѣ его лучшихъ представителей?« говаривалъ онъ у себя на почтовой станціи. »Я ли не искалъ знакомства съ достойнѣйшими людьми? Я ли не угождалъ вельможамъ и высшему чиновничеству? И что же въ результатѣ? Какъ висѣлъ, такъ и вишу на волоскѣ съ своею станціею. Справедливо сказалъ одинъ великій поэтъ:

Что наша жизнь? Не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое,
Иль нѣтъ, тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій....«

Надъ этими стихами онъ обыкновенно призадумывался и потомъ подходилъ къ бутылкѣ, вѣрной подругѣ его размышленій и единственной его утѣшительницѣ. Иногда, напротивъ, онъ вдохновлялся самимъ величіемъ своихъ несчастій, и говорилъ съ достоинствомъ героя:

»Но долженъ ли я раскаеваться въ томъ, что съ самаго ранняго дѣтства мыслилъ и чувствовалъ, какъ свойственно дворянину? Когда я потерю наконецъ все, рѣшительно все, — и тогда у

ПОТОМКИ
ЗАДПѢПРОВСКИХЪ ГАЙДАМАКЪ (*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕГО ПРІАТЕЛЯ.

(Посвящается Николаю Яковлевичу Макарову.)

I.

Давно ужъ это было, — лѣтъ сорокъ тому назадъ. Возвращался я, послѣ долгаго отсутствія, изъ Петербурга на родину, на берега славнаго Днѣпра; но не радостныя чувства наполняли мою душу. Меня постигли разомъ два несчастія: я по-

(*) Слово *гайдамака* значило у Польской шляхты — разбойникъ. Первые козаки, возставшіе противъ несправедливостей Польскаго дворянства, названы были гайдамаками. Но сами козаки никогда не смотрѣли на себя, какъ на разбойниковъ, и потому, съ гордымъ сознаніемъ своей правоты, сами себя стали называть гайдамаками. Извѣстны подвиги, которые совершали козаки для спасенія отъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ своей вѣры и свободы. Польское дворянство не иначе смотрѣло на эти подвиги, какъ на гайдамачество. Отчаянная борьба козаковъ съ ихъ врагами кончилась опустошеніемъ праваго берега Днѣпра. Эта пустыня, усѣянная пепелищами и грудами человѣческихъ костей, досталась еще разъ во владѣніе Польскому дво-

лучилъ извѣстіе о кончинѣ моего добраго батюшки и въ то же самое время разошелся съ невѣстой, которую горячо любилъ. Тоска обманутой любви гнала меня въ деревню, но въ деревнѣ, въ родительскомъ домѣ, ожидали меня однѣ нѣмыя стѣны. Всё однакоже родина, съ ея обитателями, манила меня какими-то неясными обѣщаніями сердечной отрады. Я торопилъ ямщиковъ, раздавалъ имъ полтинники на водку и наконецъ — я на Полтавскихъ степяхъ. Вокругъ меня снуются плавныя линіи роднаго горизонта, съ таинственными могилами. Вотъ ужъ я и на послѣдней станціи. Дорога отсюда пролегаетъ вдоль Полтавскаго берега Днѣпра, въ виду горъ, которыя, по-ту сторону широкой песчаной котлови-

рянству, по лукавому договору съ нимъ бояръ, управлявшихъ Московскимъ государствомъ. Дворянство Польское употребило всѣ средства, чтобы созвать на мѣста пожаровъ и разореній разбѣжавшихся во всѣ стороны Украинцевъ. Дворяне манили народъ въ новозаселяемыя слободы обѣщаніемъ безпримѣрной свободы въ отношеніи къ землевладѣльцамъ. А между тѣмъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ такъ называемой Гетманщинѣ, Самойловичъ, Мазепа и другіе гетманы, сойдясь по-дружески съ столичными вельможами, потакали имъ во всѣхъ неправдахъ относительно Украинскаго простонародья. Народъ перебѣгалъ цѣлыми сотнями съ лѣвой стороны роднаго Днѣпра на правую, въ чаянія свободы. Но, лишь только лѣвое побережье Днѣпра достаточно заселилось, Польскіе паны начали поступать съ народомъ по-пански. Народъ жаловался Запорожцамъ, которые, живя въ глубинѣ дикихъ степей, въ низовьяхъ Днѣпра, сознавали себя по-старому прибѣжищемъ гонимыхъ и отмстителями обидъ, претерпѣваемыхъ беззащитными. Изъ Сѣчи Запорожской выходили въ Польскую Украину почти съ каждой весной небольшіе отряды козаковъ,

ны Днѣпровской, тянутся синими лѣсистыми горбами. Лицо ямщика показалось мнѣ знакомымъ, но я, предаваясь грустнымъ воспоминаньямъ объ отцѣ и своемъ несчастномъ разрывѣ, ограничился молчаливымъ наблюденіемъ надъ нимъ. Онъ былъ красивый, рослый молодецъ и составлялъ исключеніе изъ ямщиковъ обыкновенныхъ. Рыжій армякъ не висѣлъ на немъ мѣшкомъ, какъ водится у его безпечной братьи, а былъ стянутъ разноцвѣтнымъ поясомъ, съ заботливостью щеголя, непренебрегающаго и самими складками своей одежды. Высокій бриль (1) его былъ обвитъ серебрянымъ галуномъ и убранъ полевыми цвѣтами. Даже въ украшеніи *пуи* (2) высказывалось желаніе быть чѣмъ-то выше обыкновеннаго, затас-

приглашали къ себѣ охотниковъ изъ поселянъ и, подъ именемъ *гайдамакъ*, опустошали и разоряли панскіе дворы, хутора и замочки. Такъ велось до упомянутаго времени, въ 1775 году, Запорожской Сѣчи. Послѣ этого событія гайдамачествовали за Днѣпромъ только бывшіе Запорожцы, въ небольшихъ размѣрахъ. Наконецъ и эти преслѣдователи панскихъ неправдъ состарились по уединеннымъ хуторамъ, перемерли въ передѣлкахъ съ панами, притаились въ народѣ отъ преслѣдованія вооруженныхъ Польскихъ командъ, и осталось послѣ нихъ одно имя: *гайдамака*, которое до сихъ поръ Польскій шляхтичъ употребляетъ въ разговорѣ безразлично отъ слова *разбойникъ*. Что касается до простого Украинца за Днѣпромъ, то онъ до сихъ поръ поетъ пѣсню, сложенную о первыхъ козакахъ-гайдамакахъ:

Товáрищи гайдамáки! чинíть мою вóлю:
Що намъ трéба одплатúти Вкраїнську недóлю!

(1) Шляпа.
(2) Кнута.

каннаго ѣздою ямщика. Но всего больше у него обратила на себя мое вниманіе *люлька* (1), которую Украинскій щеголь-простолюдинъ украшаетъ съ особенною заботливостью и выставляетъ на-показъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Она была вся въ мѣди и въ цѣпочкахъ, а *гайданъ* (2) къ ней, висѣвшій тутъ же у пояса, блестѣлъ не одной солдатской пуговицей, и съ нумерами, и съ бомбами.

Сдѣлавшись предметомъ моего вниманія, ямщикъ съ своей стороны обнаружилъ и ко мнѣ любопытство. Покрикивая и посвистывая на лошадей, онъ много разъ оглядывался назадъ и бросалъ на меня пристальные взгляды. Съ его языка ежеминутно, казалось, готовъ былъ сорваться какой-то вопросъ, и чѣмъ больше затруднялся онъ высказаться, тѣмъ внимательнѣе въ меня всматривался. Замѣтивъ это, я съ умысломъ прималчивалъ и ждалъ, что́ скажетъ мнѣ ямщикъ. Но ямщикъ, видно, больше думалъ, чѣмъ говорилъ, и ограничивался одними наблюденіями.

»Что́, братъ, оглядываешься?« обратился наконецъ я къ нему. Вѣрно, хочешь закурить люльку? Кури, я люблю запахъ *тютюну́* (3) на свѣжемъ воздухѣ.«

»Нѣтъ, баринъ«, отвѣчалъ ямщикъ Украинскимъ выговоромъ.

(1) Трубка.
(2) Ладунка.
(3) Табаку.

»Что́ жъ ты въ меня всматриваешься?«

»Да такъ. Мнѣ хочется спросить у васъ: не повернете ли вы въ Крутоярóвку? или прямо до самой станціи?«

»Нѣтъ, братъ, я ѣду на Андреевы Горы.«

»Да это все равно: по-вашему Андреевы Горы, а по-нашему Крутоярóвка. Такъ вы, стало быть, туда ѣдете?

»Туда. Но почему ты думаешь, что я долженъ повернуть, не доѣхавъ до станціи, на Андреевы Горы, или по-вашему въ Крутоярóвку?«

»Какъ не думать этого? Вѣдь вы должны быть сынъ покойнаго Крутоярóвскаго пана?«

»Да́, я сынъ его.«

»Ну, такъ и есть«, сказалъ ямщикъ. »У васъ одно лицо съ нимъ. Я какъ взглянулъ: »Эге!« думаю себѣ, »вотъ кого выпало мнѣ везти сегодня!«

»А ты хорошо зналъ моего покойнаго батюшку?« спросилъ я.

»Какъ же мнѣ не знать его? Что́ я за дурень былъ бы, чтобъ не знать мнѣ Крутоярóвскаго пана! Вѣдь мы, бывало, видимъ вашего батюшку всякой день.«

»По какому случаю?«

»По такому, что Крутоярóвка стоитъ надъ Днѣпромъ по сю сторону, а наша хата — подъ горою, на томъ берегу. Мой отецъ — рыбакъ. Такъ, бывало, какъ ѣдемъ на ловлю, или домой на вечерю, то и видимъ вашего батюшку въ саду. Вѣдь

вашъ садъ спускается къ Днѣпру, всё уступами, всё уступами, и съ лодки, все въ немъ видно, вотъ какъ на этой дорогѣ. Трудящій человѣкъ былъ вашъ батюшка: какія деревья насадилъ онъ на своихъ горахъ! какъ все убралъ кустами да цвѣтами! Прежде была тутъ пустыня, пески да лозы, а теперь такіе вертограды, что Господи! Можетъ, вы и въ Петербургѣ такихъ не видали.«

»Твой отецъ, говоришь ты, рыбакъ. Зачѣмъ же ты бросилъ рыбачій промыселъ и промѣнялъ доброе весло на лихой кнутъ?«

Вмѣсто отвѣта, ямщикъ вздохнулъ и повѣсилъ голову.

»Что́ же ты молчишь, братъ?« спросилъ я съ участіемъ.

Ямщикъ махнулъ рукой съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что горю его не помогутъ разсказы. А замѣтно было въ его лицѣ какое-то горе, хотя минуту назадъ это лицо казалось совершенно беззаботнымъ и даже веселымъ. Онъ подобралъ возжи и погналъ лошадей быстрѣе. Потомъ опять обратился ко мнѣ:

»Не знать мнѣ вашего батюшки! Да онъ — царство ему небесное — спасъ мою мать отъ калѣчества. Заболѣла глазами моя пані-ма́тка, да такъ заболѣла, что ничего уже и не видитъ. Такъ батько, стало быть мой панъ-отецъ, и послалъ меня: »Повези ее къ Крутопровскому пану. Онъ помогаетъ людямъ.« Что́ же? посмотрѣлъ, далъ лѣ-

карства, — какъ рукой сняло. Эге! такъ это вы стало быть ѣдете на хозяйство. Ну, Боже вамъ помоги. Женитесь, да и живите съ Богомъ. У насъ панночки есть хорошія въ сосѣдствѣ.«

»А ты самъ женатъ?« спросилъ я.

»Нѣтъ еще.«

»Отъ чего же ты не женатъ до сихъ поръ?«

На этотъ вопросъ, ямщикъ вздохнулъ глубже прежняго и опять погналъ лошадей. Сердце мое было тогда чутко; я догадался, что у него тоже что-то неладно. Но я молчалъ, боясь задѣть слишкомъ чувствительную струну.

»То-то мнѣ заразъ показалось«, началъ онъ снова, полуоборотясь ко мнѣ, »показалось что-то знакомое, только взглянулъ на васъ! И хотѣлъ бы спросить, и боюсь, чтобъ не разсердились. Иной такъ съ-разу пригнетъ тебѣ, что и самъ себѣ не радъ будешь. Паши ямщики говорятъ: »Брань на вороту не виснетъ«; а у меня такая натура, что словомъ ударишь меня больнѣе кулака. Отъ того я и боялся заговорить съ вами. Такъ это, стало быть, вы — Андрей Николаевичъ! Ну, слава жъ Богу, что онъ васъ принесъ на родину! да когдабъ еще не даромъ: когдабъ вамъ тутъ и невѣста сей-часъ нашлась! То-то бы мы попировали у васъ на свадьбѣ!«

»Найди, братъ, сперва себѣ нѣвѣсту«, сказалъ я.

Пріятное выраженіе лица ямщика и его про-

стодушная фамильярность расположили меня къ нему братски. Мнѣ хотѣлось проникнуть въ его тайну. Но мои слова произвели вдругъ перемѣну въ лицѣ молодого парня.

»Нѣтъ у меня невѣсты и не будетъ!« вскрикнулъ онъ. »Моя невѣста — одна тоска, одна досада! Эхъ, вы соколы!« прикрикнулъ онъ на лошадей, тряхнувши возжами, »разнесите хоть вы по полю мою ту́гу!«

Кони помчались вихремъ, какъ-будто поняли слова его. Но черезъ минуту онъ пріудержалъ ихъ и сказалъ:

»Нѣтъ, голубчики, не разнести вамъ моей ту́ги. Моя ту́га, моя печаль встрѣчаетъ меня съ полными вёдрами (¹).«

Въ это время мы проѣзжали черезъ хуторокъ, пріютившійся въ степной ложбинѣ надъ небольшимъ прудомъ. Потемнѣвшія вербы обступили воду, какъ рѣдкость, на которую сто́итъ посмотрѣть, и засыпали ея зеркальную поверхность своими листьями. Подъ одной изъ вербъ стоялъ навѣсъ надъ криницею, изъ которой вода стекала по желобу въ ветхое корыто, а оттуда въ прудъ. Изъ-подъ навѣса вышла молодая, красивая дѣвушка съ парою полныхъ вёдеръ на коромыслѣ. Ея движенія и видъ ясно говорили, что она поджидала встрѣчи съ ямщикомъ.

(¹) Примѣта: встрѣтить кого-нибудь на дорогѣ съ полными вёдрами воды — значитъ напророчить успѣхъ. Ямщикъ придаетъ этой примѣтѣ свой смыслъ.

Ямщикъ попросилъ позволенія остановиться, подбѣжалъ къ ней и напился изъ вёдра воды. Простоялъ онъ передъ ней нѣсколько мгновеній, не выпуская изъ рукъ вёдра, и перекинулся съ ней нѣсколькими словами. Было что-то почтительное въ выраженіи его лица, когда онъ говорилъ съ своей возлюбленною; было въ обоихъ ихъ, стоящихъ другъ противъ друга, что-то трогательное, что-то невольно возбуждающее участіе.

Когда ямщикъ сѣлъ на свое мѣсто и, быстро взлетѣвъ съ тарантасомъ на пригорокъ, пустилъ лошадей обыкновенной рысью, я обратился къ нему съ такою рѣчью:

»Ну, братъ, теперь я знаю, зачѣмъ ты промѣнялъ доброе весло на лихой кнутъ.«

»Коли знаете, такъ и знайте!« отвѣчалъ отрывисто ямщикъ.

»Разскажи мнѣ, братъ, что́ тебя мучитъ? Я вижу, что тебя что-то мучитъ.«

»Зачѣмъ вамъ это знать?«

»Ты мнѣ понравился, и мнѣ хочется знать, что́ у тебя за горе на душѣ.«

»Чтобъ посмѣяться?« сказалъ онъ, взглянувъ на меня искоса.

»Нѣтъ, братъ, смѣяться надъ тобой я не стану.«

Ямщикъ взглянулъ на меня еще разъ какъ-то странно и молча погналъ лошадей.

»Какъ тебя зовутъ?« спросилъ я, чтобъ чѣмъ-нибудь продо́лжить бесѣду.

»Зову́тъ меня Яковъ, а прозываютъ моего отца Дундýкъ, такъ по отцѣ и—Дундучéнко. Вотъ какъ меня зовутъ!«

Замѣтно было, что ямщикъ не безъ гордости произносилъ свое родовое имя.

»Ну, братъ Яковъ«, сказалъ я, »хо́чешь я тебѣ объявлю настоящую причину, почему мнѣ хочется знать, что́ у тебя на душѣ?«

»Да говорите жъ«, овѣчалъ онъ равнодушно.

»Когда мнѣ бываетъ грустно.... вѣдь бываетъ грустно и нашему брату, пану. Ты этому вѣришь?«

»Можетъ быть. Я не пробовалъ быть паномъ.«

И, отпустивъ шутку, ямщикъ не шевельнулъ усомъ.

»Ну, знай же, любезный другъ, что это такъ. Вотъ, когда мнѣ бываетъ грустно, то я ничѣмъ не могу себѣ помочь: ни деньги, ни вино, ни забавы не веселятъ меня тогда. Что́ же я дѣлаю? Я иду къ кому-нибудь изъ хорошихъ пріятелей — а у меня ихъ не много: всего два, три человѣка, — иду и все выскажу, что́ у меня на душѣ лежитъ. Какъ выскажу, и станетъ легче. Вотъ зачѣмъ хочу я знать, что́ тебя мучитъ. Мнѣ жаль тебя. Попробуй разсказать мнѣ всю твою ту́гу; можетъ быть, и тебѣ будетъ легче.«

За эту рѣчь Яковъ Дундученко подарилъ меня взглядомъ, которымъ я остался очень доволенъ.

И не вдругъ гордый Украинецъ началъ отвѣчать на нее. Сперва онъ долго думалъ и молчалъ, такъ что я началъ уже терять надежду что́-нибудь услышать; наконецъ пристально взглянулъ на меня, какъ-будто соображая, заслуживаю ли я искренней бесѣды о такомъ предметѣ, и сказалъ:

»Вижу по всему, что вы хорошій баринъ, что вы — человѣкъ, какъ человѣкъ, а не то, что называется панъ.«

Сказавъ это, онъ еще помолчалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

»Горе мое какъ-будто и не велико, да узловато. Разсказать его — пять словъ, а перенести — пускай бы кто попробовалъ, каково переносить такое горе!... Вы у своего панъ-отца одинъ сынъ?«

»Одинъ.«

»Ну, такъ вы знаете, какъ вы были ему дороги на старости. Это жъ еще въ вашемъ, панскомъ быту, а у насъ еще дороже: у насъ сынъ и утѣха, и помощь, и слуга старикамъ. Я тоже одинъ у своего отца и матери, и даромъ, что мои родители люди простые, а любятъ меня такъ же, какъ и паны своихъ дѣтей, если не больше. Отецъ и мать мои — бѣдные люди, но еслибъ вы давали имъ за меня горы золота, ей Богу, не отдадутъ и за горы золота! И что́ жъ? я покинулъ ихъ! Покинулъ, таки вотъ какъ видите, и, вмѣсто того, чтобъ служить имъ при ихъ старости, служу чужимъ людямъ. Вотъ мое горе, Андрей Ни-

колаевичъ! такое горе, что тамъ, можетъ быть, половина сердца уже истлѣла! Да вы, кажется, не понимаете моихъ рѣчей.«

»Нѣтъ, братъ Яковъ, очень понимаю!«

»Куды вамъ! Колибъ такая *гадюка* (1) обвилась у васъ вокругъ сердца, какъ у меня, тогдабъ вы меня поняли.... Только что́ я, безумный, это говорю? Не дай Богъ вамъ такой бѣды! не пожелаю и врагу своему такого горя!... Бѣдные, старые, недужные, одинокіе,—и я ихъ покинулъ!... Ну, кони!«

И ямщикъ погналъ лошадей, какъ-будто быстрота ѣзды облегчала его сердце.

»Зачѣмъ же было тебѣ оставлять ихъ, когда это такъ мучитъ тебя?« спросилъ я.

»Зачѣмъ?... А вы и не догадались?«

»Тебѣ хотѣлось чаще видаться съ твоей красавицей?«

»А правда, что красавица? на весь свѣтъ красавица!« воскликнулъ ямщикъ, взглянувъ на меня сверкающими отъ удовольствія глазами.

»Да́, братъ, умѣлъ ты выбрать себѣ дѣвушку!«

»То-то, баринъ! Теперь скажите, кто жъ бы могъ полюбить такую *кра́лю* (2) и не умирать по ней? Я совсѣмъ потерялся, скажу вамъ истину, Андрей Николаевичъ. Я самъ не знаю, что́ и дѣлаю. Мало того, что покинулъ отца и мать, я разорю ихъ. Видите, какой на мнѣ бриль, какой

(1) Змѣя.
(2) Королеву.

поясъ, какіе саноги! А сорочку это *она* сама мнѣ вышивала, и красная лента въ сорочкѣ отъ *нея*.«

Ямщикъ показалъ расшитую красными *мере́жками* (1) пазуху и обшлага широкихъ рукавовъ, довольно, впрочемъ, заначканные.

»Мнѣ ли«, продолжалъ онъ, »рядиться въ павлиныя перья да въ галуны? мнѣ ли платить за одну люльку, безъ гамана, цѣлковый, когда у меня дома безпомощные старики? Я себѣ каждый день задаю праздникъ, разъѣзжая мимо криницы, а моему отцу и матери хата — тюрьма!«

»Но послушай, братъ Яковъ«, сказалъ я: »не лучше ли тебѣ жениться на этой дѣвушкѣ и жить вмѣстѣ съ отцемъ и матерью, чѣмъ этакъ горевать и мучиться?«

»Жениться! вамъ легко говорить, а попробовали бы вы уломать моего старика!«

»А что́ же? развѣ старикъ не согласенъ?«

»Разумѣется, не согласенъ! и слышать не хочетъ!«

»Что́ жъ? развѣ бѣдна?«

»Нѣтъ, она всѣмъ богата, да не тѣмъ, что́ моему старику нужно. У него ни по чемъ красота и добрый нравъ, и сердце правдивое Приданое: волы, коровы, овцы, — вотъ что́ ему нужно!«

»Какъ же ты говорилъ, что отецъ не отдалъ бы тебя и за горы золота, а не хочетъ сдѣлать тебя

(1) Узорами.

счастливымъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ приданое? Гдѣ же тутъ любовь его къ тебѣ?«

»И теперь скажу, что онъ меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Затѣмъ-то и не хочетъ, чтобъ я женился на убогой. Я толковалъ уже ему.... то есть, не самъ я, а черезъ мать: у самого меня и языкъ передъ нимъ не повернется.... толковалъ я ему, что мы люди молодые, что мы станемъ трудиться, наживемъ себѣ добро.«

»Что́ же? по-моему, ты умно разсуждалъ.«

»Эге́! по-вашему умно, а по-его, такъ глупо. Онъ говоритъ матери: »Сама ты видишь: мы съ »тобой побрались бѣдняками, и вотъ ровно тридцать »лѣтъ трудимся, не покладаючи рукъ, а много при»обрѣли добра? Та же хата, что́ досталось мнѣ »отъ дѣда, тотъ же садикъ подъ горою и тѣ жо »лодки на Днѣпрѣ! Пускай«, говоритъ, »выкинетъ »дурь изъ головы да женится на отцевской доче»ри, а не на сиротѣ; пускай возьметъ въ прида»ное плугъ воловъ да сдѣлается пахаремъ, то за»живетъ лучше рыбака, да и насъ, при нашей ста»рости, упокоитъ.« Вотъ что́ разсказываетъ мой панъ-отецъ! Я было и надумался: »Выброшу изъ »головы дурь! пускай будетъ по-его!« Только такая тоска на меня нашла, что чуть съ ума не сошелъ. Плыву въ лодкѣ по Днѣпру — такъ и хочется броситься въ воду. Плещетъ весло, а мнѣ чудится, что кто-то нашептываетъ: »Не житье тебѣ на свѣтѣ!« Мучился, мучился да послѣ думаю:

»Нѣтъ, не сдобровать мнѣ на Днѣпрѣ: погублю и »свою душу! оспрочу отца и матерь!« Да, не сказавши никому ни слова, бросилъ рыболовство и пошелъ въ почтари.«

»И твои старики до сихъ поръ не знаютъ, гдѣ ты?«

»Нѣтъ, мать меня навѣщаетъ. Сердце сказало ей, гдѣ я очутился.«

»Почему жъ ты съ ними напередъ не объяснился? почему хоть матери не открылъ, что оставляешь ихъ?«

»Да потому, что еслибъ захотѣлъ сказать ей, что вотъ покину васъ, то ужъ навѣрное не покинулъ бы. Я знаю свою натуру: такая проклятая натура, что хочешь дѣлать одно, а дѣлаешь другое. Да и теперь вотъ, не наймись я на всю осень въ почтари, то мать увела бы меня домой, какъ ребенка.... А то *наня́вся — як*ъ *прода́вся*. Только это и даетъ мнѣ силу; ато ходилъ бы я, какъ сумасшедшій, съ этой на ту сторону, а съ той на эту. Мнѣ-то и теперь не легче; только тогда и былъ бы ни рыбакъ, ни почтарь, и оставилъ бы своихъ стариковъ безъ куска хлѣба. Ато мнѣ, говорю, и теперь не легче. Вамъ сдается, легко носить на душѣ отцево и материно горе! Покинуть однихъ на старости! Вижу, что и Господь меня покинулъ: нѣтъ у меня радости въ сердцѣ, хоть наряжаюсь, какъ женихъ, хоть каждый день вижу свою Настю!«

»Да тебѣ бы, Яковъ, жениться ужъ съ разу«, сказалъ я, »чтобъ положить всему конецъ: тогда бы старикъ по-неволѣ сдался.«

»Какъ! безъ отцевскаго благословенія?« отвѣчалъ Яковъ съ изумленіемъ. »Вотъ славно! Это у пановъ только такъ водится. Да и моя Насти, даромъ, что бѣдная дѣвушка, а не пришли и ей сватовъ по закону съ хлѣбомъ изъ отцевской хаты, то хоть бы во сто разъ больше меня любила, а на такой срамъ не пустится!«

»Какого же ты ждешь конца? Отецъ не позволитъ тебѣ жениться, а ты, безъ его благословенія, не смѣешь.«

»Никакого. Вотъ буду цѣлый вѣкъ этакъ ѣздить почтаремъ, а она цѣлый вѣкъ будетъ выходить ко мнѣ на свиданье, пока и молодость наша пройдетъ, и истаемъ, какъ свѣчки.«

»Но крайней мѣрѣ по смерти старика ты будешь свободенъ дѣлать что́ хочешь?«

»Сохрани меня Богъ объ этомъ думать! Буду заработывать ему пропитаніе почтарствомъ, пока онъ живъ, а хоть и приметъ его къ себѣ Господь, да не получу отъ него благословенія, не женюсь и тогда до-вѣку!«

Признаюсь, я былъ тронутъ послѣдними словами ямщика и удивленъ непорочностью его правилъ. Убѣжденія бѣднаго Якова не принадлежали собственно ему: они были основаны на общественномъ, непреложномъ для него мнѣніи; но всё

же нельзя было не уважать личности, которая въ такой чистотѣ сохранила нравственныя убѣжденія своего народа и самымъ дѣломъ свидѣтельствовала ихъ святость.

»Ну, братъ Яковъ«, сказалъ я, »спасибо тебѣ за разсказъ. Никогда его не забуду! Жаль, что не могъ пособить твоему горю моими совѣтами; а за разсказъ всё таки спасибо!«

»И вамъ, Андрей Николаевичъ, спасибо«, отвѣчалъ Яковъ, приподнявъ свой щегольской бриль, »что не погнушались побесѣдовать съ нашимъ братомъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало какъ-то легче на душѣ, какъ разсказалъ вамъ свое горе. Ато молчу да душу́ свое сердце, якъ гадюку. Наши ямщики — народъ-гуляка, зубоскалы. Съ ними и я шучу, чтобъ не прозвали квашею; а что́ у меня на душѣ, того никто не знаетъ.«

»Но ты по крайней мѣрѣ Настѣ своей открываешь свою душу?«

»Нѣтъ, ей и десятой доли не скажу я того, что́ вы у меня выпытали. Знали вы, какъ подойти подъ меня! Не дай Боже, еслибъ Настя знала всю мою тугу! При ней я кажусь веселымъ; проѣзжаю мимо хутора — пѣсни пою; для нея щеголемъ наряжаюсь, чтобы она думала, что и на душѣ у меня все такъ сіяетъ. Эхъ, кони, кони! близко, ужъ близко!«

Съ этими восклицаньями ямщикъ быстро погналъ лошадей по дорогѣ, которая была обсажена мо-

лодыми березами, вдоль дубоваго лѣсу. Слѣва въ промежутки между деревъ синѣли Днѣпровскія горы. Деревья летѣли быстро въ противуположную сторону; горы тихо двигались впередъ. Еще изгибъ дороги, еще одна знакомая мнѣ съ дѣтства глубокая картина, и лошади ужъ на дворѣ, среди разноцвѣтной осенней зелени.

II.

Я принялъ очень близко къ сердцу горе своего сосѣда. Я рѣшился помочь ему. »Боже мой!« думалъ я, »какой бездѣлицы не достаетъ этимъ людямъ, чтобъ совершенно примириться съ жизнію!... А мы?...«

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, я бы прежде всего занялся устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ; но, въ тогдашнемъ душевномъ состояніи моемъ, дѣло Якова Дундучёнка казалось мнѣ самымъ близкимъ моему сердцу. Пусть хоть эти люди будутъ счастливы, если судьба не дала мнѣ насладиться благами семейной жизни!...

На другой же день утромъ я отправился къ старому Дундукý, то есть поплылъ къ нему черезъ Днѣпръ на лодкѣ. Туманъ лежалъ надъ водой и смягчалъ передо мной рѣзкость обрывовъ противоположнаго горнстаго берега. Стадо гусей

пронеслось надъ моей головой и пало на воду. Огненныя струи разлились по водной синевѣ. Звонкій крикъ въ утренней тишинѣ напомнилъ мнѣ многое изъ моего дѣтства, когда такъ мало нужно было для моего счастья.... Теперь я ищу утоленія горести только въ облегченіи чужихъ страданій. Пусть будетъ и такъ, если не могло быть иначе.

Въ подобныхъ размышленіяхъ, я приближался къ хатѣ стараго Дундука, которая стояла у подошвы наддиѣпровскихъ горъ. Эти горы громоздились къ-верху неправильными уступами, и низменная хата рыбака, въ сравненьи съ ихъ смѣлыми, великанскими размѣрами, казалась мнѣ еще бѣднѣе и низменнѣе. Это, однакожъ, не мѣшало ей производить пріятное впечатлѣніе на взоръ, утомленный разсматриваньемъ ея дикихъ окрестностей. Съ своимъ вишневымъ садикомъ, съ своимъ убогимъ плетнемъ вокругъ двора, осѣвшими крышами на хлѣвахъ и песчаною дорожкою, бѣгущею по косогору, Дундукова хата представляла уютное мѣстечко, на которое пріятно набрести охотнику, когда на небѣ заклубятся сизыя облака и Днѣпръ почернѣетъ и загудетъ, отзываясь на раскаты отдаленнаго грома.

Старушка Дундучиха дополняла раскинувшуюся передо мной картину собственной особой: съ прялкою за поясомъ, она гнала съ горы корову.

Я живѣе прежняго вообразилъ передъ собой го-

рующаго ямщика, глядя на ея волосы, побѣлѣвшіе, какъ шерсть, которую она медленно пряла, идучи ко мнѣ на-встрѣчу. Я читалъ горькую думу объ отсутствующемъ сынѣ въ каждой морщинѣ ея лица и въ глазахъ, блестящихъ холодною слезою старости.

И точно, едва я съ нею поздоровался и возобновилъ старое знакомство, она тотъ-часъ заговорила о своемъ Яковѣ и о томъ, какъ она, надо не надо, взбирается на гору, чтобъ посмотрѣть на дорогу, по которой разъѣзжаетъ онъ, на той сторонѣ Днѣпра, отъ станціи до станціи.

»И будто ты что-нибудь видишь въ такой дали?« спросилъ я.

»Нѣтъ«, отвѣчала она, »я вижу только, какъ пыль курится на дорогѣ, да и отъ того на сердцѣ станетъ какъ-то легче. И, какъ заглянусь на эту пыль, то и забуду, что это только слѣдъ моего Якова: кажется мнѣ, что я вижу его самого, и вьются передо мной его черныя кудри по вѣтру.«

Старый Дундукъ встрѣтилъ меня радостно, сколько дозволяла выражать радость его суровая, гайдамацкая наружность. Онъ очень любилъ моего покойнаго батюшку и выразилъ надежду, что со мной будетъ жить тоже по-сосѣдски. Воспользовавшись его добрымъ ко мнѣ расположеніемъ, я тотъ-часъ приступилъ къ дѣлу.

»А знаешь ли, Харко́«, сказалъ я: »я пришелъ къ тебѣ сватомъ.«

Сѣрыя брови старика зашевелились вопросительно, но онъ немолчалъ съ минуту и потомъ уже спросилъ:

»Какъ же это, добро́дію?«

»Да такъ, я напрашиваюсь въ сваты къ твоему сыну.«

»Къ моему во́лоці́огѣ (1)? Не стоитъ онъ того, пане!«

И лице стараго Дундука приняло суровое и грустное выраженіе.

»Еслибъ не стоилъ, то я и не хлопоталъ бы о немъ. Твой Яковъ славный парень.«

»*Леда́що* (2), пане! не стоитъ онъ вашего добраго слова.«

»Да вѣдь я не объ одномъ Яковѣ хлопочу: мнѣ жаль тебя и твоей старухи.«

»Спасибо вамъ, пане; только изъ вашего жалю ничего не выйдетъ.«

»А по-моему, такъ выйдетъ. Ты упрямъ, и я упримъ: что́ задумаю, то сдѣлаю. Мнѣ хочется, чтобъ у тебя весело было въ хатѣ.«

»Куме́дные (3) вы паны!« сказалъ усмѣхнувшись Дундукъ. »Какъ же вы это сдѣлаете?«

»Да очень просто: только пригласи меня въ сваты къ твоему Якову.«

»Кого же вы будете сватать?«

(1) Бродягѣ.
(2) Негодяй.
(3) Смѣшные.

»Да хоть бы, на-примѣръ, Настю?«

»Настю!... Нѣтъ уже этому-то не бывать!«

»Почему же не бывать?«

»Я-то знаю, почему!«

»Ну, ужъ и отъ тебя не отстану, сосѣдъ! Во что́ же ты меня ставишь, когда не хочешь даже и говорить со мной?«

»Эхъ, панъ мой любезный!« сказалъ Дундукъ, »ну, что́ вамъ за охота мѣшаться въ чужія дѣла? Развѣ у васъ мало своихъ?«

»Мало не мало, а только не могу и сносить твоего горя.«

»Кумедные паны!« сказалъ опять Дундукъ, почесавъ затылокъ: »я сношу́, а они не могутъ сносить.«

»Ну, подумай самъ: хата твоя — противъ моихъ оконъ. Весело ли мнѣ будетъ смотрѣть на нее каждый день и думать: »Бѣдный Дундукъ! ну, »что́ бы ему женить своего Якова на Настѣ! и »всѣмъ было бы хорошо, и мнѣ весело было бы »смотрѣть на его хату!...«

Старикъ угрюмо покачалъ головой.

»Ну, почему же Настя не чета твоему Якову? по крайней мѣрѣ скажи, почему?«

»Почему? почему?« повторилъ съ неудовольствіемъ Дундукъ, и сердито смотрѣлъ внизъ, скрестивъ на груди руки.

»Вѣдь она, какъ и узналъ, взросла у васъ же въ хатѣ бѣдной сироткой.«

»То-то жъ и е́сть!« воскликнулъ Дундукъ, не перемѣняя своего положенія, и морщины на его лбу сдѣлались еще суровѣе.

»Слѣдовательно, вы знаете ея нравъ и обычай«, продолжалъ я.

»А вже жъ знаемъ!« говорилъ Дундукъ.

»Дѣвушка разумная. Всѣ такъ о ней отзываются.«

»Врагъ ее не взялъ«, сурово подтвердилъ Дундукъ: »и умная, и пригожая, а ужъ работница, то именно невсыпу́щая. Не взялъ бы ее врагъ: нашли бы мы ей пару и выридили бы замужъ честно; да, на бѣду себѣ и намъ, забрала въ голову — не покидать до-вѣку нашей хаты.«

»Что́ жъ тутъ за бѣда такая?«

»А то, что и Якову нашему залѣзла въ голову дурь — не искать невѣсты дальше своего порога.«

»Ну, и прекрасно!«

»Прекрасно! хорошо вамъ этакъ разсуждать! Вы что́ задумали, то и сдѣлали; вы не свои́ми руками хлѣбъ зарабля́ете; а нашему брату хотѣлось бы на старости дать покой безуста́нными рукамъ. Пускай бы мой Яковъ взялъ *отѣцькую дочку* (¹) хоть съ двумя парами половъ, а тутъ вотъ на горѣ находится земелька у шляхтича; продалъ бы я свою насику да сякъ-такъ выторговалъ бы ее, то стало бъ на весь вѣкъ ему и дѣтямъ его.«

(¹) Т. е. не сироту, не бѣдную.

»Такъ вы, стало быть, и согнали ее со двора за то, что у ней нѣтъ двухъ паръ воловъ?« спросилъ я.

»Сохрани насъ Богъ выпихнуть изъ хаты сироту!« отвѣчалъ старикъ. »Сама она, только узнала, что я отказалъ Якову на-отрѣзъ, заразъ поблагодарила насъ за хлѣбъ за соль и пошла въ найми́чки. Въ одной старенькой свиткѣ пошла, ничего больше не взила.«

»А теперь вамъ, думаю, и жаль бѣдной сироты?«

»Еще бы и не жаль! Хата сдѣлалась — точно *пу́стка* (¹). Вслѣдъ за нею понесло и его глупую голову. Богъ съ ними! пускай живутъ себѣ, какъ знаютъ; а намъ, старикамъ, не *пи́накать* (²) коло нихъ.«

»Ну, Харко«, сказалъ я, »а что́, еслибы молодые люди пришли къ тебѣ и повалились въ ноги?«

»А ничего! Что́ сказано, то свято. Будетъ съ меня и того, что самъ я натерпѣлся съ-молоду бѣдности.«

»Ну, а еслибъ вашей Настѣ упало съ неба двѣ пары добрыхъ воловъ съ готовымъ плугомъ?«

»То есть, какъ это?«

»То есть такъ, что и подарилъ бы ей и воловъ, и плугъ?«

»Не возьму я, пане, за своего сына дівчины съ даренными волами.«

(¹) Необитаемая.

(²) Т. е. не упрашивать, говоря: *пане, пане!*

»Это же еще что́?«

»То, что не годится намъ такое приданое.«

»Понимаю тебя, братъ, понимаю! Досадно, а не могу не похвалить твоего обычая. Но слушай еще: А что́, еслибъ твой Яковъ нашелъ на дорогѣ порядочную кису денегъ? Вѣдь и этому не мудрено статься.«

»Что́ тутъ мудренаго, пане? Только добрая слава дороже денегъ. Людскихъ мыслей ничѣмъ не остановишь. Всякому извѣстно, что имущіи возятъ пьяныхъ и всякихъ.... Но попрекнули бъ Якова, то попрекнули бъ дѣтей его. Дѣти, играя на улицѣ, попрекнули бъ его дѣтей воровствомъ батьковскимъ. Чѣмъ тогда откупишься отъ худой славы?«

»Ну, братъ, мудрецъ ты изъ мудрецовъ. Однакожъ я отъ тебя не отстану. Я не хочу, чтобъ въ твоей хатѣ пахло пусткою. Я сзову *громáду* (¹) и передъ громадой подарю тебѣ самому, по дружбѣ, двѣ пары воловъ и плугъ, а ты зови меня на свадьбу старшимъ боярином.«

Старый Дундукъ задумался.

»Съ васъ и это станется, добро́дію!« сказалъ онъ: »вы, какъ я вижу, панъ кумéдный, нехай васъ Богъ ми́луе. Только и передъ громадою не годится намъ брать такую великую *худóбу* (²) даромъ.«

(¹) Міръ, сходку.

(²) *Худóба* — имущество; но какъ главное имущество поселянина состоитъ въ рогатомъ скотѣ, то это слово употребляется ча-

»Отъ чего же это?«

»Отъ того, что не идетъ человѣку въ прокъ, что́ достается безъ труда.«

»Прекрасно, дружище!« сказалъ я. »Знай же, что я не такой щедрый человѣкъ, какъ тебѣ кажется. Безъ заслуги, я никому ничего не даю. На этотъ счетъ, я думаю одинаково съ тобою. Есть у меня для тебя служба, да и не малая, и не легкая: не бойсь, не да́ромъ достанутся тебѣ волы.«

»А говорите жъ, что́ это за служба?«

»Найми мнѣ твоего Якова на три года. Въ какую работу, объ этомъ не спрашивай. Мы съ нимъ поладимъ, положись на меня. Черезъ три года онъ будетъ свободенъ и получитъ не только плугъ воловъ, но и ту землю, которая тебѣ такъ нравится. Я тотъ-часъ ее куплю у шляхтича.«

Старый Дундукъ не выражалъ ни радости, ни удивленія. Заботы мои о его благоденствіи не внушали ему и недовѣрчивости, столь обычной въ

ще всего въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Интересно происхожденіе слова *худо́ба*. Корень его *худой*, т. е. тощій. Зажиточный поселянинъ никогда не хвалится, что у него что-либо въ домѣ идетъ прекрасно, боясь повредить себѣ похвалою. Овцы на языкѣ его *овечя́та*; кони — *шкапіки*, *пати́ки*, *шевлю́ги*; въ этомъ смыслѣ и рогатый скотъ *худо́ба*, хоть бы эта худоба откормлена была на убой. Опасеніе повредить себѣ похвалою, обратившееся въ суевѣрное правило, говоритъ о тѣхъ временахъ, когда въ Украинѣ господствовало право сильнаго и каждый прятался и таился съ своимъ имуществомъ.

простолюдинѣ; но что-то говорило внутри его, что изъ этого не будетъ проку, и заставляло клонить низко голову, — еще ниже, чѣмъ онъ клонилъ ее, размышляя о своей хатѣ-пусткѣ и о сынѣ-бродягѣ. Но, простоявъ въ неподвижномъ раздумьи нѣсколько минутъ передо мною, который молча дожидался его отвѣта, онъ сказалъ наконецъ:

»Добре, нехай буде и по-вашему.«

Поразилъ меня тонъ, которымъ были произнесены эти слова, и, признаюсь, поразилъ непріятно. Я ожидалъ радости, или хоть веселаго вида. Я воображалъ, какъ просвѣтлѣетъ лице суроваго старика, какъ разгладятся морщины на его угрюмомъ челѣ, клонящемся къ груди, по привычкѣ предаваться уединеннымъ размышленіямъ. Ничего не бывало. Онъ сдѣлался даже какъ-будто печальнѣе, точно какъ-бы уступилъ тяжкой и унизительной для него необходимости. Но я радовался за остальныхъ членовъ семейства и поспѣшилъ проститься съ Дундукомъ, чтобы тотъ-часъ послать за Яковомъ.

III.

Это важное порученіе возложилъ я на Зоту Лапка́, стараго садовника, правившаго моею лодкою. Зота Лапко́, узнавъ въ чемъ дѣло, поразилъ меня своею радостью въ такой же мѣрѣ, какъ Дун-

дукъ — равнодушіемъ. Я не могъ не спросить его:

»Да чему же ты такъ радуешься?«

»Какъ же мнѣ не радоваться, когда моему *побратиму* (1) выпала такая благодать? Вѣдь мы съ Дундукомъ свои съ-молоду, мы побратимы.«

»Я не зналъ.«

»Какъ же этого не знать? Это всѣмъ извѣстно. Я отступился для него отъ Маруси, стало быть его хозяйки. Вотъ мы какіе пріятели! Я самъ хотѣлъ ее сватать.«

»Зачѣмъ же дѣло стало? Развѣ она тебя не любила?«

»Не любила! какъ бы то ни любить? развѣ я и тогда носилъ такую сѣдую голову? Мы жили съ нею, якъ рыба съ водою.«

»Почемужъ ты не женился на ней?«

»Эге, почему! Недостатки мои — вотъ почему! У ней былъ отецъ богатый и гордый, а я — нищебокъ убогій: вотъ я и говорю побратиму, стало быть Дундуку: »Сватай, братъ, мою Марусю: за »меня не отдадутъ, а душа вѣрная; жаль мнѣ будетъ, коли достанется въ ледачія руки!«

»Стало быть, Дундукъ былъ богаче тебя?«

»Какое богаче? совсѣмъ не богаче!«

»Какъ же это за него отдалъ Марусю гордый отецъ?«

»Какъ отдалъ!« повторилъ Зота и задумался.

(1) *Побратимъ* — другъ на правахъ брата.

»Тутъ, скажу вамъ, случилось такое, что Богъ его знаетъ, какъ и думать о такомъ казусѣ. Го, тутъ исторія, ужъ именно исторія!«

Зота Ланко́ наклонился ко мнѣ и понизилъ голосъ.

»Видите ли, Андрей Николаевичъ, побратиму мосму, Харку́ рыба́лкѣ, то есть Дундуку, пришлось было такъ же плохо, какъ и мнѣ. Правда, что у меня не было ни кола, ни двора и служилъ я по наймамъ: затѣмъ и носа не смѣлъ поткнуть къ старому Потылицѣ, стало быть къ отцу Маруси. Въ-пріймы онъ бы меня не принялъ: у него сынъ былъ женатый. Ну, а у Дундука — хата своя, и рыбалка онъ съ дѣтства. Однакожъ и ему *гарбуза́* (1) подсунули. А Маруся была дѣвушка — просто краса. Къ тому жъ и обидно: свѣтъ немилъ мосму Харку. Бродитъ онъ, какъ окаянный, почью по-надъ Днѣпромъ, и уже такія думки начинали приходить ему въ голову, что не лучше ли нацѣпить себѣ камень на шею да въ воду, чѣмъ этакъ горевать на свѣтѣ. Только смотритъ.... а ночь была лунная.... смотритъ — изъ воды лѣзетъ кто-то въ красномъ жупанѣ. Усы — какъ два крыла, изъ-подъ шапки чубъ — какъ змѣя, еще и за ухо закрученъ. »Дурень ты, дурень!« говоритъ Харку, — а у Харка, понимаете ли, и души нѣтъ. »Чортъ знаетъ чего«, говоритъ,

(1) Дать *гарбуза* (тыкву) значитъ — отказать въ сватовствѣ.

»захотѣлось тебѣ!« А Харько крестится да на-силу повернулъ языкъ, чтобъ спросить: »Кто ты такой?« А тотъ ему: »Не крестись, дурень: я не чортъ, а »такой же христіянинъ, какъ и ты. Я козакъ Бай»да.« — »Козакъ Байда?« — »Козакъ Байда«, говоритъ *мара́* (¹), »тотъ самый, что висѣлъ ребромъ »на крюкѣ въ Цареградѣ, и всё-таки не перемѣнилъ »своей вѣры.« — »Какъ же«, говоритъ Харко́, »какъ »же ты можешь быть козакомъ Байдою, когда его »замучили на смерть, да и дѣялось это, можетъ »быть, тогда, какъ мой и прадѣдъ еще не родил»ся?« — »Дурень ты!« говоритъ Байда: »развѣ ты »не знаешь, что у Запорожцевъ были такіе тайни»ки въ Днѣпровскихъ камышахъ, что самъ дьволъ »не отыщетъ?« — »Да это«, говоритъ, »я знаю«. — »То-то же, дурень!« (а всё бранится вражій Запорожецъ: это уже у нихъ такая мода.) »А это«, говоритъ, »знаешь, что, какъ разорили Сѣчь, то »войсковая скарбница провалилась въ землю?« — »Нѣтъ«, говоритъ Дундукъ, »про это я не слы»шалъ.« — »Эге! то-то, видишь, какой ты дурень! »Знай же, что она и теперь подъ Днѣпромъ, подъ »водою, и сторожатъ ее такіе *козарлю́ги* (²) какъ »я, козакъ Байда, какъ Сомко́ Мушкетъ, какъ Мо»розе́нко. Всѣ добрые козаки, всѣ тамъ собрались, »обступили кругомъ свою скарбницу и толкуютъ

(¹) Привидѣніе.

(²) Огромные и могучіе козаки.

»про старину; а иногда заведутъ такую пѣсню, что »весь Днѣпръ расколышется. Вы, дурни, на этомъ »свѣтѣ думаете, что то́ вѣтеръ по-надъ Днѣпромъ »завываетъ, а то идетъ козацкая пѣсня.« — »За»чѣмъ же вамъ«, спрашиваетъ Харко́ Дундукъ (уже и забылъ про свой страхъ, заслушавшись рѣчей Запорожскихъ), »зачѣмъ вамъ стеречь ту скарб»ницу?« — »А затѣмъ«, говоритъ, »что будетъ »время, когда она опять проявится на свѣтѣ, и »дастся этотъ кладъ въ руки нашимъ правнукамъ, »и разбогатѣютъ они, на диво всему свѣту.« Такъ разсказывалъ козакъ Байда Харку Дундуку. А Дундукъ слушалъ его, слушалъ, да и говоритъ: »Ког»дабъ найти мнѣ хоть небольшой кладъ! не бро»дилъ бы я по-надъ Днѣпромъ, какъ сумасшед»шій!« — »Тебѣ денегъ хочется?« спросилъ Запорожецъ. — »Да«, говоритъ, »когдабъ мнѣ хоть столь»ко *карбо́ванцівъ* (¹), сколько, бывало, вашъ братъ, »Сѣчовикъ, разсыплетъ, пройдя изъ конца въ ко»нецъ по ярмаркѣ; то былъ бы я самый счастли»вый человѣкъ на свѣтѣ!« Запорожецъ засмѣялся: »Дурень ты, дурень! чертъ знаетъ въ чемъ вздумалъ искать счастья! Баба сама по себѣ — бѣда, »а коли къ бабѣ да еще деньги — пропадетъ че»ловѣкъ и не спохватится!« Такъ именно говорилъ Запорожецъ, затѣмъ что онъ — Запорожецъ. »Но »пускай«, говоритъ, »будетъ по-твоему.« Опустилъ

(¹) Цѣлковыхъ.

руку въ карманъ. »На«, говоритъ, »тебѣ этихъ »цацекъ, позабавься!« И вынулъ полную горсть червонцевъ. При мѣсяцѣ горятъ — жаръ жаромъ.«

»И отдалъ Дундуку эти деньги?« спросилъ я, догадываясь, что Дундукъ умѣлъ при случаѣ пользоваться легковѣріемъ побратима.

»Отдалъ въ руки. Такая была ручища у Запорожца, какъ ковшъ.«

»Отъ чего жъ Дундукъ, получивши столько червонцевъ, остался всё таки бѣднякомъ?«

»О, да тутъ исторія была предивная!« продолжалъ Зота, самодовольно покачивая головою.

»Я бы самъ, можетъ быть, не повѣрилъ, когдабъ не былъ на свадьбѣ у Дундука. Ато я видѣлъ собственными глазами, какъ пріѣзжалъ на свадьбу къ Дундуку Запорожецъ и какую выкинулъ штуку.«

»Ну, какую же?«

»А вотъ какую. Брикнулъ Дундукъ золотомъ — отецъ тотъ-часъ и отдалъ за него Марусю. Не стало у Харка теринѣнія пристроить къ хатѣ свѣтлицу, — тотъ-часъ заварили свадьбу. Свадьба была на весь міръ. Только на другой день, послѣ вѣнчанья, когда бояре вывѣсили на шестѣ красную запаску и завелись на дворѣ танцы, вдругъ, откуда ни возьмись, Запорожецъ на сѣромъ конѣ, въ красномъ жупанѣ. Слѣзъ съ коня, прочистилъ себѣ межъ народомъ мѣсто, и какъ пошолъ въ приседку, то никто не сказалъ бы, что это человѣкъ танцуетъ: вихорь вихремъ! Долго видна была на томъ мѣстѣ яма, гдѣ танцевалъ Запорожецъ. Потомъ выпилъ водки, да и говоритъ молодому: »Послушай ты меня, дурень! когдабъ я »захотѣлъ, то погибнулъ бы ты съ тѣломъ и душею; да славно ты поешь про насъ, козаковъ, »пѣсни, — за это поберегу тебя. Жінка, такъ »и быть пускай остается тебѣ, но деньги вороти »мнѣ сію минуту.«

»И Дундукъ воротилъ?«

»Вынесъ изъ коморы всѣ до одной копейки и отдалъ Запорожцу. Вотъ почему онъ до сихъ поръ почти такъ же бѣденъ, какъ и прежде былъ.«

»Куда же дѣвался Запорожецъ?«

»Запорожецъ взялъ деньги, положилъ въ карманъ, сѣлъ на коня; а вѣтеръ началъ разгуливаться, пескомъ било въ глаза, шестъ съ красной запаской колыхался, какъ былинка; Днѣпръ сперва почернѣлъ, а потомъ побѣлѣлъ, и волна, вся въ пѣнѣ, такъ и прыгала на берегъ. Люди отступили къ самой хатѣ, а Запорожецъ прямо въ Днѣпръ, и сѣраго коня его нельзя было разглядѣть въ пѣнѣ. Самъ онъ долго видѣлся и красѣлъ на водѣ; потомъ и его не стало видно.«

»И ты самъ былъ этому свидѣтелемъ?«

»А якъ же? я былъ старшимъ боярином у Дундука!«

»И видѣлъ собственными глазами Запорожца?«

»Видѣлъ, вотъ какъ васъ вижу, дай вамъ Богъ здоровье.«

Я зналъ, до какой степени горячее Украинское воображеніе помогаетъ нашимъ разсказчикамъ раскрашивать свои исторіи вещами невѣроятными, и даже лгать, въ неудержимомъ порывѣ фантазіи. Но легенда о женидьбѣ Дундука заняла меня съ другой стороны. Дундукъ, сколько я помнилъ его, всегда былъ у насъ въ домѣ между прислугой предметомъ странныхъ толковъ. Одни говорили, что у него зарыты на сохраненіи какіе-то разбойничьи деньги; другіе представляли его колдуномъ; третьи утверждали, что его отецъ промышлялъ гайдамачествомъ и что онъ самъ знается съ разбойниками, которые дѣлятся съ нимъ добычею. Наконецъ слыхалъ я не разъ о какомъ-то малярѣ-чернокнижникѣ, который будтобы проживалъ когда-то въ хатѣ у Дундука и написалъ съ него такой портретъ, что, пока не сгоритъ, Дундукъ будетъ жить, хоть двѣсти лѣтъ. Вспомнилъ я все это подъ вліяньемъ новаго страннаго разсказа о его женидьбѣ, и невольно задалъ себѣ вопросъ: неужели все это не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительности? Что Дундукъ — человѣкъ честный и правдивый, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но появленье Запорожца съ того свѣта указываетъ, однакожъ, на какія-то тайныя сношенія его съ подозрительными людьми. Вѣроятно, женившись, онъ разомъ

прервалъ съ ними сношенія. Иначе я не могъ объяснить себѣ возвращенія денегъ, о которыхъ фантастически повѣствовалъ мнѣ его побратимъ.

VI.

Зота отправился на почтовую станцію и, къ вечеру, воротился съ Яковомъ, который обрадовался возможности воротиться къ отцу, тотъ-часъ свелъ счеты съ содержателемъ станціи и бѣжалъ отъ него, какъ изъ неволи.

»Ну, Яковъ«, сказалъ я, обнявши паробка, »вотъ тебѣ ключъ отъ лодки; возьми весла и отправляйся поскорѣе домой. Воображаю, съ какими радостными слезами встрѣтитъ тебя отецъ и мать!«

»Ну, оно-то не совсѣмъ такъ, пане!« отвѣчалъ Яковъ, принимая ключъ. »Мать пожалуй расплачется, увидѣвши меня, а отецъ застанитъ развѣ самого меня расплакаться.«

»Какъ это такъ?«

»Да такъ, что его нагайка славно походитъ по моей спинѣ.«

»Въ самомъ дѣлѣ?«

»Да́, это ужъ у насъ такой обычай. Батько сыну не спуститъ за вину.«

»Но ты придешь къ нему съ повинною головою.«

»Тутъ-то онъ и покажетъ, что онъ мнѣ батько.«

»И больно, ты думаешь, онъ тебя постегаетъ?«

»Да такъ, чтобъ показать, сколько силы въ старой рукѣ, — не больше и не меньше.«

»Ну, жаль, братъ, мнѣ тебя. Вѣдь онъ, пожалуй, такъ испишетъ тебѣ спину, что не заживетъ и до свадьбы.«

»Да таки и такъ, пане!«

»Я поѣду оборонить тебя.«

»Какъ можно!«

»Я самъ введу тебя въ хату и не дамъ ни разу ударить.«

»Да что́ вы это? Господь съ вами! Развѣ я не сынъ своему батьку?«

»Такъ ты не желаешь моей обороны?«

»Да и не желаю таки, пане. Батько не убьетъ меня; а худо, говорятъ, тому сыну, который не дастся ударить отцу.«

»Вотъ гдѣ Библія дѣлаетъ свое дѣло«, подумалъ я.

»Ну, Яковъ, когда не хочешь ты моей защиты, то не погнѣвайся — я поѣду посмотрѣть, какъ поколотитъ тебя отецъ.«

На это возразить было нечего разодолженному мною Якову; мы отправились.

V.

Ночь была лунная. Легкій вѣтеръ чуть колебалъ поверхность Днѣпра. Рѣзкій осенній холодъ

заставилъ меня застегнуть свой теплый сюртукъ поплотнѣе. Яковъ не думалъ о холодѣ: ему любо, ему весело было на водѣ, съ которой онъ сроднился отъ временъ дѣтства. Когда причалили къ берегу, я послалъ Якова впередъ, а самъ остался подъ окномъ, чтобъ не испортить своимъ появленіемъ сцены свиданія отца съ блуднымъ сыномъ. Я сталъ смотрѣть въ окно. Старый рыбакъ и его жена были заняты обычными своими работами. Она пряла; онъ вязалъ сѣти. Хата освѣщалась каганцемъ (¹), поставленнымъ на особомъ выступѣ у печки. Выбѣленныя чисто мѣломъ стѣны усиливали это слабое освѣщеніе, и можно было разсмотрѣть при немъ печальное и встревоженное лицо старухи и угрюмое лицо старика. Дундукъ, держа въ одной рукѣ свою работу, другою размахивалъ съ выраженіемъ досады, или сильнаго горя.

Я пожалѣлъ, что Яковъ долженъ былъ показаться на глаза отцу въ такую минуту: я боялся, чтобъ онъ не потерпѣлъ отъ разсерженнаго старика больше, нежели сколько, по обычаю, слѣдовало претерпѣть отъ отца ослушному сыну. Но вышло напротивъ.

Когда отворилась дверь и Яковъ явился передъ родителями, старикъ и старуха нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга съ видомъ недоумѣнія и даже испуга.

(¹) Родъ плошки.

»Да что́ ты, тато?« говорилъ Яковъ. »Это сама собою отпала глина.«

»Да и въ тѣ раза отпадала глина сама собою, дурень ты! но отъ чего же именно передъ такими случаями она отпадала? Нѣтъ, готовится на насъ откуда-то бѣда; да и великая бѣда: а откуда жъ больше, коли не съ Крутоярovки? Чего бы такъ пристать ко мнѣ этому химѐрному пану?«

»Тато, грѣхъ тебѣ такъ про него думать«, сказалъ Яковъ. »И отецъ его дѣлалъ многимъ людямъ добро.«

»Добро! не знаешь ты еще, дурень, что добро не всякій сможетъ человѣку сдѣлать. Да и не все то́ добро, что́ сдается добромъ съ перваго разу. Присмотрись, какъ усмѣхается Запорожецъ: никогда онъ еще такъ не усмѣхался. Лукавый искусилъ меня поддаться этому пану!«

»Постой, молчи, тато!« сказалъ Яковъ. Онъ здѣсь.«

»Кто?«

»Крутоярovскій панъ. Онъ здѣсь; онъ провелъ меня до самой хаты и, можетъ быть, слышитъ тебя.«

Что́ сказано было въ отвѣтъ на это, я не слышалъ, потому что отошелъ отъ окна и направился къ двери.

VI.

»Здорово, старый Дундукъ!« сказалъ я, какъ умѣлъ веселѣе, войдя въ хату. »Что́ это ты нахмурился такъ? да и твоя старуха какъ-будто сейчасъ плакала? Неужто не радуетесь возвращенію сына?«

»Да правду сказать, добро́дію«, отвѣчалъ Дундукъ, »мы не знаемъ, радоваться намъ, или печалиться.«

Между тѣмъ старуха принялась вытирать лавку, что́ было приглашеніемъ садиться.

»Какъ это такъ? спросилъ я, садись на лавку у одного конца стола, между тѣмъ какъ старый Дундукъ занялъ мѣсто на скамейкѣ у другого, а сынъ его сталъ передъ дверью такъ, что только часть ея была видна мнѣ. »Какъ это такъ, любезный другъ? Ты, просто, озадачиваешь меня этими словами?«

»Да и ты, добро́дію, озадачилъ насъ не хуже.«

»Какъ такъ?

»Да такъ, что я не успѣлъ и оглянуться назадъ, какъ ты сдѣлалъ изъ меня, что́ самъ захотѣлъ.«

»Что же я изъ тебя сдѣлалъ?«

»Эхъ, добро́дію, трудно мнѣ говорить съ тобою! Говорить мнѣ съ тобою все равно, что противъ вѣтру брать.«

»Отъ чего же?«

»Да отъ того, что ты — добрый панъ, смотришь такъ ласково и слово твое такое пріятное, — отдалъ бы тебѣ, кажется, душу; а какъ подумаешь про васъ, пановъ, наединѣ, то и станетъ какъ-то сумно (1).

»Въ самомъ дѣлѣ? отъ чего же? пожалуйста, братъ, растолкуй мнѣ это. Неужели ты ожидаешь отъ меня какой напасти?«

»Отъ тебя, добро́дію? Нѣтъ, не ожидаю никакой. Ты — добрый панъ, это уже такъ; и покойный панъ-отецъ твой былъ добрый человѣкъ. Можетъ, и много васъ такихъ есть, да вы сами не знаете, какимъ духомъ вы водитесь. Вамъ, пожалуй, кажется, что вы дѣлаете добро себѣ и другимъ, а вы, можетъ быть, только по тонкому льду ходите, и сами не знаете, когда провалитесь.«

»Ну?«

»Ну, такъ когда подумаешь такъ, то и страшно ходить вмѣстѣ съ вашимъ братомъ, чтобъ и себѣ не провалиться. Вотъ я что́ сказалъ тебѣ, добро́дію! Выбача́й (2) за мои глупыя рѣчи. Я ужъ такой себѣ удалец, что всякому рѣжу прямо въ глаза, что́ думаю.«

»Отъ чего жъ ты думаешь, что я хожу не по твердой землѣ, а по хрупкому льду?«

(1) Т. е. страшно такъ, какъ бываетъ въ то время, когда человѣкъ чуетъ опасность, но не знаетъ, какого она рода и откуда ожидать ее.

(2) Извини.

»Да отъ того, что я не видалъ еще ни одного панскаго дому, чтобъ стоялъ такъ крѣпко, какъ мужицкій.«

»Вотъ она гайдамацкая философія!« подумалъ я; но отвѣчалъ Дундуку какъ можно веселѣе:

»Нѣтъ, сосѣдъ, ты слишкомъ уже далеко хватаешь. Наши дома стоятъ по нѣскольку сотъ лѣтъ, и сыновья отъ отцевъ наслѣдуютъ ими, честь и достатокъ.«

Въ продолженіи этого разговора, старуха развела на очагѣ огонь и поставила на треножникѣ сковородку для яичницы.

»Поди, сынку, принеси сухихъ щепокъ«, сказала она.

Но сынъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что ему хочется послушать, что́ будетъ говорить отецъ.

»Да́, поди, поди сама«, сказалъ старый Дундукъ; »да подмажь тамъ глиною: ты знаешь, я не люблю, когда глина отвалится.«

»Неужели я не увижу, что́ тамъ на двери?« думалъ я. А досмотрѣться, противъ желанія хозяевъ мнѣ не хотѣлось.

»Ну, что́ жъ, любезный другъ!« сказалъ я Дундуку, »что́ скажешь ты противъ нашей панской жизни?«

»То, что не вѣрна она, какъ ты себѣ ни толкуй, добро́дію. У васъ рѣдко сынъ дѣлаетъ то, что́ дѣлалъ отецъ, и едва ли хоть одинъ внукъ

ужился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ его дѣдъ. Нѣтъ на вашихъ домахъ Господняго благословенія. Я, можетъ быть, и глупо говорю, да такъ мнѣ оно сдается.«

»Это, братецъ, сдается тебѣ такъ отъ того, что не видалъ ты въ своемъ сосѣдствѣ добрыхъ панскихъ семействъ. У насъ много внуковъ живетъ въ дѣдовскихъ домахъ. И я надѣюсь, что мои внуки будутъ жить на Андроевыхъ Горахъ такъ же спокойно, какъ и ихъ дѣдушка!«

»Не пророчь, ахъ, не пророчь, добродію! Кто знаетъ, въ какую минуту ты это говоришь?« сказалъ старый Дундукъ, и посмотрѣлъ на дверь, которая была ему видна. »Ну, такъ вотъ оно-то и станетъ нашему брату сумно, когда подумаешь, что у кого нѣтъ у самого счастья, тотъ и другому его не дастъ. Сперва я и обрадовался было твоей ласкѣ, да какъ разсудилъ хорошенько....«

»Но, другъ мой, кто же тебѣ сказалъ, что въ нашемъ быту нѣтъ счастья?«

»Кто мнѣ сказалъ?« повторилъ старый Дундукъ, и опять посмотрѣлъ на дверь. »Какъ же быть у васъ счастью, когда тутъ — мужъ живетъ розно съ женою, тамъ — сынъ враждуетъ съ отцемъ, тамъ — братъ судится съ братомъ. Да и есть развѣ межъ вами хоть одинъ панъ, чтобъ обошелся безъ суда? А между кѣмъ смертельныя драки огнемъ и желѣзомъ? Всѣ между вами. Кому меньше всего страшно поднять на человѣка руку? Вамъ.«

»Постой, пріятель! ты позабылъ, что говоришь объ этомъ человѣку, который никогда не имѣлъ тяжбы и драки, у котораго въ отцевскомъ домѣ всегда было тихо, какъ въ раю.«

»Знаемъ мы этотъ рай!« отвѣчалъ съ саркастическимъ смѣхомъ Дундукъ. »Случалось уже не разъ на моей памяти, что устроится панская семья такъ мирно да ладно, что и выдумать лучше нельзя. Весело, любо въ дому; дѣтки играютъ, какъ рыбка противъ солнца; сами господа такіе свѣжіе, такіе говорливые. Прошло лѣтъ десять, смотри — сынъ застрѣлился, или его застрѣлили, дочь ушла съ офицеромъ, отца разбило параличемъ, а посмотри еще чѐрезъ десять лѣтъ — въ домѣ вотъ сова! Ну, не правда, скажете, что такія исторіи межь вашею братьею творятся безпрестанно? А отъ чего?«

»Ну, отъ чего же?«

»Вамъ это лучше знать, а нашъ мужичій разумъ только и можетъ сказать, что такъ угодно Богу. Видно, не даромъ написано: »Продай имѣ»ніе твое и раздай нищимъ.« А изъ васъ кто это сдѣлаетъ? Вамъ только и счастья, что грóши, а они-то, кажется, васъ и губятъ.«

»Но и вашъ братъ, простолюдинъ, всю жизнь гонится за деньгами?«

»И нашъ братъ съ дуру гонится; такъ-что жъ? достается и нашему брату — *котузі по за-*

слу́зі (1). Вотъ, на-примѣръ, пріятель моего отца, Золотоношскій козакъ Шко́да, вырылъ гдѣ-то кладъ, накупилъ земель, вывелъ сына въ дворяне и умеръ спокойно, — думалъ, куды какое устроилъ ему счастье! Что́ жъ? Батько мой разсказывалъ, что родъ Шкоды съ давнихъ да́венъ былъ хорошій родъ, и никто не сказалъ бы, когда завелся хуторъ козака Шкоды подъ Золотоношею, и, можетъ быть, Богъ знаетъ, до какихъ бы поръ не перевелось это *ко́дло* (2); а новый дворянинъ поѣхалъ въ Петербургъ за чинами; воротился оттуда чахлый, какъ смерть; теперь онъ гдѣ-то на Кавказѣ, а въ хуторѣ каркаютъ одни́ворóны.«

»Рѣчь твоя, стало быть, клонится къ тому, что въ бѣдномъ быту счастье гораздо надежнѣе?«

»Да́, добро́дію, то есть, оно-то ничто на землѣ не надежно, да, знаете, какъ-то веселѣй на сердцѣ, когда подумаешь, что и внука моего положатъ подлѣ меня на кладбищѣ. А изъ васъ многіе ли смѣютъ такъ думать?«

»Но ты же самъ, нужды нѣтъ, что имѣешь кусокъ хлѣба, не позволилъ своему сыну жениться на бѣдной, и для твоего счастья понадобились двѣ пары воловъ и кусокъ поля.«

»Понадобились, да́; но это — знаете, зачѣмъ такъ случилось? Затѣмъ, что я свихнулъ было старостью съ ума.«

(1) Коту по заслугѣ.
(2) Родъ.

»Свихнулъ *было?* стало быть, теперь ты образумился?«

»Такъ образумился, скажу тебѣ, добро́дію, такъ образумился, что не желаю моему сыну и на мизинецъ быть богаче своего батька.«

»Что́ же заставило тебя перемѣнить такъ скоро свои мысли?«

»Что́ заставило? ты хочешь, добро́дію, чтобъ я открылъ тебѣ всю правду? Да какъ тебѣ и не открыть? Кому другому нельзя, а тебѣ надо. Какъ ты думаешь, Яковъ?«

»Да видно, что надо, та́то, отвѣчалъ тотъ. »Панъ — добрый человѣкъ, друзя́ка.«

»Именно«, сказалъ старикъ. »Хоть ты и панъ, да такой панъ, что передъ тобою грѣхъ лукавить. Только обѣщаешь ли ты мнѣ, что хата будетъ по́крышка?«

»То есть, что не вынесу изъ избы сору? Обѣщаю. Говори смѣло.«

»И побожишься?«

»Я никогда не божусь.«

»Да и я и самъ тоже. Еще, коли сказать правду, то я и не вѣрю, кто часто божится. Такъ ты обѣщаешься, что хата будетъ по́крышка?«

»Можешь быть совершенно увѣренъ, что этой покрыки я никогда не приподыму.«

»Ну, такъ *геть* (1) же, стара́, съ глиною, —

(1) Прочь.

не замазывать! Давай скорѣй на столъ яичницу да горілку. У насъ такой уже обычай, чтобъ гости не выпустить безъ угощенія. Яковъ, отойди отъ дверей. Теперь смотрите, что́ вы видите?«

Я всталъ и подошелъ съ любопытствомъ къ двери. Дверь была покрыта, какъ и вся хата, толстымъ слоемъ мелу; но часть этого слоя отвалилась и обнаружила написанную довольно искусно масляными красками бритую голову Запорожца съ чернымъ, перекосившимся черезъ широкій лобъ чубомъ и съ усами, совершенно баснословными.

»Ужъ не козакъ ли это Байда?« спросилъ я.

»А, такъ и вы слыхали уже про козака Байду?« сказалъ усмѣхнувшись Дундукъ. »Пошелъ онъ бродить по свѣту! Нѣтъ, это не козакъ Байда, но стóитъ Байды. Вы сами это скажете, когда узнаете о немъ отъ меня кое-что. Только еще разъ говорю: *хата —пóкришка.*«

»Странно, любезный другъ«, сказалъ я, »что ты таишься такъ съ этимъ портретомъ, если это портретъ, а не шуточная затѣя какого-нибудь маляра?«

»Таился бъ, можетъ быть, и ты, добро́дію, когдабъ зналъ, что́ это за портретъ. Присядь лишь къ столу да отвѣдай яичницы, а я тебѣ разскажу такое диво, какого, можетъ быть, ты и въ Петербургѣ не видалъ.«

Чтобъ поддержать доброе расположеніе къ себѣ хозяина, я выпилъ съ нимъ по рюмкѣ водки и нашелъ яичницу несравненною.

»Да́, моя баба годится таки кой къ чему«, сказалъ хозяинъ. »Когдабъ вы знали, какой она варитъ мнѣ борщъ съ свѣжею рыбою!«

»Но диво, диво-то твое, сосѣдъ!« сказалъ я.

»Диво было со мной вотъ какое. Ты, добро́дію, слыхалъ про козака Байду, какъ онъ танцевалъ у меня на свадьбѣ? Скажу жъ тебѣ, что это быко совсѣмъ не такъ. Я нарочно подпускаю кой-кому по-пріятельски эту исторію; а правдивая исторія дѣлась вотъ какъ. Мы родомъ изъ Каневa, а хату эту построилъ здѣсь мой дѣдъ, Запорожецъ. Знаете, какъ разорили Січъ, то много тогда сіромахъ вернулось на родину; вернулся и дѣдъ мой. Только, вернувшись, не захотѣлъ жить съ нами въ Каневѣ, а купилъ вотъ это дикое мѣстечко надъ Днѣпромъ и поселился одинъ-одинъ. И былъ онъ для насъ какъ чужой; мы почти и не видали его. Говоритъ, у него было много денегъ, да Богъ знаетъ, правда ли этому. Когда онъ умеръ и мы перешли сюда жить, такъ нашли только подъ печью къ горшечкѣ двадцать цѣлковыхъ, а больше не нашли ни копѣйки.«

»Зачѣмъ же вы переселились сюда изъ Каневa?«

»Да затѣмъ, что намъ негдѣ было жить въ Каневѣ. Дѣдъ мой, идучи на Запорожье, бросилъ свою жену съ маленькими дѣтьми, и пока подросъ мой отецъ, такъ не осталось ни кола, ни двора. Это часто бывало въ-старину, что броситъ

человѣкъ жену и дѣтей, да и пойдетъ въ Запорожцы. Такъ какъ въ монахи теперь иной идетъ, такъ тогда ходили въ Запорожцы. Ну, вотъ, сякъ-такъ женился мой отецъ да въ-скорости и умеръ, а я съ матерью остался, и жили мы въ чужой хатѣ, въ сосѣдяхъ; такъ какое ужъ тамъ житье намъ было? Мы переселились сюда точно какъ въ рай; намъ показалось, что мы Богъ знаетъ какими зажили богачами? Да это не идетъ къ дѣлу. Разъ вернулся я ночью съ рыболовства и грѣюсь у этой самой печи; а печь топилась: покойница мать варила вечерю. Вдругъ застучало на дворѣ, какъ-будто кто пріѣхалъ верхомъ. Послѣ дѣда осталась пара злющихъ собакъ; молчатъ, и не обозвались. Смотримъ — идетъ, и прямо въ хату, вотъ такой точно, какъ вы видите на дверяхъ, *козарлюга*. Не сказавши *здравствуйте* и не посмотрѣвши на насъ, скинулъ на землю черную бурку и остался въ красномъ суконномъ жупанѣ. На немъ поясъ шелковый; за поясомъ два пистолета, при боку сабли, въ рукѣ карабинъ. »Давай, »малый, коню овса! А ты, стара́, давай вечерять!« Покойникъ дѣдъ не держалъ коня, но овса и сѣна у него нашли мы вдоволь. Я былъ еще молодъ и глупъ: и не спросилъ у гости, что́ онъ за человѣкъ, а скорѣй за овсомъ, — испугался. Мать также испугалась да сколько наварила варениковъ, всѣ и поставила́ передъ Запорожцемъ. Засыпалъ я коню овса — а конь такой, что хоть бы въ

царскую конюшню; — воротился въ хату, а Запорожецъ уже, сидя на буркѣ, убираетъ вареники: »Подай«, говоритъ, »малый, горілки.« Тогда мать обозвалась да говоритъ: »Богъ съ то»бою, добро́дію, у насъ и капли не найдешь въ »хатѣ!« — »Въ хатѣ, можетъ, и не найдешь«, говоритъ, »а на дворѣ, такъ и найдешь. Поди, хло́п»че, прокопай немного землю въ глухомъ концѣ »подъ воротами.« Я пошелъ, прокопалъ и досталъ большую сулею, полную водки. Запорожецъ надпилъ ее порядочно, съѣлъ всѣ до послѣдняго вареники и, приказавши мнѣ втащить въ хату пукъ соломы, повалился на нее и проспалъ крѣпкимъ сномъ до разсвѣта.«

»И вы всё не знаете, что́ за гость у васъ въ хатѣ?«

»И спрашивать боимся. Проспалъ до разсвѣта.... или нѣтъ — до третьихъ только пѣтуховъ. Дѣло, видите ли, было, вотъ какъ теперь, осенью. Какъ запѣли третьи пѣтухи, схватился, пошелъ посмотрѣть коня, напоилъ въ Днѣпрѣ, велѣлъ мнѣ еще засыпать овса, а матери моей, покойницѣ, приказалъ готовить *снідать*(1). Та со страху нажарила и наварила ему, что́ только нашла въ хозяйствѣ лучшаго. Убралъ все дочиста, но горілки на этотъ разъ вынилъ только чарку; потомъ подтянулъ поясъ, осмотрѣлъ пистолеты и ружье,

(1) Завтракать.

да и говоритъ: »Умно вы сдѣлали, что не спросили, кто я. Лучше не спрашивайте и не знайте, »и никому не говорите, что ночевалъ у васъ Запорожецъ, ато наживете себѣ великую бѣду. Прощайте!« И уѣхалъ.

»И за ночлегъ не поблагодарилъ?«

»Куда! смотритъ такъ, какъ-будто онъ тутъ хозяинъ, а мы его слуги. Видите, какъ этотъ, что на дверяхъ, смотритъ? Такъ и тотъ смотрѣлъ. Брови нахмурилъ, а самъ какъ-будто усмѣхается и какъ-будто всякаго готовъ назвать дурнемъ. Да намъ не нужно было никакой и благодарности. Мы перекрестились отъ радости, когда онъ выѣхалъ за ворота.«

»Въ которую жъ сторону онъ направился?«

»А какъ бы вы думали? Прямо въ Днѣпръ. Было еще темно, и вѣтеръ съ вашего берега дулъ сильно. »Днѣпръ разгулялся, пѣна такъ и бѣлѣетъ, а ему и нужды мало. Господь его знаетъ, какъ у него достало духу переплывать рѣку въ такую погоду. Говоритъ, что Запорожцы были *характе́рники* (1), да, видно, характе́рство ихъ было не отъ нечистой силы; а коли отъ нечистой, то этотъ Запорожецъ былъ не похожъ на другихъ.«

Тутъ разсказчикъ остановился и смотрѣлъ на дверь, какъ-будто что́-то припоминая и размышляя о прошломъ.

(1) Колдуны.

»Ну что́ же? переплылъ онъ Днѣпръ въ ночную непогоду́?« спросилъ я, чтобъ навести его на продолженіе разсказа.

»Да не умѣю тебѣ сказать, добро́дію. Видно, что переплылъ, потому что видалъ и его еще раза два послѣ того; а тогда я бы побожился, что онъ утонулъ въ водѣ. Покойница мать даже подумала было, что это самъ нечистый, да нѣтъ: онъ крестился противъ образовъ послѣ вечери и послѣ снѣданья. Ну, какъ бы оно ни было, а мы думали, что Запорожцу приключился въ Днѣпрѣ капу́тъ. Долго мы о немъ вспоминали, потомъ и изъ памяти онъ вышелъ. Прошло съ годъ времени. Я задумалъ жениться вотъ на этой самой старухѣ. Посмотрѣли бъ вы тогда, какая она была дѣвушка!«

»Да и ты самъ тогда былъ, я думаю, молодцеватѣе?« сказалъ я.

»Хе, что́ и говорить объ этомъ! теперь такихъ молодцевъ нигдѣ и не вижу. Народъ какъ-то измельчалъ. Вотъ хоть бы и мой Яковъ. Таковъ ли я былъ въ его лѣта! Ну, такъ и приглянулась она мнѣ, да какъ приглянулась! такъ, что у меня голова пошла кругомъ, и не разсудилъ я, что у меня одна порожняя хата, а ея отецъ пашетъ двумя плугами. Ну, извѣстно—мнѣ подсунули *гарбуза́*. Пришелъ я домой, сижу, положивши на столъ голову. Покойница мать вздумала развеселять меня, что не въ окнѣ только свѣту, —

куды! у меня въ головѣ поднялась такая буря, какъ-будто черезъ нее валитъ весь Днѣпръ въ непогоду. Уже и полночь, а я всё лежу головою на столѣ. Вдругъ затопалъ и заржалъ конь на дворѣ. Смотрю — идетъ въ хату Запорожецъ. Мѣсяцъ поднялся изъ-за Днѣпра и свѣтилъ въ окно, прямо на двери. Запорожецъ показался именно съ такою усмѣшкою въ дверяхъ, какъ вотъ онъ намалеванъ. »Дурень ты, дурень!« говоритъ: »что ты »горюешь?« А я молчу: у меня такая на сердцѣ печаль, что я и Запорожца не испугался. Я и съ мѣста не двинулся!«

»А твоя мать?« спросилъ я.

»А мать, покойница, долго уговаривала меня, потомъ прилегла на постель, да и заснула передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ показался Запорожецъ.«

»Что́ же онъ?«

»Онъ видитъ, что я молчу. »Я знаю«, говоритъ, »дурень ты, чего ты горюешь. Жениться »дурню захотѣлось!« А *дурень* — за каждымъ словомъ. »Захотѣлось«, говоритъ, »жениться, да »съѣлъ гарбуза, такъ и раскисъ, дурень, отъ го»ря! Знаешь же, олухъ ты глупый, что ты раз»нѣ малымъ чѣмъ бѣдиѣе Куликa?« А отецъ моей Маруси звался Куликъ. »Якъ бы то такъ?« спросилъ я, а на сердцѣ такая досада, что, кажется, взялъ бы да и растерзалъ канальскаго Запорожца. Я думалъ, что онъ смѣется надо мною. »Да такъ«, говоритъ, »что въ глухомъ концѣ подъ

»воротами, у тебя лежитъ ковша два цѣлковыхъ.« Какъ сказалъ онъ мнѣ это — я весь и затрепеталъ. Я вспомнилъ, какъ Запорожецъ указалъ мнѣ, гдѣ искать горілки. Я, правда, пробовалъ тогда заступомъ — не было больше подъ воротами ничего; но почему знать, что тамъ не спрятаны дѣдовы деньги? Видно, этотъ чубатый пріятель зналъ его *схо́ванки* (1). Вотъ я за заступъ, да къ воротамъ. Ударилъ въ землю разъ, въ другой — зазвенѣло! разгребъ землю — кожаный мѣхъ цѣлковыхъ! Вбѣжалъ я въ хату, да Запорожцу въ ноги: *Ба́тько мій рідний!* А онъ оттолкнулъ меня ногою: »Убирайся ты«, говоритъ, »отъ меня »къ нечистому!« Ты и самъ глупъ, и гро́ши твои »глупы! Буди стару́ да вели давать козаку ве»черять.« Проснулась покойница мать и не вѣритъ глазамъ своимъ. Я и самъ готовъ былъ подумать, что не человѣкъ замѣшался въ нашу жизнь, да нельзя было такъ думать: онъ ѣлъ, пилъ и молился Богу, какъ и всѣ добрые люди. Опять велѣлъ засыпать коню овса — куры его не весь еще у насъ переѣли — опять растянулся на соломѣ, опять проснулся передъ разсвѣтомъ и уѣхалъ со двора.«

»И опять вплавь черезъ Днѣпръ?«

»Нѣтъ, на этотъ разъ онъ поскакалъ по берегу къ Каневу, и скоро стало его невидно за Кия-

(1) Тайники.

жею горою. Ну, извѣстно, взявши въ карманъ столько цѣлковыхъ, что можно купить паръ пять воловъ, я прямо къ Кулику. А у Кулика великое горе: въ ту самую ночь, какъ нашелъ я кладъ, къ нему наѣхали разбойники и похозяйничали во всѣхъ комо́рахъ. Былъ тогда въ великой славѣ разбойникъ Горкуша — молодецъ такой, что и въ ложкѣ не поймаешь. Этотъ-то Горкуша нагрянулъ къ Кулику, поставилъ его босоножь на го́рячую сковороду и, вынятавши всѣ схо́ванки, оставилъ ему денегъ не больше того, сколько нужно нашему брату, мужику, про хозяйство. Вижу я, что старику поубавилось съ деньгами снести, и говорю смѣло: »Это тебя за то наказалъ Богъ, что ты не »пожалѣлъ моей молодости и осрамилъ меня гар»бузомъ. Ты думаешь, у меня нѣтъ денегъ? Есть »у меня дѣдовщина, только не хотѣлъ я нарушать »ее до новаго́ хозяйства.« Да и показалъ ему полонъ карманъ цѣлковыхъ. Какъ показалъ — дѣло заразъ и пошло на ладъ. Куликъ радъ былъ скорѣй поуменьшить семьи, и тутъ же занялъ со мной зару́чины. Ну, вотъ я и женился; купилъ цѣлую бочку горилки, сварилъ цѣлый винокуренный казанъ меду; пиръ такой задалъ сосѣдямъ, что у всѣхъ завернулось въ головѣ. Вдругъ, къ самомъ разгарѣ пляски и попойки, когда вынесли на дворъ четвертый *глекъ* (1) варену́хи, затопало

(1) Кувшинъ.

что-то громче *гопака́*, который отдирали старики съ бабами. Смотрю — Запорожецъ! Не знаю, отъ чего я испугался: отъ того ли, что онъ велѣлъ никому не говорить о себѣ, или отъ чего другого, только у меня и души не стало. А Запорожецъ на меня и не смотритъ. Слѣзъ съ коня, выпилъ варенухи, потанцевалъ въ-присядку, выпилъ варенухи опять, потомъ отвелъ меня въ сторону, да и говоритъ: »Ну, что́? хорошо быть богатымъ? »Хорошо, да только голова кружится — не долго »на ногахъ устоишь. Будетъ съ тебя! Отдай мнѣ »назадъ мои гро́ши.«

Разскащикъ остановился и смотрѣлъ на меня такъ, какъ-будто спрашивая, что́ бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ?

»И ты отдалъ?« спросилъ я.

»Нѣтъ, я было замялся, и думка была такая, чтобъ не выпускать изъ рукъ дѣдовщины, нужды нѣтъ, что указалъ мнѣ ее онъ; да онъ мнѣ сказалъ такое, что у меня и морозъ пошелъ по кожѣ. Вотъ что́ онъ сказалъ мнѣ: »Дурень! чего ты смо»тришь, какъ баранъ? Знаешь, чьи это гро́ши? »Гро́ши это Куликовы. А знаешь, кто я? Я Гор»куша. Отдай мнѣ, дурень, гро́ши, коли боишь»ся бѣды; а коли не боишься, то оставь ихъ се»бѣ на разживу: посмотримъ, какъ тебѣ отъ нихъ »поздоровится!« Какъ сказалъ онъ мнѣ это, я скорѣй въ комору, да за гро́ши, — вынесъ и отдалъ всѣ, сколько у меня ихъ было. А онъ: »Ты ду-

»маешь, я ими стану корыстоваться? Вотъ мнѣ съ »нихъ какая корысть!« Взялъ да и швырнулъ мѣшокъ въ Днѣпръ. »Я только тебя, дурня, хотѣлъ »оборонить отъ бѣды. Грóши до добра человѣка не »доводятъ.« Сказалъ, сѣлъ на коня и прямо въ Днѣпръ, а Днѣпръ и въ этотъ разъ былъ неспокоенъ. Всѣ, кто былъ на свадьбѣ, испугались за него; иные даже говорили, что именно потонулъ Запорожецъ. А было уже темновато, и нельзя было сказать навѣрное, добрался ли онъ до другого берега, или нѣтъ. Такъ вотъ теперь ты, добрóдію, понимаешь, для чего мнѣ нужно было выдумать пьяному люду козака Бáйду. До сихъ поръ такъ думаютъ, что это пріѣзжалъ ко мнѣ съ того свѣту козакъ Бáйда за своими деньгами. Часто и теперь, какъ соберутся въ корчмѣ за чаркою селяне, такъ и станутъ разспрашивать, какъ это было, а я имъ всякій разъ и приплету что-нибудь новое.«

»Но портретъ Гóркуши? Откуда же взялся портретъ?« спросилъ я, дивуясь разсказу старика.

»Откуда онъ взялся, этого ни я, ни кто не скажетъ вамъ. Когда перешли мы жить въ эту хату, то удивились, что у дѣда и двери такъ, какъ стѣны, выбѣлены *крéйдою* (¹). Ну, выбѣлены, и пускай такъ будутъ. Ко всякому празднику бѣлитъ молодица хату, — бѣлитъ и двери, и никому не

(¹) Мѣломъ.

въ догадъ, что́ на этихъ дверяхъ намалевано. Живемъ мы себѣ да живемъ. Далъ намъ Богъ дѣтей, и подросли уже, такъ что старшему было лѣтъ десять, и что́ это за мальчикъ былъ! рослый, крѣпкій; бывало, какъ бѣжитъ по двору, то и въ хатѣ слышно, какъ земля гудитъ подъ ногами. Яковъ противъ него — снопъ соломы. Вдругъ ни съ того, ни съ сего захворалъ, разгорѣлся, никого не узнаетъ. Снилъ я надъ нимъ разъ ночью; мѣсяцъ свѣтитъ; а мѣсяцъ у насъ всегда, какъ взойдетъ изъ-за Днѣпра, то въ это окно прямо свѣтитъ на дворъ. Свѣтитъ мѣсяцъ; смотрю — въ дверяхъ показался Запорожецъ. Я сперва думалъ, что онъ живой. Подхожу, ажъ нѣтъ, намалеванный. Глина отвалилась, вотъ какъ теперь; вижу я, что онъ намалеванъ; но такъ на меня смотритъ, что мнѣ кольнуло въ самое сердце. Смотритъ и усмѣхается. Я и подумалъ: »Вѣрно, это »не передъ добромъ!« Что́ жъ! къ утру не стало моего Ивася. Ивасемъ звали старшаго нашего сына.«

»Стало быть, ты думаешь, что не сама собою отвалилась глина, а что это было тебѣ предзнаменованіе.«

»Ато сама собою? Нѣтъ! Мнѣ сдается даже, что и портретъ этотъ не маляръ намалевалъ.«

»А кто же?«

»Кто? Запорожецъ самъ намалевался. Горкуша, видите, былъ такой удалецъ, что не у одного на-

на подчистилъ деньги, а гдѣ онъ ихъ дѣвалъ? Не даромъ онъ пріѣзжалъ къ намъ, какъ въ свою хату. Видно, онъ съ дѣдомъ былъ побратимъ, и, можетъ быть, подъ этимъ самымъ мѣстомъ, гдѣ мы сидимъ, зарыто столько сребра и золота, что еслибъ я вырылъ, то заткнулъ бы и тебя, добро́дію, за поясъ.«

»Отъ чего жъ ты не попробуешь?«

»*Цуръ ёму* (1)! Разъ я подумалъ было про это и хотѣлъ было ночью попробовать заступомъ землю подъ *по́кутемъ* (2) — только и снится мнѣ, будто пріѣхалъ Запорожецъ; пріѣхалъ, скинулъ бурку, растянулся на соломѣ, да и говоритъ: »На »кого чорта не достаетъ тебѣ, дурню? хлѣбъ есть, »хата есть. Развѣ ты лиха захотѣлъ? Лихо нажить »не долго.« Я и бросилъ свою затѣю. Я даже думаю, что Запорожецъ затѣмъ и на дверяхъ намалевался, чтобъ беречь меня отъ искушенія. Отъ того-то и теперь мнѣ стало су́мно, какъ ни съ того, ни съ сего отвалилась отъ дверей глина.«

»И давно она отвалилась?«

»Отвалилась она передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ вернуться Якову. Я цѣлый день сегодня не спокоенъ, скажу тебѣ по правдѣ, Всё мнѣ какъ-будто кто говоритъ: »Что́ же это ты, »Харько́? Боялся вырыть на разживу кладъ, а не »боишься разбогатѣть изъ панскихъ рукъ? И чего

(1) Ну его къ черту!

(2) Въ углу подъ образами.

»это тебѣ захотѣлось въ самомъ дѣлѣ, коли не лиха? Вѣкъ изжилъ, не пропалъ отъ бѣдности, а »теперь какъ-будто безъ богатства тебѣ и житья »на свѣтѣ не будетъ!«

»Послушай, любезный другъ«, прервалъ я Дундука: »отъ чего же ты не думалъ такъ, когда твой сынъ пожелалъ жениться на Настѣ?«

»Самъ я не знаю, добро́дію, отъ чего я такъ тогда не думалъ. Самъ лукавый, видно, заморочилъ мнѣ тогда голову. Мнѣ и на мысль ни разу не приходило, чтобъ Насти была моему Якову жінкою; всё думалось: у того, да у того сосѣда хорошая дочка, и какъ сказалъ онъ мнѣ про свою Настю, то взяла меня злость и досада, а тутъ уже не ожидай отъ человѣка толку! Не успѣлъ и одуматься, какъ ихъ обоихъ понесло изъ дому. Тогда уже и совсѣмъ я сбился съ пантелику (1); Одно у меня въ головѣ: что бѣда человѣку на свѣтѣ безъ достатку! А про то и забылъ, что самъ живу трудовою копѣйкою; отъ чего жъ сыну моему не жить по-батьковски? Честная бѣдность еще никогда не доводила человѣка до бѣды, а гро́ши — слышимъ и видимъ, что́ дѣлаютъ съ людьми. »Цуръ »же имъ!« говорю самъ себѣ: »На что́ они мнѣ? »Положу и развѣ ихъ себѣ въ сердце, какъ забо»литъ сердце? или позолочу ими душу, чтобъ не »ныла душа? Едва подумалъ я про богатство, да уже

(1) Съ толку.

»и разогналъ дѣтей изъ дому,—уже и начало́ меня »какъ-будто когтями драть по сердцу. Отъ роду не »зналъ я такой тоски, какъ теперь, когда остался съ »Марусею одинъ въ хатѣ. Это жъ еще только цвѣтъ, »каковы будутъ ягоды?« Въ такихъ-то, добро́дію, думкахъ сижу я вечеромъ съ своею старухою, молчу да думаю, и какъ подумалъ хорошенько про свою кривобокую хату, про свою огорожу, что вся потлѣла и пораспадалась, — какъ подумалъ про свой убогій дворикъ: тутъ бы надо хлѣвецъ построить, тамъ бы конару загородить, а всякое бревно купи.... »Эхъ! худо жить и въ бѣдности!« думаю себѣ, и разомъ пришли мнѣ на мысль ваши волы и козацкій скарбъ. »Нѣтъ, лучше«, думаю, »заработать у пана худо́бу. Цуръ ему, то»му скарбу! Не даромъ приснился мнѣ Запорожецъ »и напророчилъ лихо. Да тутъ же и худого ничего нѣтъ: честная сдѣлка—послуга за послугу....« Только что эти мысли поднялись у меня роемъ въ головѣ, какъ слышу — будто кто-то потихоньку засмѣялся. Поднялъ глаза — глина отпала, и Запорожецъ — какъ живой, смотритъ на меня и усмѣхается. Меня какъ-будто кто изъ ведра водою обдалъ. Мысли опять повернулись назадъ. »Нѣтъ же!« думаю, »полно мнѣ гоняться за богатствомъ! Кому, какъ не Запорожцу, знать въ »немъ силу? У кого больше бывало въ карманѣ до»несъ, и кто разсыпалъ ихъ, какъ полову? Прахъ »и суета для человѣка богатство! Черезъ него лю-

»дямъ всякое горе!« И въ ту жъ минуту подумалъ: »Верну заразъ дѣтей домой, пускай живутъ, какъ »имъ Господь поможетъ.« Не успѣлъ я собраться съ мыслями, какъ бы это устроить, а ты свое дѣло уже и сдѣлалъ. Я какъ увидѣлъ Якова, такъ и руки у меня опустились. Мнѣ показалось, какъ будто самъ нечистый.... извини меня, добро́дію, за мои глупыя рѣчи.... мнѣ показалось, какъ будто самъ нечистый помогаетъ пану искусить мужика на богатство. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ты, добро́дію, такъ прицѣпился ко мнѣ? Зачѣмъ присталъ ко мнѣ съ своими ласками?«

»Эхъ, ты, премудрая голова!« отвѣчалъ я. »Ну, скажи, какой же тутъ можетъ быть съ моей стороны дурной умыселъ, если я хочу помочь тебѣ въ хозяйствѣ?«

»Да тѣмъ-то, добро́дію, и страшно мнѣ, что не я за тобою, а ты ухаживаешь за мною. Пускай бы *я* былъ твоимъ услужникомъ, пускай бы *я* кланялся тебѣ, панькалъ возлѣ тебя, ато — ты себѣ панъ на Крутоярковкѣ, а я себѣ панъ подъ Княжею горою, и не я тебя, а ты меня заискиваешь. Слыханное ли это дѣло? Нѣтъ, не спроста, не спроста это!«

»Но какая же мнѣ польза причинить тебѣ вредъ? и неужели ты считаешь меня хитрымъ и злымъ человѣкомъ? Вѣдь и сперва готовъ былъ помочь тебѣ даромъ; ты отказался, ты побоялся принять мою помощь даромъ. Это мнѣ полюбилось, и я

придумалъ для твоего сына у себя службу. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, много можетъ сдѣлать мнѣ пользы, такъ что не онъ, а я у него буду въ долгу. Кажется, я дѣйствую честно, не хуже тебя.«

»Да оно-то, добро́дію, такъ, оно-то все такъ; только зачѣмъ ты такъ торопился вызывать ко мнѣ Якова? зачѣмъ Якову удалось такъ легко выкрутиться изъ найма? зачѣмъ хозяинъ разсчиталъ его въ ту же минуту?«

»Вѣдь разсчиталъ тебя хозяинъ?« обратился старый Дундукъ къ сыну.

Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

»Да́, это я зналъ, какъ только онъ вошелъ въ хату! Тутъ работаетъ какая-то тайная сила, — пожалуй, можетъ быть, та, что отъ созданія свѣта подкапываетъ людское счастье. Запорожецъ зналъ, зачѣмъ отпилъ и бросилъ въ Днѣпръ мои гро́ши. Да и теперь даромъ, вы думаете, онъ показался на дверяхъ? Для тебя, добро́дію, можетъ быть, это и пустяки, а я такъ знаю, что это не даромъ. Ты вотъ смотришь на этотъ портретъ и смѣешься, а я — какъ посмотрю на него, то какъ-будто съ живымъ разговариваю, и будто онъ говоритъ мнѣ: »Побережись, дурень, панства. Знаемъ мы, что́ оно такое! Живи, какъ жилъ; не гоняйся за богатствомъ; ѣшь свой трудовой кусокъ хлѣба; то »проживешь вѣкъ безъ горя на землѣ, и въ смолѣ »не будешь кипѣть на томъ свѣтѣ!« Вотъ что́ сдается мнѣ, онъ говоритъ.«

»Итакъ ты отказываешься отъ нашего договора?«

»Отъ договора?« повторилъ старый Дундукъ такимъ голосомъ, какъ-будто вдругъ вспомнилъ что-то забытое.

»Да́«, сказалъ я твердымъ голосомъ. »Вѣдь межь нами былъ договоръ, рукобитье; не было только свидѣтелей, но за-то былъ надъ нами такой свидѣтель, передъ которымъ страшнѣе всего сломать данное слово.«

Въ это время жена стараго Дундука вышла зачѣмъ-то изъ хаты и крѣпко притворила за собою дверь; глина большими кусками посыпалась на порогъ и открыла изображе́ніе Запорожца до половины. Веселый и вмѣстѣ суровый рыцарь степей представленъ былъ съ бандурою въ рукахъ. Красный жупанъ его придалъ особенную выразительность рѣзкимъ чертамъ смуглой его образины. Старый Дундукъ и его сынъ вздрогнули и молча смотрѣли то́ на изображеніе, то́ на меня.

»Вглядись получше въ это лицо«, сказалъ я старому Дундуку, хватаясь за его сусвѣ́ріе. »Тебѣ сказало оно одно, а мнѣ говоритъ другое.«

»Что́ же оно говоритъ тебѣ?«

»А вотъ что́. Слушай меня и смотри на Запорожца. Я почти готовъ ожидать, что онъ станетъ кивать головой на мои слова: такъ онѣ справедливы. Онъ говоритъ: что никогда онъ не измѣнилъ своему слову, хоть бы обѣщалъ дать отрубить себѣ руку; что человѣкъ безъ вѣрнаго сло-

ва хуже истоптанныхъ бабьихъ черевыковъ; что въ дурацкихъ рукахъ вредны даже огонь и желѣзо, не только деньги, и что умный человѣкъ скорѣй швырнетъ ихъ въ воду, чѣмъ они сдѣлаютъ ему вредъ. Вотъ что́ онъ говоритъ, и это такъ вѣрно, какъ то, что я сидѣлъ сегодня у тебя въ хатѣ и слушалъ твои странные обо мнѣ толки, надъ которыми — посмотри — смѣется даже бездушное изображеніе Запорожца. Теперь мы простимся съ тобою и, если онъ въ эту ночь не приснится тебѣ съ добрымъ совѣтомъ, то живи себѣ съ своимъ Горкушею, пока хата совсѣмъ ляжетъ на бокъ.«

»Постой, добро́дію«, сказалъ старый Дундукъ, »постой! дай и мнѣ что-нибудь сказать.«

»Говори; я слушаю.«

Старикъ молчалъ съ минуту и потомъ поднялъ на меня глаза.

»Въ самомъ дѣлѣ« сказалъ онъ, »мы не шутя пили могоричъ?«

»Кажется, не шутя«, отвѣчалъ я, какъ можно суровѣе. »Я своимъ словомъ не шучу никогда.«

»А я развѣ шучу?« воскликнулъ выпрямившись Дундукъ. »Такъ и я жъ не шучу, добро́дію! Ты уже думаешь, что у нашего брата нема́ и честнаго слова? Знай же, что у васъ, у пановъ, честь въ головѣ, а у насъ въ сердцѣ, и, чтобъ вамъ доказать, чего сто́итъ мужицкій могоричъ — не хочу отъ тебя впередъ ни одного рубля! Пускай мой

Яковъ еще три года покозакуетъ и выполнитъ договоръ!«

И Дундукъ, подбоченись обѣими руками и отставя одну ногу впередъ, смотрѣлъ на сына и на меня съ забавнымъ выраженіемъ гордости и нравственной независимости. Я молча любовался его гетманскою осанкою. Но лице Якова омрачилось прежнею грустью. Три года! и понималъ, что́ это значило для влюбленнаго.

»Что́ же ты молчишь, добро́дію?« спросилъ старикъ.

»Ты, любезный другъ, смѣло стрѣляешь, да слишкомъ низко мѣтишь«, отвѣчалъ я. »Если ты не принялъ отъ меня подарка, то какъ же ты можешь думать, что я приму отъ тебя одолженіе?«

»Какое же тутъ одолженіе, добро́дію? Тебѣ нуженъ работникъ, — вотъ онъ тебѣ на три года. Выслужитъ заработокъ, тогда и женится.«

»Вотъ какъ!« сказалъ я. »Развѣ мы съ тобой на этомъ порѣшили? Такъ пѣтъ же! Будь или сватомъ (1), какъ мы условились, или брехуно́мъ; другихъ условій я знать не хочу.«

»Брехуно́мъ?« повторилъ старикъ встрепенувшись. »Чтобъ я, Харко́ Дундукъ, былъ брехуно́мъ? Нѣтъ, не дождутъ этого и твои внуки! Не былъ я брехуно́мъ и не буду!«

---

(1) Сватами въ Украинѣ считаются всѣ заключившіе между собою какой-нибудь договоръ.

»Очень радъ, если не будешь«, сказалъ я, радуясь, что попалъ на чувствительную струну въ этомъ упрямомъ характерѣ, »очень радъ, и, признаюсь, мнѣ было бы досадно, глядя съ Андреевыхъ горъ на сю сторону, говорить: »Вонъ живетъ брехунъ! — Вонъ брехунъ ѣдетъ на ловлю!«

»Не доживешь до этого, добро́дію!« вскричалъ Дундукъ, точно раненный моимъ умышленно заостреннымъ словомъ. »И дѣти твои, и внуки твои до того не доживутъ!«

»Ну, дай-то Богъ, чтобъ мы до этого не дожили! А и бы, признаюсь, ужъ иначе тебя и не называлъ. Вѣдь это вашъ обычай — давать людямъ по шерсти кличку. Вѣдь и Дундукомъ тебя прозвали за твой крутой и гордый нравъ; не такъ ли?«

»Да́, вражьи люди вздумали дразнить меня Дундукомъ за то, что я съ ними не слишкомъ-то за панибрата и не со всякимъ дурнемъ заведу бесѣду; а я взялъ, да и самъ давай зваться Дундукомъ. Знайте жъ, что я не даромъ человѣкъ Запорожскаго ко́дла! Дундукъ я, и сынъ мой Дундукомъ будетъ!«

»Ну, вотъ, такъ точно ты себя и самъ прозевешь теперь брехуномъ и скажешь: »Брехунъ »я, и сынъ мой брехуномъ будетъ!«

»Эхъ!« воскликнулъ Дундукъ, ударивъ кулакомъ по столу. »Въѣдаешься ты мнѣ, добродію, въ самое сердце!«

Потомъ подумалъ съ минуту, потупивши голову, и сказалъ:

»Ну, скажи мнѣ, положивши на сердце руку, что ты поступаешь со мною по-Божьему да посвятому.«

»По какому я поступаю«, отвѣчалъ и, »это тебѣ скажутъ дѣла мои, а ты смотри за собой, чтобъ черезъ свои сны да Запорожскія прорицанія не сослужить службы тому, кто называется *отцемъ лжи*....«

»Эхъ! еще подправилъ!« проворчалъ старый Дундукъ.«

»Ну, что́ *ты* мнѣ скажешь, козаче?« обратился онъ къ изображенію Запорожца. »Человѣкъ ли тебя намалевалъ, или Запорожская душа за какой-нибудь грѣхъ осталась на землѣ въ этомъ видѣ? Если тебя намалевалъ человѣкъ, то зачѣмъ ты являлся мнѣ два раза передъ великимъ горемъ? Ты молчишь? Знай же, что я нарушу твой завѣтъ не ради худо́бы, а за честное слово, чтобъ не сломить честнаго слова! *Що бу́де, то и бу́де, а бу́де те, що́ Богъ дасть!* Давай, добро́дію, руку! и не думай, и во снѣ не покладай, чтобъ старый Дундукъ покривилъ душею!«

»Давно бы такъ«, отвѣчалъ я. »На прямомъ пути ничто не страшно. Вотъ моя рука, и ты, Запорожецъ, будь свидѣтелемъ, что я подаю ее въ ручательство за добро, которое желаю твоей хатѣ и твоей семьѣ.«

При этихъ словахъ старому Дундуку показалось, что Запорожецъ пошевелился и отступилъ назадъ; но это произошло отъ того, что старуха отворила дверь, входя въ хату.

»Жінко, молись Богу!« сказалъ ей мужъ. »Молись, жінко, Богу, чтобъ сохранилъ насъ отъ великой бѣды! Невесело у меня что-то на сердцѣ.«

»Полно, полно«, сосѣдъ! сказалъ я. »Стыдно честному человѣку такъ говорить. Пускай будетъ не весело на сердцѣ у тѣхъ, кто взвалилъ себѣ на сердце что-нибудь тяжелое.«

»По чемъ знать, добро́дію, что́ у кого есть на душѣ тяжелое? Почемъ знать, за что́ человѣкъ долженъ отвѣчать передъ Богомъ? Можетъ быть, и то уже грѣхъ, чтобы панскимъ добромъ корыстоваться.... Вѣдь оно у васъ не заработанное....

»Полно, полно!« сказалъ я. »Ложись спать, да пусть приснится тебѣ съ доброю рѣчью твой Запорожецъ. Это тебѣ отъ того такъ грустно, что долженъ былъ уступить пану. Знаю и вашъ Запорожскій нравъ. Ваши дѣды затѣмъ и бурлаковали, затѣмъ и дегтяныя сорочки носили, чтобъ не кланяться ни одному вельможѣ.«

И съ тѣмъ мы разстались. Я радовался торжеству своему надъ угрюмымъ и своенравнымъ потомкомъ гайдамакъ, радовался счастью Якова. Съ этого времени всѣ интересы рыбачьяго семейства сдѣлались моими собственными. Честность

стараго Дундука очаровала меня; прочіе привязали меня душевною мягкостью и сильною потребностью любви. »Вотъ они«, думалъ я, »наслѣдники разбойничьяго имени!«

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Черная Рада, хроника 1663 года.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Алексѣй Однорогъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Воспоминанія дѣтства Николая М*:

Өскуша.

Яковъ Яковлевичъ.

Исторія Ульяны Терентьевны.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Майоръ.

Потомки Заднѣпровскихъ Гайдамакъ.

LIBRARY
OCT
1983
UNIVERSITY OF TORONTO

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY